

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1891.

№ 3.

ФЕВРАЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности (съ предисловіемъ А. Рождественна). <i>Шестанова</i>	127—161
Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова) (продолженіе). <i>И. Корсунскаго</i>	162—184
О Богослужебной поэзіи древней греческой церкви до конца IV вѣка. <i>Александра Снегирева</i>	186—208
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Циники (психологическій, моральный и социальный вѣдъ). Ординарнаго профессора Императорскаго Харьковскаго Университета, доктора философій <i>В. Зеленогорскаго</i>	97—121
Метафизическія воззрѣнія ин. Сергѣя Трубецкаго (продолженіе). Свѣд. <i>Т. Бутковича</i>	122—144
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности Харьковской епархіи за 1889—90 учебный годъ. — Слѣдствія о состояніи Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1890 годъ. — Поступленія суммъ въ вышеозначенный Комитетъ въ теченіе января мѣсяца 1891 года. — Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи. — Отъ Совѣта Епархіальнаго женскаго училища. — Епархіальныя извѣщенія. — Отъ благочиннаго 3-го округа Старобѣльскаго уѣзда. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петропскій пер., д. № 16.
1891.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листовъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени» на Екатерининской улицѣ, въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ на Московской ул. и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣпниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая ул., Гостиный Дворъ, № 45 и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

Πίστις νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣаемъ.

Евр. XI. 8

Дозволено цензурою. Харьковъ, Февраля 15 дня 1891 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

БЪ

„Мыслямъ о воспитаніи въ духѣ православія и народности“.

Предлагаемая вниманію читателей журнала «Вѣра и Разумъ» «Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности» принадлежать перу бывшего попечителя Казанскаго учебнаго округа Петра Дмитріевича Шестакова, скончавшагося 24 ноября 1889 года.

Петръ Дмитріевичъ Шестаковъ былъ сынъ священника, родился 27 іюня 1826 года въ селѣ Алферьевѣ, Масальскаго уѣзда, Калужской губерніи. Петру Дмитріевичу было всего восемь мѣсяцевъ, когда скончался его отецъ, оставивъ семью, состоявшую изъ матери, съ четырьмя малолѣтними дѣтьми, безъ всякихъ средствъ къ существованію. Къ счастью на помощь осиротѣвшей семьѣ явился служившій въ тверской казенной палатѣ дядя Петра Дмитріевича, родной братъ матери, А. Я. Смирновъ. Онъ взялъ всю семью къ себѣ въ домъ и далъ дѣтямъ воспитаніе. Первоначальное образованіе П. Д. получилъ въ уѣздномъ училищѣ, а затѣмъ въ тверской гимназіи, по окончаніи курса въ которой, съ серебряною медалью, поступилъ, по экзамену, на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета, на которомъ въ 1846 г. и окончилъ курсъ, съ ученою степенью кандидата историко-филологическихъ наукъ.

Послѣ окончанія курса въ университетѣ П. Д., всего двадцати лѣтъ отъ роду, былъ назначенъ старшимъ учителемъ въ

Смоленскую гимназію, откуда, по истеченіи года, былъ переведенъ учителемъ въ тверскую, а затѣмъ въ 1849 г. въ четвертую Московскую гимназію. Въ 1852 г. онъ былъ назначенъ уже инспекторомъ Смоленской гимназіи, а въ 1855 г. сдѣлался директоромъ послѣдней. Въ 1860 году П. Д. былъ перемѣщенъ в. д. инспектора студентовъ Императорскаго Московскаго университета, а въ 1861 г. занялъ должность инспектора казенныхъ училищъ Московскаго учебнаго округа, въ которой оставался до 1863 года. 17 апрѣля этого года онъ былъ Высочайше опредѣленъ помощникомъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, а 5 февраля 1865 года, Имепнымъ Высочайшимъ указомъ Всемилостивѣйше назначенъ былъ попечителемъ этого округа. Въ послѣдней должности онъ состоялъ до 1883 г. 18 іюня этого года П. Д. согласно прошенію, былъ Всемилостивѣйше уволенъ отъ должности попечителя округа, которую онъ несъ безсмѣнно въ теченіе семнадцати лѣтъ.

Не вдаваясь въ оцѣнку весьма продолжительной и плодотворной учено-литературной и педагогическо-служебной дѣятельности, которая, по общему голосу, была «высоко-мудрою и истинно блестящею» ¹⁾, мы скажемъ нѣсколько словъ о религіозно-нравственныхъ убѣжденіяхъ Петра Дмитриевича. По своимъ воззрѣніямъ П. Д. былъ глубоко-убѣжденный православный христіанинъ. Получивъ первоначальное религіозно-нравственное воспитаніе подъ руководствомъ замѣчательно набожныхъ матери и бабушки, П. Д. до конца своей жизни оставался непреклонно-вѣрнымъ сыномъ Православной церкви. Стоя въ послѣдніе годы въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ нему, мы лично были свидѣтелемъ его примѣрной христіанской жизни. Библия была для него настольною книгою въ полномъ смыслѣ этого слова. Читеніемъ ея онъ начиналъ и кончалъ день. Въ ней онъ находилъ утѣшеніе и во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни. Не получивши спеціального богословскаго образованія въ школѣ, онъ пріобрѣлъ

¹⁾ Въ скоромъ времени нами будетъ отданъ въ печать обширный «очеркъ жизни и педагогической дѣятельности П. Д. Шестакова».

его путемъ чтенія лучшихъ богословскихъ сочиненій и журналовъ. Богословская и церковно-историческая литература интересовала его нисколько не меньше, чѣмъ литература свѣтская. Въ числѣ его многочисленныхъ, могущихъ составить нѣсколько обширныхъ томовъ сочиненій ¹⁾, есть сочиненія и церковно-историческаго характера. Такъ въ 1861 году онъ помѣстилъ въ *«Православномъ Обзорнѣи»* «Матеріалы для жизнеописанія святителя Тихона, епископа Воронежскаго». Въ 1868 г. въ *«Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія»* напечаталъ изслѣдованіе о «Просвѣтителяхъ лопарей, архимандритѣ Феодоритѣ и св. Трифонѣ Печенгскомъ», въ 1869 г. въ томъ же журналѣ онъ сообщилъ «Нѣкоторыя свѣдѣнія о распространеніи христіанства у калмыковъ» и сдѣлалъ обширный докладъ г. министру народнаго просвѣщенія въ видѣ «Соображеній о системѣ образованія инородцевъ, обитающихъ въ губерніяхъ Казанскаго учебнаго округа». Въ 1868 году, въ *«Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета»* Петромъ Дмитріевичемъ былъ напечатанъ капитальный трудъ о «св. Стефанѣ, первосвятителѣ Пермскомъ», а въ *«Православномъ Собесѣдникѣ»* — «Житіе преподобнаго отца нашего Трифона, вятскаго чудотворца». Въ 1871 году въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* появилась его знаменитая статья «Чтевіе древнѣйшей зырянской надписи, единственнаго сохранившагося памятника времени св. Стефана Великопермскаго», стоившая ему громаднаго труда ²⁾, а въ 1878 г. въ *«Трудахъ IV Археологическаго Съѣзда»* была напечатана статья по вопросу о томъ, «Гдѣ книги, писанныя зырянскою или пермскою азбукою, составленною св. Стефаномъ Великопермскимъ».

Помимо трудовъ литературныхъ, П. Д. Шестаковъ служилъ Православной Церкви и другимъ путемъ. Въ 1867 году въ

¹⁾ Послѣ смерти Петра Дмитріевича осталось нѣсколько статей, совершенно приготовленныхъ къ печати, и кромѣ того, его Автобіографія и Дневникъ почти въ 600 листовъ, который онъ велъ въ теченіе 20 лѣтъ.

²⁾ За чтеніе этой надписи брались очень многіе, извѣстный профессоръ Московскаго университета С. П. Шевыревъ († мая 1864 г.) въ своей Исторіи русской словесности съ грустью отмѣчаетъ тотъ фактъ, что зырянская надпись еще не разобрана.

Казани, при кафедральномъ соборѣ, было открыто православное церковное Братство, во имя святителя Гурія. П. Д. Шестаковъ былъ однимъ изъ главныхъ учредителей и организаторовъ этого Братства и первымъ его предсѣдателемъ. Время предсѣдательства П. Д. было самое оживленное и многоплодное. «Своими истинно-христіанскими ревностными трудами П. Д. принесъ огромную пользу Братству и въ матеріальномъ и религіозно-нравственномъ отношеніи» ¹⁾. Въ его предсѣдательство въ Совѣтъ Братства поступало ежегодныхъ пожертвованій отъ 4½ до 6 тысячъ рублей; а школъ въ 2½ года было открыто столько (49), сколько почти открыто ихъ за всѣ друція 19½ лѣтъ ²⁾.

Имѣя непосредственное отношеніе къ учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія, П. Д. Шестаковъ относился всегда съ самымъ живымъ интересомъ и участіемъ и къ духовно-учебнымъ заведеніямъ. Учебно-воспитательная часть духовныхъ училищъ и семинарій подвергалась имъ неоднократной оцѣнкѣ въ его педагогическихъ сочиненіяхъ. А когда, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, въ печати былъ поднятъ вопросъ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній, П. Д. напечаталъ въ «Русской Рѣчи» 1861 г., особую статью «О преобразованіи духовныхъ училищъ»,—въ которой доказывалъ необходимость улучшенія постановки въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ «общечеловѣческаго образованія», находившагося тогда въ крайнемъ упадкѣ. Въ бытность свою попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, П. Д. всегда стоялъ близко къ духовной академіи и интересовался ея ученою дѣятельностью. При его содѣйствіи установилась живая связь между университетомъ и академіей, благодаря чему для временнаго преподаванія наукъ, по вакантнымъ кафедрамъ, преподаватели академіи приглашаемы были въ университетъ, а университетскіе профессора читали лекціи въ академіи ³⁾.

¹⁾ Изъ рѣчи Высокопреосвященнаго Павла, архіеп. Казанскаго, произнесенной на общемъ собраніи Братства святителя Гурія, 8 декабря 1889 г.

²⁾ См. рѣчь прѣосвящ. Сергія, епископа Чебоксарскаго, произнесенную на общемъ собраніи Братства святителя Гурія, 8 декабря 1889 г.

³⁾ См. Отчетъ о состояніи Каз. Духов. Академіи, за 1889—1890 учебный г.

Кромѣ того, онъ не закрывалъ, по выраженію высокопреосвященнаго Палладія ¹⁾, дверей, вѣренной ему сферы управленія, передъ достойнѣйшими изъ духовнаго происхожденія и воспитанія, выдающимся своими талантами, добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу и усердіемъ ²⁾. Въ настоящее время многія изъ такихъ лицъ, съ честью проходятъ службу въ университетѣ, гимназіяхъ и занимаютъ другія мѣста и должности въ учебномъ вѣдомствѣ Казанскаго округа. За такое внимательно-сердечное отношеніе свое къ Казанской духовной академіи, а также за свое «живое участіе въ дѣлѣ просвѣщенія Свѣтомъ Христовой вѣры язычествующихъ и магометанствующихъ инородцевъ, и за свои духовно-литературные труды и просвѣщенное сочувствіе къ успѣхамъ и процвѣтанію отечественно-богословской науки», П. Д. Шестаковъ, въ 1875 году, по единодушному соглашенію совѣта академіи былъ избранъ въ число ея почетныхъ членовъ.

Что касается характера служенія Петра Дмитриевича на поприщѣ педагогическомъ, то это служеніе было основано на самомъ высокомъ и истинно-просвѣщенномъ взглядѣ на воспитаніе. «Педагогическое исповѣданіе Петра Дмитриевича, говоритъ одинъ изъ его ближайшихъ сослуживцевъ, насколько могъ я понимать, заключалось въ томъ, что непременно въ основаніе воспитанія юношества надобно полагать краеугольнымъ камнемъ религіозное образованіе, которое животворно дѣйствуетъ тогда только, когда основывается не на сухомъ формализмѣ, но возникаетъ изъ тайниковъ сердца, исполненнаго любви всеоживляющей» ³⁾. Эти слова одного изъ сотрудниковъ Петра Дмитриевича могутъ быть поставлены эпиграфомъ какъ къ его многочисленнымъ педагогическо-литературнымъ трудамъ, такъ и ко всей вообще служебно-педагогической дѣятельности.

Написанныя Петромъ Дмитриевичемъ не задолго до его кончины «Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и на-

¹⁾ Бывшаго архіепископа Казанскаго, а теперь экзарха Грузіи.

²⁾ См. Обѣдъ 30 іюня Петру Дмитриевичу Шестакову. Казань 1883. Стр. 18.

³⁾ Ibid., стр. 29.

родности» не составляютъ исключенія изъ всѣхъ его педагогическихъ трудовъ. Съ первой страницы «Мыслей о воспитаніи» видно уже, что эти мысли были мыслями глубоко-вѣрующаго и истинно-просвѣщеннаго христіанина. Въ наше время, когда интересъ къ педагогическимъ вопросамъ дельно для возрастаетъ, является особенно сильная потребность въ серьезныхъ педагогическихъ трудахъ. Мысли Петра Дмитриевича о воспитаніи, по нашему мнѣнію, какъ нельзя лучше удовлетворяютъ этой потребности. Принадлежа перу опытнаго высокопросвѣщеннаго и глубоко-вѣрующаго педагога, онѣ и по своему изложенію могутъ быть отнесены къ числу выдающихся литературно-педагогическихъ произведеній.

А. Рождественскій.

Казань,
1890 г. 27 ноября.

МЫСЛИ

0

ВОСПИТАНИИ ВЪ ДУХЪ ПРАВОСЛАВІЯ И НАРОДНОСТИ.

I

Передъ рожденіемъ ребенка.

По сихъ же дняхъ зачатъ Елисаветъ жена ея, и таишея мѣсяцъ пять, глаголющи: яко тако сотвори мнѣ Господь во дни, въ нлже призръ отъяти поношкіе мое въ челоушнхъ. (Ев. отъ Лукк I, 24—25).

И слышаша окрестъ живущи и ужихи ея, яко возвеличиль естъ Господь милость свою съ нею, и радовахуся съ нею. (Ев. отъ Лукк I, 58).

Материнство—прирожденное чувство женщины. Вложенное въ нее природою, материнское чувство проявляется еще въ дѣтскіе годы. Дѣвочка целенаеть, нянчить и нѣжными именами ласкаетъ свою куклу, собачку, кошку; носится со своимъ воображаемымъ ребенкомъ, пѣлуетъ его, убаюкиваетъ на рукахъ, кормить и укладываетъ въ свою постельку. И все это дѣлается серьезно; крошка мамаша преисполнена важностію, лежащихъ на ней, материнскихъ обязанностей. Она обидится, если кто обратитъ въ шутку ея материнскія заботы, она горько заплачетъ, если у нея возьмутъ ея ребеночка. Конечно, въ этихъ дѣйствіяхъ дѣвочки, изображающей мать, есть и подражаніе, которымъ вообще отличаются дѣти; но въ основѣ все же лежитъ, вложенное природою материнство. Это чувство съ особенною силою высказывается тогда, когда дѣвица выходитъ замужъ и дѣлается женщиною. Съ какою едва

скрываемою радостію встрѣчаетъ она первый признакъ начинающейся беременности, съ какою гордостію носить свое пріятное бремя, съ какимъ особеннымъ, сладостнымъ чувствомъ ощущаетъ первое біеніе сердца, первое движеніе *своего* уже горячо любимаго ею ребенка.

Въ семьѣ, ожидающей дорогого, благодатнаго маленькаго гостя, начались приготовленія. Выбирается матеріаль почище, побѣлѣе, поцѣянѣе, кроится и шьется бѣлье, которое украшается ленточками, бантиками, чтобы все было понаряднѣе, покрасивѣе; дѣлаются свивальники, чтобы бережно связывать ими хрупкіе, иѣжные члены ребенка; изготавливается мягкое, теплое одѣяльце, чтобы покрывать и защищать отъ холода зябкое тѣльце; принимаются заботы объ устройствѣ для малютки удобной кроватки, которая служила бы ему колыбелью и мѣстомъ отдыха, отъ его неустаннаго движенія своими маленькими ручками и ножками.

Благоразумная будущая мать, чтобы сохранить ребенка, бережетъ и себя, не позволяетъ себѣ не только танцевъ и прыжковъ, но и слишкомъ быстраго движенія и всякаго утомленія физическаго и волненія душевнаго, перестаетъ зашнуровываться, уже не думая о тонкой талии.

Будущіе отецъ и мать оба внимательно еще разъ осматриваютъ свое помѣщеніе, чтобы найти для дитяти уголокъ посуше, потеплѣе и поудобнѣе, хотя бы это повело къ нѣкоторому стѣсненію самахъ родителей.

Такъ заботливо готовятъ будущіе родители къ приему крошки—гостя. Такой гость достоинъ заботы. Не о немъ ли самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ: *«Аще не обратитесь, и будете яко дѣти, не увидите въ царствіе небесное. Иже убо смирится, яко отроча сіе, той есть велиій въ царствіи небесныхъ.»* (Ев. отъ Матѣ. XVIII, 3.—4). *Блюдите, да не презрите единого отъ малыхъ сихъ: глаголю бо вамъ, яко Ангели ихъ на небесахъ выну видятъ лице Отца моего небеснаго.* (Ев. отъ Матѣ. XVIII, 10).

Но всѣ эти заботы родительскія, о которыхъ мы говорили, касаются лишь физическаго здоровья ребенка. Какія же приготовленія дѣлаются будущими отцомъ и матерью, при ожи-

даніи «одного изъ малыхъ сихъ», въ видахъ нравственнаго здоровья и благосостоянія ожидаемаго крошечнаго, беспомощнаго существа? Отцы и матери, кто отвѣтитъ намъ на этотъ вопросъ: какъ и чѣмъ готовимся мы къ принятію этого чистаго гостя, Ангелъ котораго всегда видитъ лице Отца нашего Небеснаго? Приготовляемъ ли мы и для души ребенка такой же безвредный, уютный кровъ, такую же чистую, незапятнанную ничѣмъ невинную жизнь, которая могла бы служить ему образцемъ; такіе же крѣпкіе свивальники въ нашихъ собственныхъ нравахъ, свычаяхъ и обычаяхъ, обхватываемый которыми отовсюду ребенокъ могъ бы расти и укрѣпляться духомъ, исполняясь премудрости? Заботимся ли мы удерживаться отъ нашихъ дурныхъ не только мыслей, желаній и увлеченій, но и отъ нашихъ дурныхъ дѣлъ, поступковъ, привычекъ, которые могутъ соблазнять и растлѣвать чистую душу нашего маленькаго гостя. Вспомнимъ Евангельское слово: *И живъ еще приметъ отроча таково во имя мое, мене приѣмлетъ. А иже еще соблазнитъ единого малыхъ сихъ отрующихъ отъ мя, уне есть ему, да обѣситъ жерновъ осельскій на вышн его, и потонетъ отъ пучинъ морстѣй. Горе міру отъ соблазна: нужда бо есть прити соблазномъ: обаче горе человеку тому, иже соблазнъ приходитъ* (Ев. отъ Мате. XVIII, 5—7). Отцы и матери, не относятся ли эти слова и къ намъ? Не приходитъ ли къ нашимъ дѣтямъ соблазнъ отъ насъ самихъ? Если каждый изъ насъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ по совѣсти, то, думается намъ, многимъ придется отвѣтить: горе намъ; мы принимаемъ рождающагося ребенка далеко не такъ, какъ слѣдуетъ; примѣромъ своей собственной жизни мы представляемъ ему соблазнъ, свою прежнюю жизнь полагаямъ ему препятствіе къ нравственному совершенствованію.

Признанный уже теперь наукою законъ наслѣдственности указываетъ намъ, что надлежащее приготовленіе къ принятію рождающагося на свѣтъ дитяти должно начаться задолго до его рожденія. Такъ какъ, по закону наслѣдственности, и физическіе и духовные недостатки родителей передаются дѣтямъ, то стало быть воспитаніемъ самихъ родителей обусловливается тѣлесное и душевное состояніе дѣтей; слѣдователь-

но приготовленіе къ принятію рождающагося ребенка восходить ко времени воспитанія его родителей. А такъ какъ и воспитаніе родителей обусловливается воспитаніемъ ихъ родителей, то приготовленіе къ принятію новорожденнаго восходить еще далѣе, къ воспитанію его дѣдовъ, прадѣдовъ и т. д.

Понятно, что родители только что рождающагося ребенка не могутъ дѣйствовать на своихъ предковъ, не могутъ даже совершенно истребить зла, унаслѣдованнаго ими отъ нихъ; но они должны, по мѣрѣ силъ, стараться по возможности заглушать недобрыя сѣмена, посѣянные въ нихъ самыхъ, не давать имъ возрастать и проявляться наружу, особенно въ присутствіи своего ребенка. Они должны дать себѣ обѣтъ постоянно наблюдать надъ собою, постоянно сдерживать свои дурныя привычки, постоянно помнить, что предъ ними благодать Господня, невинное дитя, которое они обязаны принять, хранить и лелѣять во имя Божіе.

Девятимѣсячный срокъ беременности будущей матери долженъ быть временемъ искуса и для нея, и для ея мужа, будущаго отца ребенка. Это время мужъ и жена обязаны всецѣло посвятить самообразованію, самовоспитанію, оставленію дурныхъ привычекъ, пріученію себя къ иному, лучшему образу жизни, который могъ бы служить руководствомъ и образцомъ для ихъ милаго дитяти. Въ это время будущимъ матери и отцу слѣдуетъ ознакомиться съ главными основными правилами физическаго возвращенія и духовнаго воспитанія ребенка, здороваго тѣломъ и духомъ, увнать, что можетъ принести дитяти пользу и что вредъ, чтобы, по рожденіи ребенка, избѣгать всего, что для него вредно и избирать лишь полезное. Это, можно сказать, самый легкій трудъ, предстоящій будущимъ родителямъ: если у нихъ есть охота, они въ 9 мѣсяцевъ довольно основательно могутъ изучить теорію дѣтскаго воспитанія, какъ вести ребенка въ первые годы его жизни.

Но затѣмъ предстоитъ для нихъ самое трудное дѣло—самовоспитаніе. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ постоянно, строго и бдительно наблюдать надъ самимъ собою и сдерживать самого себя. Побѣда надъ собою есть самый труднѣйшій под-

вигъ, самая блестящая побѣда, одержать которую безъ помощи Божіей, безъ теплой молитвы къ Богу, невозможно.

Привыкла, напримѣръ, молодая женщина сыпать цвѣтами остроумія, шутить, смѣяться надъ другими, злословить, привыкла потому, что такъ всё дѣлаютъ, что ея острыя слова, шутки и смѣхъ возбуждали веселость въ обществѣ знакомыхъ, были предметомъ одобренія людей близкихъ, семейныхъ. Сѣумѣеть ли она отвыкнуть отъ этой своей привычки, которая притомъ казалась ей достоинствомъ, а не недостаткомъ?

Привыкла молодая женщина легкомысленно вертѣться въ кругу молодежи, гулять по публичнымъ садамъ, часто посѣщать театръ, концерты, вечера, балы, это доставляло ей не только развлеченіе, но и удовольствіе, тѣмъ болѣе, что она вездѣ бывала съ мужемъ, котораго она искренно любитъ. Сѣумѣеть ли она отказаться отъ этихъ удовольствій и почаще сидѣть дома близъ колыбели своего дорогого ребенка? А вѣдь ей придется отказаться отъ общественныхъ собраній, отъ многихъ развлеченій, если она хочетъ предохранить свое дитя отъ вреда, который можетъ произойти съ нимъ въ ея отсутствіе. Неужели она ради вечера и бала удалится отъ своего ребенка, когда простая, неразвита я мать татарка возить съ собою въ крытой повозочкѣ свое дитя, даже на сельскія работы? Вотъ для отвычки отъ несвойственныхъ матери привычекъ, готовящаяся быть матерью и должа употребить свой 9-ти мѣсячный искусъ, время пошенія ея сладкаго бремени. Отвыкнуть отъ этихъ прежнихъ привычекъ необходимо и для здоровья ея самой, и для благополучнаго разрѣшенія отъ бремени, и для здоровья будущаго ребенка.

Въ это время нужно,—нужда велитъ, отвыкать и отъ столь вреднаго для здоровья корсета, и отъ черезъ мѣру узкихъ платьевъ, и отъ слишкомъ высокихъ каблуконъ, и отъ излишне-откровеннаго одѣванья, и отъ излишней, ни къ чему не ведущей, кромѣ какъ къ стѣсненію мужа, роскоши, и отъ неумѣренности въ ѣдѣ, — словомъ отъ излишествъ, лишь видимо украшающихъ и услаждающихъ жизнь, въ сущности же вредящихъ физическому здоровью, а иногда отражающихся вредомъ и на духовной сторонѣ человѣка.

Еще болѣе борьбы съ самимъ собою предстоитъ будущему отцу, тѣмъ болѣе борьбы, чѣмъ больше бесполезныхъ и даже вредныхъ привычекъ усвоилъ онъ себѣ во время холостой своей жизни.

Кутежи, попойки, веселыя оргіи, прощайте, вамъ не мѣсто у отца семейства. Если онъ имѣлъ несчастную привычку по временамъ напиваться допьяна, ему слѣдуетъ бросить эту дурную привычку на всегда, потому что отцу семейства пить и напиваться допьяна не только не прилично, но и непростительно и грѣшно, такъ какъ онъ своимъ примѣромъ заразитъ и своихъ сыновей, которые сперва изъ подражанія отцу, а тамъ по привычкѣ легко сдѣлаются пьяницами. Считаемъ долгомъ оговориться, что страдающему запоемъ совсѣмъ не слѣдуетъ жениться: дѣти алкоголиковъ, какъ показъ опытъ, или предаются тому же пороку, или сходятъ съ ума, или подвергаются различнымъ болѣзнямъ.

Будущій отецъ, привыкшій много курить, лучше сдѣлаеть, если во время девятимѣсячнаго искуса бросить куреніе, иначе его дѣти тоже будутъ отравлять себя никотиномъ, приобрѣтя отъ отца бесполезную и ничѣмъ не вызываемую потребность къ куренію. Не отцы ли виноваты въ томъ, что страсть къ куренію охватила даже отроковъ, перелилась, къ сожалѣнію, и въ женщинъ,—а курящая, точно также какъ и пьющая водку, женщина представляетъ жалкое, болѣзненное явленіе?

Картежнику, привыкшему играть въ карты съ увлеченіемъ, слѣдуетъ отстать отъ своей привычки: картежная игра—занятіе самое бессмысленное, но могущее увлечь, отвлечь отъ серьезнаго дѣла и даже испортить характеръ человѣка до неузнаваемости.

Записной клубистъ, взявшій привычку, будучи холостымъ, ежедневно проводить вечера въ клубѣ, нравственно обязанъ, уже ради жены, оставить эту холостую привычку, чтобы проводить вечера вмѣстѣ съ женою, а въ продолженіе 9-ти мѣсячнаго искуса ему положительно нужно отвыкнуть отъ частаго посѣщенія клуба, которое несомнѣнно со званіемъ отца семейства, даже если не соединяется съ картежной игрой и попойкой.

Человѣкъ съ небольшими средствами, если возымѣлъ привычки гастронома, приготовляясь сдѣлаться отцемъ семейства, долженъ позабыть гастрономію, которая, укоренившись, можетъ лишить его жену и дѣтей необходимаго изъ-за излишняго.

Неженатые люди нерѣдко въ холостой компаніи привыкаютъ къ нескромнымъ и несдержаннымъ бесѣдамъ, — такіе разговоры неприлично вести и допускать у себя человѣку семейному, потому что такія рѣчи чистый соблазнъ для дѣтей. Отецъ, дозволяющій при дѣтяхъ соблазнительныя бесѣды, — не воспитатель, а растлитель своихъ дѣтей. Отецъ семейства! *«И словесемъ твоимъ сотвори въсѣ и мѣру, и устами твоими сотвори дверь и затвору»* (Сир. XXVIII, 29).

Если будущій отецъ не привыкъ дома трудиться, не имѣетъ привычки читать, то въ теченіе 9-ти мѣсяцевъ онъ долженъ привыкнуть къ дѣловому труду и усвоить себѣ привычку къ чтенію: обѣ привычки будутъ благотворно дѣйствовать на ребенка, который изъ подражанія усвоитъ эти двѣ добрыя привычки, незамѣтно для него самого, а это послужитъ ему къ пользѣ на всю жизнь.

Никогда въ присутствіи ребенка не слѣдуетъ говорить неправду. Постоянно правдивое слово отца и матери воспитываетъ правдивость и въ ребенкѣ, а это въ высшей степени важно, такъ какъ ложь есть болѣзнь не однихъ дѣтей, но, можно сказать, болѣзнь нашего вѣка.

Никогда въ присутствіи дитяти не должно дурно отзываться о другихъ.

Если будущіе отецъ и мать сдѣлали привычку спать долго и вставать поздно, нужно въ 9-мѣсячное время искуса пріучиться раньше ложиться и раньше вставать, — такъ здоровѣе, и для умственной, и для всякой работы полезнѣе. *«Сонъ здоровый отъ чрева умирена, говоритъ Іисусъ, сынъ Сираховъ: воста заутра, и душа его съ нимъ»* (Премудр. гл. XXXI, 22). Недаромъ нѣмцы сложили поговорку: *Morgens-tunde hat Gold im Munde* (у утренняго часа во рту золото). Приготовляющіеся быть отцомъ и матерью должны носить

Бога въ сердцѣ своемъ ежечасно; должны оказывать почтеніе своимъ родителямъ. *Бояйся Господа почитаетъ отца, и яко владыкамъ послужитъ родившимъ его* (Сир. гл. III, 7). *Корень премудрости есие боятися Господа и отвоіе ея долгоденствоіе* (тамъ же гл. I, 20). Къ бѣднымъ и сирымъ будущіе отецъ и мать да будутъ сострадательны, со слугами своими тихи, не гнѣвны. *Не дѣти бывайте умы, но злобою младенствуйте, умы же совершенни бывайте* (1. Коринѣ. XIV, 20).

Наконецъ, пусть будущіе родители постоянно помнятъ слова Апостола Павла: *И аще раздамъ ося имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое во есие сжещи е, любви же не имамъ никакая польза ми естъ* (1 Коринѣ. гл. XIII, 3). Крѣпкая любовь должна связывать будущихъ отца и мать на всю жизнь.

Тотъ изъ молодыхъ мужей, который во время холостой своей жизни, подобно мотыльку перелеталъ отъ цвѣтка къ цвѣтку, долженъ забыть свою вѣтренность и помнить, что обязанность отца семейства требуетъ солидности и устойчивости въ сердечныхъ привязанностяхъ, что его святой долгъ быть вѣрнымъ мужемъ матери своего ребенка, такъ какъ, измѣняя жепѣ, онъ является вмѣстѣ съ тѣмъ нарушителемъ отцовскихъ обязанностей и совершаетъ безсердечный, низкій, позорный поступокъ, отнимая у своего ребенка отца и оставляя его сиротою въ самый безпомощный возрастъ его жизни. Горе и общее презрѣніе тому, кто это дѣлаетъ. Сказанное нами сейчасъ относится и къ жепѣ, измѣняющей своему мужу и оставляющей своего ребенка безъ матери. *Есие убо Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ* (Мар. X, 9).

Горячею молитвою къ Богу, призвавъ благословеніе на свой семейный союзъ и приготовившись въ теченіе 9-мѣсячнаго искуса принять драгоценный плодъ брачнаго союза, во имя Божіе, какъ подобаетъ истиннымъ христіанамъ, будущіе отецъ и мать могутъ съ веселіемъ въ душѣ ожидать прихода своего ангельчика, какъ народъ нашъ мѣтко называетъ ребенка.

II.

Рожденіе ребенка.

Человѣкъ живетъ тройственною жизнью: растительною, животною и разумною или духовною. У насъ три отечества: чрево матери, земля и небо. Рождениемъ отступаетъ онъ во второе отечество, смертію и воскресеніемъ въ третье, свѣтлое. Какъ дитя во чрево матери приготавливается къ земной жизни, такъ душа съ помощію тѣли образуется во время земной жизни для свѣтлости. Счастливыѣ тотъ, кто приносилъ въ свѣтъ изъ чрева матери хорошо образованные члены, въ тысячу разъ счастливыѣ тотъ, кто при смертн уноситъ хорошо образованную душу. (Іоаннъ Амостъ Коменскій *Didactica magna*).

Есмь бо и азъ человекъ смертенъ, подобенъ вѣсѣмъ, и земнороднаго внука первозданнаго. И во чрево матери изобразился плоть, въ десяти тысячномъ времени соустився въ крови отъ стмении мужеска и услажденія сномъ сошедшагося. И азъ рожденъ воспріяхъ общаго аера и на подобострастную землю спадохъ, первый гласъ подобный вѣсѣмъ испустихъ плача. Въ пеленахъ вскармленъ есмь и съ (великимъ) прилежаніемъ: ни единъ бо царь ино имъ рожденія начало. Единъ бо вхождъ вѣсѣмъ есть въ житіе, подобенъ же и исходъ (книга премудрости Соломона гл. VII, 1—7). Такъ говорится отъ имени царя Соломона объ его рожденіи. Каждый изъ насъ, говоря словами книги премудрости Соломона, спадаетъ на землю, испуская первый голосъ плача. Ни одинъ царь не имѣлъ иного рожденія начала: одинъ входъ всѣмъ въ жизнь, одинъ и исходъ.

Въ болѣзняхъ родилии чада (кн. Бытія Моис. гл. III, 16), сказалъ Господь Богъ первой женѣ, по совершеніи Евой и Адамомъ первороднаго грѣха. Не мимо идетъ слово Господа... Страшныя муки ждуть будущую мать, когда наступитъ часъ рожденія; невыносимыя нравственныя страданія--удѣлъ будущаго отца въ эти тяжкія и скорбныя для нихъ минуты. Холодъ леденитъ сердце, трепеть пробѣгаетъ по жиламъ, когда мужъ видитъ внезапную перемѣну въ лицѣ любимой жены,

видить это милое для него лице вдруг осунувшимся, блѣднымъ, съ потухающими очами, какъ будто послѣ перенесенія долгой и тяжелой болѣзни. Съ ужасомъ, тщательно скрываемымъ, смотритъ онъ на это, столь не похожее на вчерашнее лице, и понимаетъ, что наступаетъ истинная страда для нихъ: для жены физическія муки, для него нравственная пытка. И невольно мысленно обращается онъ съ теплою слезною мольбою къ Богу: «сохрани ее, Боже, для меня, для ребенка. Умилосердись надъ нами».

Тогда же слѣдуетъ пригласить акушерку, не откладывая до послѣднихъ минутъ. Между тѣмъ въ первый разъ рождающая, на первыхъ порахъ еще спокойна, радостна, не предчувствуя того, что ее ожидаетъ...

Но ея радостное настроеніе продолжается не долго. «*Умножилася, умножусь печали твоя и воздыханія твоя*» (кн. Бытія III—16). Съ каждымъ часомъ боли усиливаются, съ усиленіемъ болей, лице ея еще болѣе худѣетъ, она дѣлается безпокойнѣе, ей уже не сидится на мѣстѣ... Она дѣлаетъ порывистыя движенія... пробуетъ ходить, падѣясь движеніемъ заглушить острия болѣзненныя схватки. Напрасно... Боль все усиливается и усиливается до того, что у слабосильныхъ и слабохарактерныхъ вызываетъ даже крики, которые впрочемъ несколько не помогаютъ, не облегчаютъ, лишь безъ нужды увеличиваютъ собственный страхъ родильницы и страхъ мужа и близкихъ ея.... Исполняется глаголь Господа: «*жена, егда рождаетъ, скорбь имать, яко прииде годъ ея!*» (Ев. отъ Іоан. XVI, 21). Но, вслѣдъ за этимъ скорбнымъ словомъ, Господь Іисусъ Христосъ сказалъ и слово утѣшенія: «*егда же родитъ отроча, ктому не помнитъ скорби за радость, яко родися челоукъ въ міръ*» (тамъ же)...

Вотъ раздался первый дѣтскій крикъ, или вѣрнѣе плачь новорожденного... и при этомъ крикѣ позабываются, выкупаются всѣ страданія... Посмотрите, что сдѣлалось съ матерью. Какъ преобразилось ея лице: за минуту искаженное тяжкими муками, оно теперь свѣтло и радостно, въ блестящихъ глазахъ сіяетъ по истинѣ не земная радость. «Покажите мнѣ его, покажите», проситъ она. Къ ней подносятъ ребенка.

«Сокровище мое, золотой мой», говорить она, осыпая поцѣлуями сморщенное, красное личико. И сколько любви, сколько восторга въ ея лицѣ и въ звукахъ ея голоса... Молодая женщина преобразилась совершенно, — она глядитъ беззавѣтно любящею свое дитя матерью... А отецъ? Отецъ, при первомъ крикѣ ребенка, со слезами радости благодаритъ Бога за его неизреченную милость, и снова молится — о сохраненіи жизни двухъ дорогихъ для него существъ. Ему какъ то особенно легко и пріятно. Съ умиленіемъ смотритъ онъ на просвѣтленное и сіяющее радостію лице жены, какъ будто сразу оживившееся и... и гордится тѣмъ, что онъ — отецъ. Да, велика, полна радости эта минута и за радость эту позабывается мучительная скорбь, только что перенесенная. И съ какимъ теплымъ чувствомъ благодарности возносятся въ этотъ часъ свои молитвы къ Богу новые отецъ и мать. Ахъ! Если бы мы всегда съ такимъ чувствомъ молились, если бы всегда такъ тепло, отъ всего сердца благодарили Бога за его постоянное къ намъ милосердіе, какъ бы хорошо это было.

Въ то время, когда отецъ и мать предаются молитвенному восторгу и переживаютъ, можно сказать, самыя сладкія минуты своей жизни, возбудившій въ нихъ такое радостное настроеніе ребенокъ, спеленатый, спокойно лежитъ на подушкѣ, почмокивая губами, какъ будто сосетъ что-нибудь. На этомъ крошечномъ существѣ, бессильномъ, беспомощномъ, крикливомъ, сосредоточиваются отнынѣ всѣ заботы, всѣ помыслы, всѣ надежды матери.

Первыя заботы, конечно, о томъ, чтобы ребенку было тепло, сухо, чтобы онъ былъ сытъ. Его свиваютъ, перемѣняютъ на немъ бѣлье, какъ только оно сыро, закутываютъ въ теплое одѣяльце.

Но нужно ли ребенка свивать? Въ тѣ годы, когда всѣ и всюду толковали о свободѣ развитія, предоставили свободу и новорожденному, снявъ съ него свивальникъ и предоставивъ ему свободно, по произволу, дѣйствовать своими маленькими членами. «Такъ де ребенокъ разовьется свободнѣе, лучше». Тяжелый опытъ показалъ, что даже маленькому, невинному, безвольному существу, излишняя воля и свобода при-

носятъ лишь вредъ: торчащія уши, кривыя ноги, глубокія царапины на лицѣ и на тѣлѣ и другія, иногда весьма тяжелыя, поврежденія были результатомъ предоставленія ребенку полной свободы дѣйствій. Не то ли же видимъ мы и на отрокахъ, и на юношахъ, и даже на совершенно взрослыхъ, которые скидываютъ съ себя свивальники закона и скачутъ на полной свободѣ, какъ безуздые кони? Въ виду пѣжности и хрупкости членовъ новорожденнаго ребенка, предоставленіе ему полной свободы и оставленіе неспеленатымъ не должно имѣть мѣста. Въ самое послѣднее время свивальники, кажется, снова начинаютъ получать прежнее право гражданства ко благу ребенка. Конечно, не слѣдуетъ пеленать туго. Во время неленанія полезно на короткое время дать ребенку возможность продѣлать маленькую гимнастику крошечными ручками и ножками, что дѣти производятъ очень искусно, устремивъ при этомъ какъ будто внимательный, сосредоточенный взглядъ въ одну точку.

Благо тому ребенку, который кормится молокомъ матери. Это самая настоящая, естественная, самая здоровая пища ребенка. Но, къ сожалѣнію, этою природною пищею питаются у насъ только дѣти крестьянъ, а изъ городскихъ сословій лишь дѣти несостоятельныхъ родителей. Имѣющіе хорошія матеріальныя средства родители, почти всегда берутъ для всѣхъ дѣтей кормилицъ. Это—своего рода мода, о которой нельзя не скорбѣть, какъ объ одной изъ самыхъ вредныхъ модъ, и на которую поэтому нельзя не обратить особеннаго вниманія. Мать, изъ за одной прехоти, изъ лѣни, или изъ моды, отказывающая своему ребенку въ самой здоровой пищѣ, которая въ первое время должна быть единственной пищей дитяти, грѣшитъ противъ природы, дѣлаетъ не проступокъ, а преступленіе противуестественное. Посмотрите на міръ животныхъ млекопитающихъ, каждая самка кормитъ своего дѣтеныша своимъ молокомъ. Видали ли вы когда-нибудь, чтобы она отдавала его другой самкѣ на прокормленіе? Милліоны крестьянокъ и бѣдныхъ матерей всегда своей грудью кормятъ собственныхъ дѣтей, и дѣлаютъ это не по сознанію лишь долга и обязанности, — онѣ кормятъ своего ребенка грудью съ

удовольствіемъ, съ наслажденіемъ, съ гордостію. Присущее женщинамъ материнство влечетъ ихъ къ этому сладкому исполненію долга,—этого требуетъ сама природа, потому что, когда ребенокъ сосетъ грудь матери, постоянно наполняющуюся молокомъ, онъ облегчаетъ ее, освобождая ее отъ того, что назначено собственно для него и что служить обремененіемъ матери. Неужели же находятся матери, которыя, изъ-за пустой прихоти и моды, лишаютъ ребенка его естественной пищи, даже во вредъ собственному здоровью? — Къ сожалѣнію, какъ много такихъ матерей! Испорченныя свѣтомъ и его удовольствіями, онѣ, чтобы не лишать себя этихъ удовольствій, чтобы не связать себя по рукамъ—по ногамъ обязанностію кормить грудью ребенка, еще до появленія его на свѣтъ, припасаютъ кормилицу, которая бы заступила ихъ ребенку мѣсто матери и кормила его своею грудью. При выборѣ кормилицы главнѣе всего заботятся о томъ, чтобы она была здоровая женщина и чтобы молоко у нея было хорошее; при этомъ кормилицѣ отнюдь не позволяютъ оставлять при себѣ собственнаго ея ребенка, — она обыкновенно отдаетъ его на прокормку роднымъ въ своей деревнѣ. Вдумайтесь, какое неестественное дѣло совершается: одна мать богатая изъ-за богатства, изъ-за прихоти, изъ-за моды, оставляетъ своего ребенка другой бѣдной матери, платя ей деньги за то, что та будетъ кормить своею грудью ея ребенка, и принуждаетъ ее при этомъ бросить ея собственнаго ребенка на чужія руки. Подумала ли богатая мать, что она сдѣлала? Подумала ли она о томъ, что и у этой женщины, взятой въ кормилицы, есть ребенокъ, котораго она любитъ чувствомъ матери, который ей дороже всего на свѣтѣ? Видѣла ли богатая мать, какими горькими слезами обливала свое родное дитя эта нанятая ею кормилица, какъ она причитывала надъ своимъ милымъ дѣтвщемъ, какими нѣжными именами его называла, какъ прижимала къ сердцу, какъ цѣловала, и какимъ надрывающимъ сердце плачемъ рыдала? Нѣтъ, богатая мать, лежа на своемъ пуховикѣ, на своихъ обшитыхъ дорогими кружевами подушкахъ, не видитъ этой сцены прощанья кормилицы съ роднымъ дѣтвщемъ. А подумать, что и

кормилица — мать, что и ей дорого ея дитя и тяжело разставаніе съ нимъ, подумать, объ этомъ богатой матери когда же? Ей нужно подумать о многомъ болѣе важномъ: о туалетахъ прѣзжающихъ къ ней дамъ, о томъ, какъ парадить свое дитя, какъ принарядить кормилицу, чтобы всѣмъ бросилась въ глаза, какъ бы не упустить вечера у однихъ, бала у другихъ знакомыхъ, какъ бы принять участіе въ концертѣ, спектаклѣ или аллегри съ благотворительною цѣлю и проч. Когда же ей думать о ребенкѣ кормилицы? Да и какое ей дѣло до него? У ней и безъ того много бѣдныхъ. А между тѣмъ кормилица ея, разставшись съ своимъ «ангельчикомъ», разсѣянно даетъ чужому ребенку грудь съ молокомъ, отравленнымъ горечью тяжелой материнской скорби. Она и поплачетъ горько гдѣ-нибудь въ уголкѣ все о своемъ же миломъ дѣтищѣ. «Что-то онъ, мое сокровище, теперь дѣлаетъ, думаетъ огорченная мать, не доѣстъ, не доспитъ. И приголубить-то его некому. А ты вотъ тутъ корми чужое дитя немилое, свое-то милое бросимши». Помнимъ мы, какъ безутѣшно плакала одна кормилица, получивъ изъ деревни извѣстіе о смерти своего ребенка. Какъ она упрекала себя, какъ убивалась. Уткнется въ подушку, лежитъ и воетъ: «Ужь такая-то красавица дѣвчурочка-то была. Уморила я ее... эхъ, доля моя горькая!» И зальется, бѣдная. Ея горе—законное, естественное, спору нѣтъ, но горе не придаетъ вкуса и здоровья ея молоку. За что же, спрашивается, дитя, которое она напаялась кормить, отвѣчало за ея горе? Кормилицу винить трудно: ее нужда гонить. Но что же гонить богатыхъ родителей брать кормилицу? Какъ же они не поймутъ, что какую бы здоровую кормилицу она не взяли, у этой кормилицы есть свой ребенокъ,—двухъ ей кормить не дадутъ; слѣдовательно, своего она должна оставить,—при себѣ держать, ей его нельзя, такъ какъ она не удержится не покормить его грудью, стало быть, ей необходимо отправить его подальше отъ себя въ деревню, а такая разлука съ новорожденнымъ, повятно, для нея тяжела, прискорбна. Такое состояніе кормилицы не можетъ не отразиться на ея молокѣ. Тоска кормилицы по брошенномъ ею, по нуждѣ, ребенкѣ, портя молоко, несомнѣнно

вредить тому дитяти, котораго она будетъ кормить. Уже по этой одной причинѣ родителямъ опасно передавать своего новорожденнаго ребенка кормилицѣ. Рискъ при этой передачѣ, какъ мы видимъ, не подлежитъ сомнѣнію, а польза весьма сомнительная: трудно ожидать физической пользы, трудно ожидать здоровой пищи отъ молока кормилицы, постоянно думающей и тоскующей о своемъ собственномъ дитяти. А можно ли ожидать нравственной пользы? Чтобы основательно отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо взглянуть, какія женщины, кромѣ крестьянокъ—законныхъ матерей, большею частію поступаютъ въ кормилицы. Въ кормилицы поступаютъ въ большинствѣ случаевъ матери не законнорожденныхъ дѣтей: солдатки, мужья которыхъ далеко ва службѣ, крестьянки, живущія безъ мужей, которые находятся въ отхожихъ промыслахъ, дѣвицы и вдовы, вступившія въ незаконную связь съ кѣмъ-нибудь. Для всѣхъ этихъ лицъ, ихъ новорожденные составляютъ бремя, избавиться отъ котораго приличнымъ и небеззаконнымъ способомъ даютъ возможность ищущія кормилицъ богатая матери. На эту, нравственную, или точнѣе безнравственную сторону кормилицъ, ищущіе и выбирающіе ихъ не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія. Между тѣмъ опытомъ дознаю, что чрезъ молоко ребенокъ всасываетъ и нравственныя свойства своей кормилицы. На что же обрекается новорожденный, которому въ кормилицы даютъ не отличающуюся хорошею нравственностію женщину? Увы! Объ этомъ мы, родители, и не думаемъ. Намъ былъ бы сытъ ребенокъ да весель, а какіе соки, какіе нравственные элементы войдутъ въ него чрезъ молоко кормилицы, объ этомъ и въ мысляхъ нѣтъ. Почему знать, можетъ быть, развившаяся нынѣ, подобно чумной заразѣ, безнравственность, нарушеніе святости семейныхъ узъ, совершающееся открыто, не слѣды ли этого кормленія дѣтей грудью безнравственныхъ кормилицъ? Невозможно прослѣдить всѣ тончайшіе взгибы, которыми идетъ влияніе кормилицы на душу ребенка, невозможно поэтому даже предположительно указать на результаты кормленія кормилицъ. Жанъ-Жакъ Руссо (род. 1712, ум. 1778) говоритъ: «Матери уже не кормятъ своихъ дѣтей; кормилица

раздѣляетъ любовь дитяти съ матерью, которая предается удовольствіямъ. Здѣсь лежитъ главная причина разложенія всѣхъ семейныхъ отношеній, всякой взаимной любви между членами семьи, — каждый думаетъ лишь о себѣ и о своихъ прихотяхъ. Предель семейной жизни, — лучшей противовѣсъ дурнымъ нравамъ».

Родители говорятъ иногда: «у такого-то нашего ребенка была здоровая кормилица, и посмотрите, какой онъ здоровый вышелъ; или: это—ребенокъ хилый, у него были перемѣнныя или плохія, кормилицы». Говорятъ иногда и о нравственной сторонѣ: «Коля—кроткій ребенокъ, у него была тихая, скромная кормилица; Вася—буянъ, вѣроятно отъ кормилицы перешло,—заноза была баба». Случалось намъ слышать и такіе отзывы о маленькомъ двухлѣтнемъ мальчикѣ: «совсѣмъ дурачекъ, да и не мудрено: кормилица его была дура набитая». Всѣ эти отзывы показываютъ убѣжденіе въ томъ, что кормилица, какъ полагаютъ, имѣетъ вліяніе не только на физическую, но и на нравственную и умственную сторону жизни вскормленнаго ею ребенка.

Истину этого убѣжденія отрицать едва ли возможно. Поэтому выборъ кормилицы долженъ быть производимъ со всевозможною осторожностію. На самомъ дѣлѣ эта осторожность ограничивается освидѣтельствованіемъ врача: посмотреть онъ кормилицу и ея молоко изъ груди изслѣдуетъ, увидитъ, что баба—здоровая, молоко хорошее и рекомендуетъ. Да эту-то внѣшнюю осторожность многіе ли наблюдаютъ? Большая часть ограничивается небольшимъ: посмотрятъ на кормилицу, спросятъ: «хорошо ли у тебя молоко», и берутъ. Если она прежде жила гдѣ нибудь въ кухаркахъ или въ горничныхъ, справятся, какова она, и получивъ отвѣтъ, что она не пьяница, не воровка, принимаютъ ее въ кормилицы.

На сколько такимъ осторожнымъ выборомъ обезпечивается не только нравственная сторона, но даже и физическое здоровье ребенка, говорить излишне. Сколько видѣли мы примѣровъ всяческой порчи дѣтей кормилицами. Только у самыхъ богатыхъ лицъ сверхъ кормилицы при ребенкѣ состоитъ и бонна, на попеченіи которой находится ребенокъ, и которая

имѣть хоть какое нибудь понятіе объ уходѣ за дѣтми. У большей части родителей кормилица и кормить ребенка и служить ему нянькой, не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ дѣлѣ, за которое она взялась. Печальны бываютъ результаты ухода кормилицы за ребенкомъ. Мы знаемъ такой случай; кормилица, тихая и скромная деревенская женщина, здоровая, съ хорошимъ молокомъ, отличалась необыкновенною сонливостію и ротозѣйствомъ. Несла она разъ на рукахъ дѣвочку, которую кормила, мимо лѣстницы и, вѣроятно, вздремнула или зазѣвалась на ходу: ребенокъ выпалъ у нея изъ рукъ и скатился съ лѣстницы. Захворало бѣдное дитя, не жило, а прозябало, хилое и желтое до 5 лѣтъ. Въ одну ночь, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, у малютки открылось кровотеченіе изъ горла, кровь шла цѣлыми кусками... несчастная дѣвочка утромъ умерла. Несомнѣнно причиною ея болѣзни и ранней смерти было паденіе съ лѣстницы. Другой примѣръ: прелестною, дышущею здоровьемъ, свѣжестью и красотою дѣвочкой любовались всѣ, видя ее на рукахъ здоровой, красивой кормилицы. Имѣвшіе дѣтей завидовали родителямъ дѣвочки, что у нихъ, такая славная кормилица и такой прелестный, здоровый ребенокъ. Пока жили въ городѣ, зимой и весной, все шло прекрасно. Кормилицу одѣвали тепло, и она и ребенокъ были здоровы. На лѣто семья переѣхала въ деревню. На чистомъ воздухѣ, среди лѣса, луговъ и полей, ребенокъ еще болѣе разцвѣлъ. Но кормилица, среди сельской природы, возвратившись къ своимъ деревенскимъ привычкамъ, стала выходить рано по утрамъ, во время росы, босикомъ въ садъ, купаться во всякое время, и простудилась. Простуду замѣтили только тогда, когда съ нею сдѣлался сильный жаръ, и она слегла въ постель. Пригласили врача, по его совѣту отвезли кормилицу въ городъ, тамъ она вылѣчилась. Но прелестный ребенокъ, радость и утѣха родителей, оставшись безъ кормилицы, захудѣлъ, захирѣлъ и умеръ. Сколько можно бы привести прискорбныхъ случаевъ болѣзни, уродства и смерти дѣтей на первомъ году возраста, когда они на рукахъ кормилицы, служащей имъ и кормилкой, и нянькой.

Вопросъ о томъ, полезно ли имѣть кормилицъ, по наше-

му мнѣнію, весьма важный и существенный вопросъ, который едва ли можетъ быть разрѣшенъ въ пользу кормилицъ. По нашему убѣжденію, выведенному изъ тысячи наблюденій, кормилицы болѣе приносятъ вреда, чѣмъ пользы. Никто, конечно, не станетъ и спорить, что если у матери достаточно молока, если мать можетъ кормить ребенка, то она *обязана* кормить, какое бы высокое положеніе она ни занимала, какъ бы богата ни была: не простительно изъ-за лѣни, прихоти, а тѣмъ менѣе изъ-за моды отдавать ребенка на прокормленіе чужой женщиной иного воспитанія, иныхъ взглядовъ, иного направленія, женщиной вполнѣ невѣжественной, и въ большинствѣ даже нравственно испорченной. Если же мать, по состоянію своего здоровья, рѣшительно не въ состояніи кормить своего ребенка, тогда что? Нанимать ли кормилицу, или вскармливать ребенка инымъ способомъ, рекомендуемымъ наукою? Въ виду огромнаго риска и прямой опасности отъ кормилицъ, мы стоимъ за кормленіе ребенка въ такихъ случаяхъ суррогатами материнскаго молока. Къ счастью для дѣтей, люди науки достаточно поработали надъ вопросомъ о кормленіи ребенка, такъ что въ настоящее время есть полная возможность обойтись въ крайнихъ случаяхъ безъ кормилицъ, этого въ прежнее время необходимаго зла.

Какъ обставлять ребенка въ первый годъ его жизни?—Какъ можно проще и отнюдь не наполнять дѣтской множественностью разнообразныхъ предметовъ. Чѣмъ проще будетъ обстановка ребенка, чѣмъ менѣе въ ней будетъ роскоши и изысканности, тѣмъ скорѣе, съ самыхъ пеленокъ, ребенокъ привыкнетъ къ простотѣ и умѣренности, а такая привычка—лучшее жизненное приобрѣтеніе: она избавитъ его впоследствии отъ многихъ бѣдствій, къ которымъ ведетъ извѣженность и излишество. Житье не по средствамъ, это болѣзнь вѣка, подтачивающая благосостояніе отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго народа, не результатъ-ли воспитанія ребенка съ пеленокъ въ пуху, въ шелку, въ бархатѣ и кружевахъ, окруженія его всѣми возможными прихотями и предметами излишества и роскоши. Къ излишеству и роскоши легко привыкнуть, какъ вообще легка привычка ко всему пріятному, доставляющему

удовольствіе, но каково отвыкать, если придется? Привычка къ простотѣ и умѣренности, лучшее наслѣдство, которое родители могутъ дать своимъ дѣтямъ.

III.

Первыя впечатлѣнія, представленія и мысли ребенка.

Егда быхъ младенецъ, яко младенецъ млаолохъ, яко младенецъ мудрствовавхъ, яко младенецъ смышляхъ. (Псалъ къ Корипо, I гл. XIII, 11).

Чувственныя ощущенія даютъ первый матеріалъ дѣтскихъ знаній; по этому смѣдуетъ эти впечатлѣнія представлять имъ въ надлежащемъ порядкѣ (Ж. Ж. Руссо).

«Первыя представленія и мысли, доступныя наблюденію, говоритъ Кавелинъ въ своихъ задачахъ психологій, сильно запечатлѣны субъективнымъ характеромъ». Это очевидно всего обнаруживается на ребенкѣ. Для трехлѣтняго Вани непремѣнно всякій другой мальчикъ, котораго онъ видитъ, тоже Ваня; видитъ онъ нѣсколько мальчиковъ и восклицаетъ: «отъ сколько Ваневъ». Всякій чужой мужчина для него «дядя», а когда Ваня былъ меньше, дядей онъ называлъ не только людей, но и медвѣдя и волка. Всякое кушанье или питье, котораго ему не даютъ, для него «Ванъ Ванычъ писать» (докторъ Иванъ Иванычъ прописалъ), т. е. лекарство, вещь непріятная, «бя». Папа и мама, тетя и дядя, лошадь и корова, и все, что онъ видитъ, Ванино. На все, стало быть, онъ смотритъ съ чисто субъективной точки зрѣнія, все его, и существуетъ для него, потому вѣроятно, что прежде всего въ его сознаніи выдѣлялся онъ самъ отъ всего окружающаго, или вѣрнѣе, самое его сознаніе начинается съ того момента, когда ребенокъ почувствовалъ свое собственное я. Потому то справедливо и то, что «представленія и мысли выдѣляются изъ ощущеній, что первоначальный толчекъ, ихъ вызывающій, впечатлѣніе, а первоначальная почва—чувствительность». Съ тѣхъ поръ какъ ребенокъ сталъ себя чувствовать, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ выдѣлять себя отъ всего окружающаго, еще не называя себя я, а говоря про себя въ третьемъ лицѣ, называя себя по имени, онъ являетъ

ся передъ нами съ чисто субъективнымъ характеромъ, его представленія и мысли не раздѣльны съ его личными впечатлѣніями, съ его чувственными ощущеніями. Если къ ребенку всѣ ласковы, если онъ окруженъ средою, относящеюся къ нему съ любовью, то и онъ ко всѣмъ и ко всему относится съ любовью и лаской; и не приглядный, черный трубочистъ въ его глазахъ «милый черный дядя» и медвѣдь милый, и ребенокъ съ любовью цѣлуетъ картинку, изображающую медвѣдя. Наоборотъ, если ребенокъ отовсюду кругомъ себя встрѣчаетъ суровыя лица, грозное слово и порой ударъ, въ его глазахъ все покрывается черной краской, всякаго онъ боится, отъ всякаго бѣжитъ или отворачивается, если бѣжать некуда, и много нужно умѣнья, чтобы привлечь къ себѣ такого запуганнаго ребенка, чтобы измѣнить его мирозерцаніе. На этотъ чисто и исключительно субъективный характеръ дѣтскаго мирозерцанія слѣдуетъ обращать вниманіе при воспитаніи: громадную роль играютъ въ образованіи психической стороны человѣка первоначальныя впечатлѣнія его дѣтства.

На основаніи этого очевиднаго вліянія среды на ребенка, поверхностнымъ наблюдателямъ привилось убѣжденіе, что душа ребенка—*tabula rasa*, бѣлый листъ бумаги, что на ней напишешь, то и будетъ. Намъ кажется, что именно чисто-субъективный характеръ первыхъ представленій и мыслей ребенка, напротивъ,—одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ, что душа ребенка—не *tabula rasa*. Что душа ребенка — не бѣлая бумага, это видно изъ того, что ребенокъ нерѣдко возмущается противъ несправедливаго, жестокаго обхожденія съ нимъ, хотя онъ никогда не видалъ и не испыталь обхожденія мягкаго; что человѣкъ, впитавшій въ себя въ дѣтствѣ дурныя привычки, борется съ ними и иногда одолеваетъ ихъ. Стало быть, есть въ немъ вложенная отъ рожденія сила, которая служитъ противовѣсомъ вліянію среды и внѣшнихъ впечатлѣній, эта сила—душа живая, которую вдунулъ Богъ при сотвореніи человѣка, душа, одаренная врожденными способностями. Какъ иначе объяснить тотъ замѣчательный фактъ, что гениальный, воспитанный легкимъ

воздухомъ своей родины — Ареццо, Микель-Анджело настойчиво мараль стѣны отцовскаго дома своими дѣтскими рисунками, обличавшими присутствіе таланта въ ребенкѣ, не смотря на то, что его часто бранили и даже жестоко били за его «маранія»? Что самостоятельный духовный организмъ присущъ ребенку при самомъ его рожденіи, это наглядно доказываютъ намъ глаза ребенка, это зеркало души. Всмотритесь по пристальнѣе въ эти глаза, — въ нихъ виденъ уже зачатокъ мысли, они не безжизненны, они одухотворены, а между тѣмъ ребенокъ, безспорно, еще не чувствуетъ, не сознаетъ себя. Что существуютъ природныя духовныя способности, объ этомъ едва ли можно спорить: вѣдь многіе, вмѣстѣ съ ребенкомъ Микель-Анджело, дышали вольнымъ воздухомъ Ареццо, а гениальнымъ живописцемъ сдѣлался одинъ онъ, не смотря на всѣ препятствія, полагаемыя ему семьею. Чѣмъ какъ не природными способностями, переходящими, такъ сказать, по наслѣдству, объяснить фактъ существованія семейства, члены котораго отличаются въ живописи или музыкѣ? Не одною очаровательною мѣстностію Аппенинскихъ горъ объясняется появленіе смуглаго, съ темными волосами и глазами, прекрасными, открытыми и полнымъ кротости и пріятности, съ граціозными и вѣжливыми чертами лица, гениальнаго живописца Рафаэля, между предками котораго насчитываютъ четырехъ живописцевъ. Отецъ Рафаэля былъ недюжиннымъ живописцемъ, онъ былъ первымъ учителемъ своего сына. Какъ человѣкъ разсудительный и съ вѣрнымъ взглядомъ, онъ зналъ, какъ важно не довѣрять чужимъ рукамъ ребенка, который могъ бы перенять грубыя и низкія привычки, сродныя людямъ безъ воспитанія. Поэтому онъ хотѣлъ, чтобъ его единственный сынъ кормился молокомъ матери и чтобы съ самыхъ первыхъ минутъ своей жизни привыкалъ къ обычаямъ родительскаго дома. Посреди честнаго семейства, въ привычкѣ къ труду, любимый пѣжною матерью, руководимый умнымъ отцомъ, росъ Рафаэль. Величественная природа оставила въ немъ невзглядимыя впечатлѣнія и содѣйствовала къ воспитанію въ немъ мистическаго восторга. Онъ многимъ былъ обязанъ семьѣ, но, лишь благодаря своимъ природнымъ

дарованіямъ, онъ переросъ отца славою и сдѣлался знаменитымъ живописцемъ. Положимъ, что любовь Рафаэля къ живописи могла быть вложена въ него отцемъ, но кто могъ вложить въ сына Холмогорскаго рыбака (Ломоносова) эту безпредѣльную жажду къ знаніямъ, которая побудила его изъ дома отца съ обозомъ, пѣшкомъ идти въ Москву? Не грубая же обстановка, которою онъ былъ окруженъ, не сельскій же полуграмотный педагогъ, у котораго онъ учился, не угрюмая же природа съ своими великолѣпными сѣверными сіяніями? Кто могъ въ бѣдномъ мальчикѣ, который былъ отданъ отцемъ въ магазинъ, гдѣ продавали ваксу, и обреченъ на работу обертыванія банокъ съ ваксою, предугадать будущаго извѣстнаго романиста Чарльза Диккенса? Кому изъ семинарскихъ товарищей Сперанскаго могло придти въ голову, что будетъ время, когда Сперанскій, графъ и пользующееся довѣріемъ Государя лице, станетъ ворочать судьбами государства, когда память его будетъ чествоваться отдаленнымъ потомствомъ, какъ память знаменитаго государственнаго дѣятеля? Гдѣ въ дѣтствѣ Сперанскаго зачатки для его будущей дѣятельности? Что могло послужить къ образованію и развитію въ немъ гениальныхъ способностей законодателя и администратора? Какъ алмазь своимъ яркимъ природнымъ блескомъ пробивается изъ подъ груды камней, такъ выбивается наружу природный талантъ часто изъ грубой и невѣжественной среды, не смотря на всѣ прелятствія, на всѣ груды камней, лежащихъ поперекъ его дороги. Ни въ одномъ лицѣ не выступаетъ съ такою ясностію, какъ въ великомъ апостолѣ языковъ Павлѣ, душа, какъ особенный, такъ сказать индивидуумъ, который, всецѣло поглощенный одною всезахватывающею цѣлію, великими нравственными и духовными истинами, не поддается даже такимъ впечатлѣніямъ вѣшняго лица, которыя на другія натуры имѣли бы неотразимое вліяніе. Красота и величіе природы его роднаго города Тарса, — его плодородная равнина, снѣговья горы, прозрачный, быстрый потокъ Кидна, не производили, какъ видно, вліянія на молодую душу Савла. «Можно вообразить, какъ для другой натуры онъ служили бы источникомъ постояннаго вдохновенія,

какъ онѣ проникли бы въ самый внутренній складъ его мысли; какъ въ людныхъ городахъ и грязныхъ темницахъ, онѣ опять и опять предносились бы его внутреннему взору въ тяжкомъ уединеніи. Но апостоль Павелъ ни однимъ стихомъ, ни даже едипичнымъ выраженіемъ, во всѣхъ своихъ посланіяхъ, не выдаетъ ни малѣйшаго отблеска восторга или умиленія красотами природы». Фаррари. Жизнь и труды св. апостола Павла.

Воспитаніе много значить, но воспитаніемъ не зарождаются талантъ и геній, а только пробуждаются. Воспитаніемъ образовывается умъ, смягчается сердце, направляется воля; но воспитаніе бессильно для зарожденія таланта. Еще древніе говорили *poetae nascuntur, oratores, philosophi fiunt*, хотя нельзя при этомъ не замѣтить, что и великіе ораторы, и великіе мыслители, точно такъ же, какъ и великіе поэты, музыканты, художники, актеры рождаются, т. е. дѣлаются великими, не путемъ лишь развитія, а благодаря особымъ, природнымъ способностямъ. Вѣдь и въ поэтическомъ, и ораторскомъ, и въ музыкальномъ, и въ художественномъ произведеніи, равно какъ и въ мастерской игрѣ актера, нельзя не признать и результатовъ мышленія, глубокой обдуманности, изученія, какъ и въ трудѣ философа; а съ другой стороны, въ геніальныхъ трактатахъ философскихъ, въ математическихъ и историческихъ изслѣдованіяхъ нельзя не видѣть великаго таланта, природной способности къ свѣтлому, ясному и глубокому мышленію, обобщенію и выраженію мыслей.

Итакъ, природенныхъ способностей нельзя отрицать. Душа наша не *tabula rasa*. Да и можетъ ли быть ею живая, безсмертная душа, вложенная Всемогущимъ Богомъ? Природенныя способности воспитатель долженъ развивать, не дать имъ заглухнуть. Отецъ педагогіи Песталоцци (1746—1825) такъ говоритъ: «садовникъ садитъ и поливаетъ, но Богъ возращаетъ. Не воспитатель вкладываетъ какую-нибудь силу въ человѣка, не онъ даетъ жизнь и дыханіе какой-нибудь способности человѣческой, онъ заботится только о томъ, чтобы никакое внѣшнее вліяніе не задерживало и не нарушало естественнаго хода развитія отдѣльныхъ духовныхъ силъ; онъ

заботится о томъ, чтобы развитіе каждой способности чело-
вѣческой природы совершилось безпрепятственно, по законамъ
природы».

Съ принятія впечатлѣній и образованія представленій, хотя
бы и грубыхъ, невѣрныхъ, начинаются психическіе дѣйствія
и процессы. Потому то на этотъ, такъ сказать, эмбриональный
періодъ психической дѣятельности и слѣдуетъ обратить осо-
бенное вниманіе; потому что дальнѣйшій правильный ростъ
психическаго организма обуславливается правильнымъ ходомъ
этого періода. Какъ для правильнаго и здороваго развитія фи-
зической природы ребенка въ начальное время пища должна
быть выбираема согласно природѣ, и лучше всего, если ре-
бенокъ будетъ питаться молокомъ матери; такъ и для пра-
вильнаго развитія психической его стороны лучше всего, если
впечатлѣнія, воспринимаемыя имъ, будутъ по возможности на-
иболѣе просты и наименѣе разнообразны. Сложныя и разно-
образныя предметы развлекаютъ вниманіе и препятствуютъ
сосредоточенности, а слѣдовательно основательности, яркости
и твердости впечатлѣній. Это мы можемъ испытать на самихъ
себѣ. Проойдитесь, напр. по эрмитажу въ С.-Петербургѣ или
по художественному музею въ Берлинѣ разъ, другой, третій,
проведите тамъ по нѣскольکو часовъ сряду, но осматривайте
каждый разъ все вдругъ, -- вы не много вынесете впечатлѣній
яркихъ, неизгладимыхъ, останется у васъ лишь смутное пред-
ставленіе обо всемъ видѣнномъ, и усвоите вы только образъ
того, надъ чѣмъ остановились подольше. Но если вы, вмѣсто
того, чтобы осматривать вдругъ весь эрмитажъ или музей,
ограничитесь каждый разъ однимъ небольшимъ его отдѣломъ
и осмотрите внимательно предметы, находящіеся въ томъ отдѣ-
лѣ, то впечатлѣнія, которыя вы вынесете, не будутъ такъ
разнообразны, за то будутъ свѣтлы и тверды. И такъ, если
взрослому развитому человѣку вредитъ явліишееся разнообразіе
предметовъ, то тѣмъ болѣе ребенку. Отъ того-то, быть мо-
жетъ, дѣти богатыхъ семействъ, живущіе въ роскоши и раз-
нообразіи, не отличаются большею частію наблюдательностію
и способны къ легкомыслію и верхоглядству; напротивъ, ре-
бенокъ, выросшій среди лишеній, въ простой неприглядной

обстановкѣ, хотя и чуждѣ изящества, за то способенъ къ вдумчивости, наблюдательности, глубокому вниканію и размышленію. Простая обстановка рабочей, трудовой жизни, въ небогатой семьѣ представляетъ и ту важную выгоду для воспитанія ребенка, что приучаетъ его къ труду: на примѣрѣ родителей онъ видитъ, что они постоянно работаютъ, что все, что его окружаетъ, добыто ихъ трудами, и онъ, какъ только становятся въ силахъ, невольно вовлекается въ эту трудовую жизнь и по мѣрѣ силъ начинаетъ помогать родителямъ, начинаетъ работать и на опытѣ узнаетъ, какъ сладокъ отдыхъ послѣ трудовъ, узнаетъ пріятность труда и отдыха. Лишнимъ считаемъ говорить о томъ, что богатое семейство легче можетъ, если, конечно, обратить должное вниманіе, устроить для ребенка такую обстановку, при которой онъ будетъ получать впечатлѣнія яркія, свѣтлыя, твердыя, при которыхъ у него будутъ образовываться и представленія ясныя и основательныя. Но для этого необходимо, какъ мы уже прежде сказали, чтобы предметы, окружающіе ребенка и производящіе на него впечатлѣніе были сообразны съ природою, съ возрастомъ ребенка, были просты, не сложны, и чтобы не подавляли ребенка своимъ множествомъ и разнообразіемъ. Сначала его слѣдуетъ окружить самыми простыми и весьма не многими предметами, по такимъ, между которыми было бы извѣстное отношеніе, и взглядъ на которые невольно вызывалъ бы въ ребенкѣ сравненіе одного предмета съ другимъ. Къ такимъ предметамъ принадлежатъ: окружающіе ребенка люди большіе и маленькіе, образъ Спасителя, портреты Государя, отца, матери, братьевъ, сестеръ и т. п.; большіе и малевкіе столы и стулья, кровати, комоды и изображенія этихъ предметовъ. Непремѣнное условіе, чтобы портреты и изображенія были сдѣланы вѣрно и хорошо: къ безобразному и невѣрному рисунку отнюдь не должно приучать глазъ ребенка. Если въ комнатѣ ребенка стѣнные часы съ боемъ, то желательно, чтобы бой былъ тихій и мелодичный, а не рѣзкій и скорый: отъ рѣзкихъ звуковъ нужно освободить нѣжное ухо дитяти. Вспомнимъ, что у ребенка кромѣ того предъ глазами стѣны, печь, окна, полъ, и за тѣмъ части всѣхъ предметовъ, его

окужающихъ, движеніе людей, ихъ говоръ, качаніе маятника, тикъ-такъ и бой часовъ.

Ребенокъ въ первое время, какъ извѣстно, большею частію спитъ, какъ бы набираясь силъ и отдыха на предстоящую полную труда, движенія и борьбы жизнь, какъ бы сосредоточиваясь въ себѣ для знакомства съ невѣдомымъ для него внѣшнимъ міромъ, преисполненнымъ разнообразіемъ. Когда онъ начнетъ бодрствовать, глазенки его быстро перебѣгаютъ отъ предмета къ предмету, — въ нихъ замѣтно удивленіе, они какъ будто спрашиваютъ: куда это я попалъ? Въ это время можно, пожалуй, послѣдовать совѣту Фребеля — повѣсить надъ ребенкомъ равноцвѣтные мягкіе мячики, которыми дитя постепенно пріучается играть и при этой игрѣ совершается своего рода гимнастика, которая, впрочемъ, прирождена ребенку, потому что онъ, если не спитъ и если не спеленанъ, постоянно продѣлываетъ разныя гимнастическія упражненія ножками и ручками.

Если предметовъ, окружающихъ ребенка, будетъ слишкомъ много, если эти предметы будутъ безпрестанно мѣняться; то эти удивленные, вопрошающіе свѣтлые глазки долго еще будутъ вопросительно и удивленно перебѣгать отъ предмета къ предмету, не останавливаясь ни на одномъ изъ нихъ; а если и будутъ эти предметы возбуждать впечатлѣнія въ ребенкѣ, то впечатлѣнія самыя смутныя, неустойчивыя, поверхностныя. При безпрестанной мѣнѣ окружающихъ ребенка предметовъ, впечатлѣнія и могутъ быть лишь самыя неопредѣленныя и смутныя. Напротивъ, если предметовъ, окружающихъ ребенка, будетъ немного, и если только эти одни предметы будутъ въ первое время окружать его, то бѣгающіе глаза ребенка скоро перестаютъ бѣгать и начинаютъ подолѣе останавливаться сперва на одномъ предметѣ, потомъ на другомъ, на третьемъ, снова и какъ бы съ удвоеннымъ любопытствомъ останавливаются еще дольше на первомъ предметѣ, потомъ на второмъ, на третьемъ. Продѣлывается при этомъ то же, что съ рассказываемою дѣтямъ сказкою, которая сотни разъ выслушивается ребенкомъ и все съ большимъ и большимъ вниманіемъ, пока чуть не заучивается наизусть. Одно и то же не надоѣдаетъ дѣтямъ такъ скоро, какъ взрослымъ, вѣроятно, потому, что дѣти только что начинаютъ жить, — все

для нихъ такъ ново, они, такъ сказать, запасаются матеріаломъ для жизни.

Въ этомъ періодѣ остановки вниманія ребенка на одномъ предметѣ вы скоро увидите, что глаза его переходятъ отъ лица матери, на которомъ онъ естественно раньше всего сосредоточиваетъ свое вниманіе, къ ея портрету, отъ лица отца къ его изображенію, отъ окна къ окну, отъ большей кровати къ маленькой и снова къ большой и т. д., слышится вопросительное: а? а? а? Это значитъ, что ребенокъ началъ сравнивать, и чѣмъ чаще онъ это дѣлаетъ, тѣмъ лучше, тѣмъ основательнѣе становятся его впечатлѣнія и представленія, тѣмъ болѣе онъ привыкаетъ къ наблюдательности.

Когда ребенокъ, по вашему наблюденію, достаточно ознакомился съ окружающими его предметами, вы можете помѣстить въ его комнату новый предметъ. Если онъ замѣтитъ его съ перваго раза и при взглядѣ на него, спроситъ: а?—значитъ, 1) онъ дѣйствительно хорошо ознакомился съ окружающими его предметами, 2) что наблюдательность въ немъ развивается, и 3) что стало-быть вы во время внесли въ его обстановку новый предметъ.

Постепенно комната ребенка можетъ населяться новыми предметами, постепенно кругъ его впечатлѣній и представленій будетъ расширяться. При этомъ постепенномъ расширеніи его домашняго кругозора, менѣе вредны будутъ, для ясности и твердости его впечатлѣній и представленій, совершенно необходимыя для его здоровья, прогулки на чистомъ воздухѣ: разнообразныя впечатлѣнія, получаемыя внѣ дома, сначала болѣею частію будутъ проходить безслѣдно, а когда въ ребенкѣ разовьется правильная наблюдательность дома, тогда и на прогулкахъ онъ привыкнетъ останавливать вниманіе на особенно выдающихся чѣмъ-нибудь предметахъ, и изъ прогулокъ будетъ выносить болѣе твердыя впечатлѣнія, хотя все же не столь живыя, какъ впечатлѣнія домашнія. Привыкнувъ дома къ внимательному и основательному разсматриванію предметовъ, къ отыскиванію въ нихъ сходства и различія, ребенокъ будетъ останавливаться со вниманіемъ и на предметахъ внѣ дома, бросившихся ему особенно въ глаза, и на каждомъ шагѣ вамъ придется встрѣчать его вопро-

сптельный взглядъ, а когда онъ заговоритъ, то я обращаемые къ вамъ вопросы: что это? для чего это? Удовольствіе съ какимъ онъ будетъ встрѣчать предметы, которые онъ видѣлъ дома, покажутъ вамъ, что съ окружающими его дома предметами онъ не только ознакомился, но и сроднился, что ему пріятно и радостно видѣть старыхъ знакомыхъ. При правильномъ развитіи наблюдательности въ ребенкѣ, и строй его мышленія пойдетъ органически, послѣдовательно. Вамъ не представится надобности навязывать ему знанія, запрашиваться съ своими объясненіями: вамъ придется лишь отвѣчать на его вопросы, объяснять ему, такъ сказать, его собственныя недоумѣнія. Такимъ образомъ ребенокъ развивается самостоятельно; въ немъ самомъ возбуждается любовь къ знанію, пытливость, — вы являетесь лишь лицомъ, удовлетворяющимъ его собственный аппетитъ, вы насыщаете его голодь, зародившуюся въ немъ потребность духовной пищи.

Постепенно возбудивъ самодѣятельность и любознательность въ ребенкѣ, вы можете удовлетворять этой возбужденной любознательности путемъ нагляднымъ — показываніемъ картинокъ, изображеній звѣрей, птицъ, рыбъ. При этомъ, чтобы вниманіе ребенка не развлекалось, лучше показывать отдѣльныя изображенія, начиная съ знакомыхъ ребенку, — лошади, кошки, собаки, пѣтуха, курицы и пр., потомъ переходить къ незнакомымъ. При показываніи такихъ отдѣльныхъ изображеній (а не ландшафтовъ, не группъ, — это слишкомъ сложно для ребенка), вниманіе дитяти невольно останавливается на показываемой картинкѣ, невольно возбуждается его вопросъ: что это? Какъ показываніе и объясненіе такихъ картинокъ занимаетъ и въ то же время развиваетъ ребенка, это мы видѣли на первородной дѣвчкѣ одного семейства. Когда она была еще одна у родителей, на ней естественно сосредоточивались все ихъ вниманіе и заботы. У отца дѣвочки было русское старинное изданіе «Видимаго Міра» Коменскаго. Эта книжка была перелистываема и пересматриваема матерью и ребенкомъ буквально до того, что обратилась въ лепестки. Малютка видимо развивалась по мѣрѣ того, какъ растрепывалась книжка. Дѣвочка гораздо ранѣе, чѣмъ стала говорить, могла показываніемъ (пальцемъ) отвѣчать на во-

просы матери: гдѣ левъ, гдѣ тигръ, гіена и т. п., не говоря уже о знакомыхъ животныхъ, т. е. ознакомилась хорошо съ изображеніемъ «Видимаго Міра» и отыскивала тѣхъ звѣрей, птицъ и рыбъ, о которыхъ ее спрашивали. Изорванная въ лещетки книга Амоса Коменскаго положила прочный фундаментъ развитію дѣвочки. «Видимый Міръ» былъ ея лучшимъ учителемъ, ему она обязана и развитіемъ любознательности и сообразительности, и любовію къ книгамъ, которыми она зачитывается, съ тѣхъ поръ какъ научилась читать! Очень можетъ быть, что показываніемъ и объясненіемъ картинокъ сначала «Видимаго Міра», а потомъ другихъ дѣтскихъ книгъ образовалась въ нашей маленькой знакомкѣ охота показывать картинки и толково объяснять ихъ другимъ дѣтямъ, такъ, что она служила потомъ помощницей матери, занимая и развивая своихъ младшихъ сестеръ и братьевъ объясненіемъ картинокъ и рассказами.

Въ настоящее время не то, что прежде, дѣтскихъ книгъ значительное число, такъ что есть возможность выбрать книги сообразно съ возрастомъ и степенью пониманія дѣтей и не ограничиваться однѣми сказками, исключеніе которыхъ изъ дѣтской бібліотеки мы то же не можемъ не признать непростительнымъ: сказка (разумѣемъ хорошую) — весьма поучительна и тѣмъ большее производитъ на дѣтей впечатлѣніе, что, при своей поучительности, сохраняетъ за собою характеръ игры, а игру дѣти, какъ извѣстно, любятъ больше всего, игра въ первые годы заступаетъ для нихъ мѣсто всякихъ уроковъ. На основаніи такого значенія игры, другъ дѣтей Фребель и устроилъ свои дѣтскіе сады (Kindergarten), и издалъ свою педагогику игръ, постепенно развивающихъ ребенка. По замѣчанію Фридриха Августа Вольфа (1759—1824), «стихотворенія болѣе всего способствуютъ хорошему образованію. До 7-го и 8-го года стихи должны быть главнымъ предметомъ (Hauptsache) ибо на этотъ возрастъ поэзія производитъ отличное дѣйствіе, дѣти не въ состояніи понимать высшей красоты прозы».

Шестаковъ.

(Продолженіе будетъ).

Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова).

(Продолженіе *).

Двѣсти слишкомъ лѣтъ уже существующій на Руси расколъ старообрядства и во все это время, въ своихъ двухъ главныхъ развѣтвленіяхъ—безпоповщинѣ и поповщинѣ съ безчисленными толками того и другаго развѣтвленія, не перестающій жить въ болѣе или менѣе рѣзкомъ самовольномъ отпаденіи отъ Церкви и отъ основныхъ началъ жизни государства, не одинъ миллионъ насчитывающій въ числѣ своихъ послѣдователей, въ разное время своего двухсотлѣтняго существованія, встрѣчалъ весьма различное къ нему отношеніе со стороны правительства. Строгія къ нему отношенія послѣдняго по началу (особенно при Петрѣ I) были потомъ, въ силу разныхъ соображеній, значительно ослабляемы; а при Императрицѣ Екатериной II, вообще руководившейся началами гуманности въ своей политикѣ, раскольники получили многія права и привилегіи, о которыхъ при Петрѣ не могли бы и думать. Въ то же время духовенству православной Церкви впускаемо было дѣйствовать на раскольниковъ не столько прещеніями, сколько убѣжденіями и увѣщаніями. Въ общемъ тѣже мѣры примѣняемы были и при Императорахъ Павлѣ и Александрѣ I; а снисходительность послѣдняго, какъ намъ извѣстно, доходила даже до нѣкотораго послабленія раскольникамъ. Отчасти въ согласіи

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1890 г. № 13.

съ такими мѣрами и было въ 1801 году положено въ Москвѣ начало единовѣрью, на основаніяхъ, изложенныхъ Московскимъ митрополитомъ Платономъ (Левшинымъ) и узаконенныхъ правительствомъ. Но въ общемъ и по большей части подобныя мѣры служили только во вредъ православной Церкви и государству въ Россіи; ибо раскольники, въ самой основѣ ученія которыхъ лежитъ признаніе той и другаго со времени патріарха Никола *царствова Антихристовымъ* и слѣдовательно непримиримая вражда противъ коренныхъ интересовъ ихъ (Церкви и государства), этими мѣрами пользовались для своихъ же выгодъ и для большаго укрѣпленія своего положенія въ государствѣ, составляя такимъ образомъ своего рода «государство въ государствѣ» (*status in statu*). Между прочимъ въ этомъ отношеніи большое значеніе въ исторіи раскола имѣлъ (и до сихъ поръ имѣетъ) вопросъ о священствѣ, учрежденномъ самимъ Іисусомъ Христомъ. Въ началѣ существованія раскола, этотъ вопросъ не имѣлъ большаго значенія, естественно потому, что тогда еще было много священниковъ дониконовскаго посвященія. Но вскорѣ этотъ вопросъ потребовалъ настоятельно того или инаго рѣшенія. Послѣдствіемъ сего рѣшенія и было раздѣленіе раскольниковъ на безпоповцевъ и поповцевъ, изъ коихъ первые утверждали, что раскольники могутъ существовать и безъ священства, а вторые, напротивъ, признавая священство необходимымъ и для ихъ общества, именуемаго у нихъ Церковію, признавали возможнымъ, на извѣстныхъ условіяхъ, заимствовать священство отъ Церкви великороссійской. Нельзя не признать, что въ этомъ отношеніи безпоповцы были послѣдовательнѣе поповцевъ: они выдержали и сохранили во всей строгости основное раскольническое ученіе объ антихристѣ, во времена котораго де не можетъ быть истиннаго священства на землѣ ¹⁾. Довольствуясь только двумя таинствами—крещенія и покаянія, они считали возможнымъ предоставлять совершеніе ихъ мірянамъ, такъ называемымъ у нихъ «старикамъ» или «отцамъ». Переходящихъ

¹⁾ Срав. брошюру извѣстнаго знатока раскола, проф. Моск. дух. академіи Н. И. Субботина: *О сущности и значеніи раскола въ Россіи*, стр. 18. Сиб. 1881.

къ нимъ, изъ такъ называемой ими, «Никоніанской ереси» или изъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, они перекрещивали. Подъ такимъ же условіемъ нѣкоторые изъ поповцевъ по началу принимали и священниковъ великороссійской Церкви; но потомъ, увидѣвъ нелѣпость такого чинопріятія, стали принимать ихъ «по второму чину», т. е. чрезъ мѣропомазаніе, а наконецъ и «по третьему чину», т. е. чрезъ одно лишь проклятіе ересей. По опредѣленію такъ называемаго «Рогожскаго» или «Перемазанскаго» собора (т. е. бывшаго на Московскомъ Рогожскомъ кладбищѣ) 1779 года второй чинъ получилъ господственное, но все же не исключительное значеніе. Бѣглыхъ поповъ всегда было много у раскольниковъ—поповцевъ, такъ какъ дорожа ими, послѣдніе не обращали вниманіе на ихъ личныя достоинства и хорошо платили имъ за требы. Но все же многихъ изъ поповцевъ не оставляла тревожная мысль о будущности ихъ священства, и еще къ прошлому вѣку относятся ихъ попытки добыть и упрочить у себя свое собственное рукоположеніе,—попытки искавія своего архіерея. Однако эти попытки, послѣ нѣсколькихъ неудачъ, не имѣли практическаго значенія; а указъ 26 марта 1822 года, коимъ предписывалось не преслѣдовать поповъ, уходившихъ отъ православной Церкви къ раскольникамъ, если только за ними не было уголовныхъ преступленій, еще болѣе ослабилъ напряженіе этихъ попытокъ, какъ не нужныхъ при легкости полученія священниковъ въ силу сего указа. Но совсѣмъ иное послѣдовало со времени вступленія Императора Николая на престоль. Проницательный умъ его скоро увидѣлъ весь вредъ не только для Церкви, но и для государства отъ послабленія расколу; а извѣстная рѣшительность его воли тотчасъ же выразилась въ соотвѣтствующихъ цѣли законоположеніяхъ. И прежде всего онъ издалъ строгія законоположенія противъ чрезвычайно распространившагося ко времени его царствованія бѣглопоповства. За тѣмъ принялъ и не переставалъ далѣе принимать и другія, не менѣе рѣшительныя мѣры противъ раскола, за которыя православная Церковь не только въ его царствованіе, но и послѣ того могла только радоваться и благодарить его благопопечительность о ней. Къ сожалѣнію, да-

леко не вездѣ и всегда находились вѣрные исполнители мудрыхъ предначертаній и распоряженій Государя Императора Николая Павловича. Обладая огромными богатствами, благодаря которымъ можно было весьма легко приелскасть на свою сторону продажное чиновничество, раскольники часто умѣли парализовать силу распоряженій правительства, касавшихся ихъ; при томъ подобными средствами заставляли нерѣдко дѣйствовать въ свою пользу не только болѣе или менѣе значительныхъ чиновниковъ, но и людъ, облеченныхъ высшею властію, какъ напр., вельзя не сказать того объ извѣстномъ московскомъ генераль-губернаторѣ, графѣ А. А. Закревскомъ. При всемъ томъ не всегда же, конечно, можно было обходить и законъ и прямия распоряженія правительства. По этому-то раскольники, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ склонить правительство Императора Николая къ восстановленію, вышеупомянутаго указа 1822 года, возвратились къ прежней своей мысли объ изысканіи способовъ завести собственныхъ архіереевъ. Такъ какъ по строгимъ законамъ Николаевского времени завести архіерея и учредить архіерейскую кафедру въ самой Россіи было не мыслимо, то раскольники (поповцы) обратили свои взоры на заграничныя земли, и остановились на Буковинѣ (Австрійской провинціи), гдѣ жили изъ старообрядцевъ липоване и гдѣ, для осуществленія своей мысли, они надѣялись на содѣйствіе Австріи, всегда готовой исполнять то, что могло бы служить во вредъ Россіи. Изобрѣтателемъ и исполнителемъ плана—учредить въ Буковинѣ старообрядческую іерархію—былъ старообрядческой инокъ Павелъ Васильевъ (въ мѣрѣ Петръ Великодворскій), дѣйствовавшій въ сотрудничествѣ съ двумя другими единомысленными монахами—Геронтіемъ и Алимпіемъ. А средства на осуществленіе этого плана доставили богатые купцы—петербургскій Громовъ и московскій Рахмаповъ. Мѣстопробываніе для будущаго архіерея они нашли въ раскольничьемъ монастырѣ, существовавшемъ въ липованскомъ селеніи, подъ названіемъ Бѣлая Криница, въ той же Буковинѣ. Движеніе дѣлу дано было 14 февраля 1840 г. Благодаря предупредительности австрійскихъ властей и агентовъ правительственныхъ, а равно и покровительству самого

австрійскаго императора Фердинанда, въ Константинополѣ найденъ былъ одинъ изъ бывшихъ, вслѣдствіе капризнаго своеволія турецкаго правительства, не у дѣлъ архіереевъ греческихъ, именно бывший Боспосараевскій митрополитъ Амвросій, которій разными прельщеніями раскольниковъ, и увлеченъ былъ къ занятію старообрядческой архіерейской кафедрой въ Бѣлой Кривицѣ. 12 октября 1846 года онъ сюда и пріѣхалъ, а 6 января 1847 года поставилъ раскольникамъ и перваго епископа Кирилла въ намѣстники себѣ. Такъ положено было начало пресловутой Бѣлокривицкой раскольнической іерархіи, подробную и основательно обработанную исторію которой можно читать въ извѣстномъ сочиненіи почтеннаго профессора Московской духовной академіи Н. И. Субботина ¹⁾. Австрійскіе и иные друзья раскольниковъ, вмѣстѣ съ искателями архіерея для послѣднихъ, такъ искусно вели дѣло, что, не смотря на долгое время и разнообразныя усилія ихъ привести это дѣло къ желанному концу, наши дипломатическіе представители—въ Вѣнѣ и Константинополѣ, даже и не замѣтили, какъ наконецъ найденъ былъ этотъ архіерей; и правительство русское вступилось въ это дѣло тогда, когда поправить его въ пользу православной Церкви и Россіи уже было поздно. Тѣмъ не менѣе рѣшительный Императоръ Николай, едва только узналъ о совершившемся событіи учрежденія раскольнической іерархіи, какъ тотчасъ же повелѣлъ своему посланнику въ Вѣнѣ обратиться за объясненіями по этому дѣлу къ австрійскому правительству и настоятельно требовать отъ послѣдняго, чтобы раскольническая архіерейская кафедра была закрыта. Въ другое время австрійское правительство, по обыкновенію, не обратило бы вниманія на это требованіе; но тогда, въ тяжкіе годы Венгерскаго возстанія, Россія нужна была Австріи, и послѣдняя поспѣшила удовлетворить требованія русскаго правительства. Амвросій былъ преданъ суду и сосланъ

¹⁾ Издано въ Москвѣ въ 1874 году. Срав. также изслѣдованія того же почтеннаго автора, явшагося частію въ сокращенное повтореніе, вложеннаго въ семь сочиненій, сдѣланнаго теперь библиографическою рѣдкостью, частію же въ продолженіе его, въ издаваемомъ имъ же *Братскомъ Словѣ* за 1885 (начиная съ № 13) и дальн. годы.

въ Штирію на заточеніе, а самый Бѣлокриницкій монастырь закрыть. Однако главное дѣло уже сдѣлано было раскольниками; да и самая архіерейская кафедра ихъ въ Бѣлой Криницѣ, по окончаніи Венгерской кампаніи, снова была открыта услужливымъ въ отношеніи къ расколу, но не благодарнымъ въ отношеніи къ Россіи правительствомъ австрійскимъ. И намѣстникъ Амвросія, Кирилль, утвержденный австрійскимъ правительствомъ въ достоинствѣ митрополита, по указаніямъ вождей раскола, началъ ставить не только низшее духовство, но и архіереевъ, не только для жившихъ въ Австріи раскольниковъ, но и для раскольниковъ всѣхъ мѣстъ за предѣлами Австріи, что прямо противорѣчило даже декрету императора Фердинанда отъ 6 сентября 1844 года, коимъ учреждалась, на извѣстныхъ условіяхъ, раскольническая архіерейская кафедра въ Бѣлой Криницѣ. Въ декабрѣ 1848 года, вскорѣ по вторичномъ открытіи этой кафедры, Кирилль постригъ въ монахи съ именемъ Софронія, а въ первыхъ числахъ января 1849 года и поставилъ въ епископы, съ наименованіемъ Симбирскаго, нѣкоего раскольника Степана Жирова, съ предоставленіемъ ему права ставить поповъ на всю Россію. 3 февраля 1853 года, имъ же (Кирилломъ) былъ поставленъ во епископа Владимірскаго Антоній (въ мѣрѣ Андрей Иларіоновъ Шутовъ) ¹⁾, который немедленно послѣ своего поставленія во епископа отправился въ Россію и въ Москвѣ основалъ свое главное мѣстопробываніе. Такъ наконецъ и Москва, благодаря потворству высшихъ свѣтскихъ властей ея, и укрывательству раскольниковъ, стала имѣть своего раскольниковьяго архіерея.

Естественно теперь спросить, какъ относился ко всѣмъ этимъ явленіямъ въ расколѣ истинный, православный Московскій первосвятитель Филаретъ. Какъ истинный и весьма мудрый архипастырь, онъ, конечно, хорошо понималъ, что если когда, то именно теперь, въ царствованіе Николая, настала пора дѣйствовать въ пользу Церкви противъ раскола не только

¹⁾ Это Антоній 1-й, весьма извѣстный своимъ умомъ и ловкостью, много послужившій процвѣтанію раскола и не очень давно скончавшійся. Послѣ былъ поставленъ Кирилломъ же для Россіи еще епископъ съ тѣмъ же именемъ (Антоній 2-й).

одними кроткими и мягкими мѣрами увѣщанія и наставленія, но и болѣе сильными мѣрами права, закона и обличенія, не выступая, разумѣется, и въ послѣднихъ случаяхъ изъ предѣловъ архипастырскаго благоразумія и даже подобающей тому же архипастырю кротости. Такимъ именно духомъ и дышатъ всѣ мѣропріятія и дѣйствія святителя Филарета въ отношеніи къ расколу за все время этого царствованія, при томъ не только въ предѣлахъ московской епархіи, но и далеко за предѣлами послѣдней; пбо Филаретъ, зорко слѣдя за всѣми болѣе или менѣе важными движеніями въ расколѣ, хотя имѣвшемъ свои главныя гнѣздилища, по прежнему, на Рогожскомъ и Преображенскомъ кладбищахъ въ Москвѣ, одноко простиравшемъ развѣтвленія свои едва не на всю Россію, и по званію и долгу члена Св. Синода и по чувству отеческаго расположенія ко многимъ православнымъ архипастырямъ, дѣйствовавшимъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, особенно же сильно зараженныхъ расколомъ, имѣлъ въ виду въ семъ отношеніи, если можно такъ выразиться, всю площадь, все протяженіе Россіи. Было бы слишкомъ долго исчислять всѣ его мѣропріятія и дѣйствія въ этомъ отношеніи, сохранившіяся для потомства въ недавно изданномъ *Собраніи мнній и отзывовъ Филарета* (Спб. и Москва, 1885—1888), въ изданныхъ въ равное время письмахъ его къ разнымъ лицамъ и въ другихъ письменныхъ намятникахъ его мудрости и дѣятельности. Это само по себѣ могло бы составить обширное и весьма любопытное изслѣдованіе. Мы ограничимся лишь указаніемъ на важнѣйшее и главнымъ образомъ, конечно, остановимся на проповѣдяхъ святителя, по прежнему, въ хронологическомъ порядкѣ. Въ 1834 году положено было святителемъ Филаретомъ начало его знаменитыхъ *Бесѣдъ къ многолюдному старообрядцу* о разныхъ спорныхъ между православіемъ и расколомъ предметахъ, которыя настолько же важны для исторіи и обличенія раскола, насколько и для исторіи проповѣднической дѣятельности святителя. Какъ во всемъ, такъ и въ этихъ *Бесѣдахъ* святитель въ полномъ свѣтѣ обнаружилъ и свой геніальный, изобрѣтательный умъ, и свое глубокое званіе исторіи раскола съ его лжеученіемъ, и свой весьма выдержанный

тактѣ и величайшую умѣренность свою и другія высокія качества, благодаря чему и въ этомъ, какъ въ другихъ отношеніяхъ, явилъ въ себѣ по истинѣ образъ, да постыдуетъ стопама его. А между тѣмъ, если мы обратимъ вниманіе на исторію этихъ *Бесѣдъ*, то мы опять не можемъ не удивляться тому, что начало имъ положено по не значительному, по видности, и совершенно частному случаю, при томъ, даже не въ Москвѣ, главномъ гнѣздилищѣ раскола и въ то же время епархіальномъ городѣ самого Филарета, а въ Петербургѣ. «Можетъ любопытно будетъ знать,—пишетъ извѣстный уже намъ А. Н. Муравьевъ, въ то время еще только начавшій свое знакомство и свою переписку съ Филаретомъ,—что первая бесѣда къ глаголемому старообрядцу написана была владыкою по случаю сомнѣній, которыя я изъявилъ ему о такъ называемой челобитной Соловецкой: что можетъ быть она заключаетъ въ себѣ истину. На другой день, когда я пришелъ къ владыкѣ, онъ мнѣ сказалъ: я побоялся чтобы вы не сдѣлались раскольникомъ и написалъ возраженіе»¹⁾. При этомъ, разумѣется первая «Бесѣда къ глаголемому старообрядцу о поклоняемомъ имени Іисуса и о истинной церковной древности», помѣщенная 25-мъ марта 1834 года въ Петербургѣ и напечатанная тогда же въ 1-й части *Христіанскаго Чтенія* за тотъ же 1834-й годъ. Вскорѣ послѣ этой бесѣды, именно 29 апрѣля, того же года въ С.-Петербургѣ явилась и вторая бесѣда «о символѣ вѣры», напечатанная во 2-й части *Христіанскаго Чтенія* за тотъ же годъ; а почти вслѣдъ за нею, именно 4 мая, и третья — «о четвероконечномъ крестѣ», напечатанная въ той же части *Христіанскаго Чтенія* за 1834 годъ. За тѣмъ, по возвращеніи изъ Петербурга въ Москву, епархіальныя, учебныя и другія дѣла отвлекли Филарета отъ занятія бесѣдами, и только уже въ началѣ слѣдующаго 1835 года онъ написалъ еще «дополнительную бесѣду о поклоняемомъ имени Іисусъ», потомъ «бесѣду о стоглавомъ соборѣ и о истинномъ согласіи съ православною Церковію», помѣченные первыми

¹⁾ *Письма Филар. къ А. Н. Мур.* стр. 15 Срав. начало 1-й бесѣды къ глаголемому старообрядцу.

числами февраля и напечатанныя во 2-й части *Христіанскаго Чтенія* за 1835 годъ. Около того же времени святитель заготовилъ также бесѣду «о благодати архіерейства и священства» и «дополненіе къ дополнительной бесѣдѣ о имени Іс.», напечатанныя потомъ уже въ 3-й части *Христіанскаго Чтенія* за тотъ же 1835 годъ. Въ согласіи съ тѣмъ и въ болѣе подробное изъясненіе причинъ и побужденій къ дѣлу составленія бесѣды, святитель Филаретъ, оставшійся на зиму 1834—1835 года въ Москвѣ, писалъ отсюда въ Петербургъ къ митрополиту Серафиму отъ 24 февраля 1835 года слѣдующее письмо: «Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь и благодѣтель! замѣтивъ, что раскольники изданныхъ для вразумленія ихъ отъ Святѣйшаго Синода книгъ не читаютъ, а нѣкоторые изъ нихъ пишутъ сочиненія противъ Церкви, и тайно распространяютъ, заключилъ я изъ сего, что нужно вновь писать для вразумленія раскольниковъ, и при томъ такъ, чтобы сочиненіе по изложенію предметовъ могло быть не затруднительно для всякаго читателя, и чтобы оно привлекало вниманіе любителей старины, указаніями на уважаемую ими самими старину, либо забытыми, либо не замѣченными. Посему, весною прошедшаго года, написаны мною три бесѣды къ старообрядцу, которыя, по благословенію вашего высокопреосвященства, напечатаны были въ *Христіанскомъ Чтеніи*, и въ немногихъ экземплярахъ особо. Другія занятія надолго отвлекли меня отъ сего дѣла. Между тѣмъ: ваше высокопреосвященство, дали мнѣ способъ открыть въ библіотекѣ Новгородскаго Софійскаго собора свидѣтельства противъ раскольниковъ, довольно важныя и до сихъ поръ ясно не указанныя ¹⁾. Напечатанныя же бесѣды къ старообрядцу, примѣтно, возбуждали вниманіе нѣкоторыхъ раскольниковъ; нѣкоторые преосвященные архіереи изъявили мнѣ желаніе, чтобы сіи бесѣды были продолжаемы, и напечатаны были особою книжкою славенскими буквами; нѣкоторые

¹⁾ Разумѣются свидѣтельства о имени: *Иисусъ*, которыя приведены Филаретомъ въ его «Дополнительной бесѣдѣ къ глаголемому старообрядцу о поклошемомъ имени *Иисусъ*». См. стран. 69 и дал. изд. 1835 г. и 70 (и дал.) стран. изданія 1860 года.

изъ жителей московскихъ, ревнующіе о православіи, иска-ли бесѣдъ къ старообрядцу. Такимъ образомъ я побужденъ былъ обратиться къ сему дѣлу и, по мѣрѣ того, какъ позволяли другія занятія, исправилъ нѣкоторыя мѣста въ трехъ прежнихъ бесѣдахъ; къ одной изъ нихъ написалъ дополненіе, и написалъ двѣ новыя бесѣды, и одно дополненіе. Въ семъ видѣ представляя вашему высокопреосвященству бесѣды къ глаголемому старообрядцу, покорнѣйше прошу и новыя, подобно прежнимъ, удостоить разсмотрѣнія на тотъ конецъ, не признаете ли за благо предложить Святѣйшему Синоду о напечатаніи всѣхъ вмѣстѣ въ московской синодальной типографіи, гдѣ я удобнѣе могъ бы наблюсти за точностію печатанія выписокъ изъ старинныхъ рукописей» ¹⁾). Въ отвѣтъ на это письмо—отношеніе, первенствующій членъ Св. Синода, митрополитъ Серафимъ, отъ 8 марта того же 1835 года писалъ Филарету: «высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь и благодѣтель! Достопочтеннѣйшее отношеніе ваше и при немъ дополненія къ бесѣдамъ къ глаголемому старообрядцу получилъ я 4-го марта и въ сей же самый день предложилъ Св. Синоду. Синодъ принявъ оныя съ превеликимъ удовольствіемъ, какъ самый драгоценный даръ вашъ для Церкви Божіей, предположилъ немедленно исполнить волю вашу, въ отношеніи томъ прописанную. Многіе пастыри вооружались противу раскола, хотя и съ большою ревностію, но съ успѣхомъ малымъ. Причиною сего было то, что не тѣмъ сражались оружіемъ, какимъ нужно было. Васъ и, скажу безъ всякой лести—васъ однихъ вразумилъ Господь сражаться съ раскольниками и поражать ихъ тѣмъ самымъ оружіемъ, коимъ они мечтали не токмо защитить себя противу православныхъ, но и восторжествовать надъ ними. Теперь имѣемъ мы основательную надежду, что обезоруженный вами расколъ не можетъ уже такъ сильно, какъ прежде сего, распространиться, и что останутся въ немъ одни токмо ожесточенные, противящіеся всякой истинѣ, не потворствующей страстямъ ихъ. Подвизайтесь, владыко святыи, въ семъ святомъ подвигѣ болѣе и

1) *Собр. мѣм. и отвѣт. Филар. т. дополн. стр. 584—585. Слб. 1837*

болѣе, въ коемъ да укрѣпить васъ Пастыреначальникъ Св. Церкви Христосъ Господь благодатию Своею; о чемъ я со всѣми православными моля благодать Его, емь и пребуду съ совершеннымъ моимъ почтеніемъ и искреннѣйшею преданностію» и пр. ¹⁾. Замѣчательное свидѣтельство о значеніи *Бесѣдъ къ малолетнему старообрядцу*. Въ томъ же смыслѣ и въ отвѣтъ на Филаретово поздравленіе съ праздникомъ Пасхи, того же 1835 года, Серафимъ писалъ ему отъ 11 апрѣля, между прочимъ, слѣдующее: «Примите владыко святыи! и мое усерднѣйшее съ симъ же праздникомъ поздравленіе, соединенное съ искреннѣйшимъ къ виновнику онаго моленіемъ: да для блага святаго церкви своей, которую вы, яко сильный словомъ, защищаете отъ ересей, а яко сильный дѣломъ, назидаете и украшаете благочестіемъ своимъ, сохранить Онъ жизнь вашу въ вождельннѣйшемъ здравіи, спокойствіи и благоденствіи и продолжить ее далѣе самыхъ желаній вашихъ» ²⁾. Въ виду столь высокаго значенія *Бесѣдъ къ малолетнему старообрядцу*, для Церкви русской, св. Синодъ, опредѣленіемъ отъ 4 марта—5 апрѣля 1835 года, разрѣшилъ напечатать ихъ въ московской синодальной типографіи, одною книгою, въ 8-ю долю листа, церковнымъ шрифтомъ, на первый разъ въ количествѣ 5000 экземпляровъ, которые, при циркулярныхъ указахъ 8 августа того же года, разосланы епархіальнымъ преосвященнымъ. А между тѣмъ и въ связи съ тѣмъ, святитель Филаретъ, отъ начала царствованія Николая Павловича и доселѣ не касавшійся раскола въ своихъ проповѣдяхъ съ церковной кафедры, произнесенныхъ собственно въ Москвѣ, въ 1834 году, коснулся его и съ церковной кафедры въ своемъ стольномъ градѣ. Именно, говоря свое, во многихъ отношеніяхъ замѣчательное слово, по освященіи храма Святителя Николая, что въ Толмачахъ, 25 ноября 1834 года, и въ немъ предлагая ученіе «о всегдашнемъ присутствіи въ Церкви бла-

¹⁾ Письмо находится въ рукописномъ видѣ въ библиотекѣ Моск. дух. академіи, въ числѣ бумагъ митроп. Филарета, пакетъ № 2, бум. № 3. Письмо не собственноручное, но только собственноручно подписанное и исправленное.

²⁾ Хранится въ рукописномъ видѣ тамъ же и въ томъ же пакетѣ, № 4. Это письмо (краткое) все собственноручное.

годати, особенно тайно-дѣйственной» нашъ витія въ концѣ своей проповѣди обращается къ слушателямъ съ такими словами: «не внимайте же клеветующимъ на Церковь, будто благодать въ ней истощилась, будто священноначаліе въ ней или совѣмъ, или въ половину рушилось. Скажите чуждающимся архіереевъ: если корень иссохъ, то какъ могутъ быть свѣжія вѣтви? Если, — какъ они думаютъ, или, точнѣе сказать, не размысливъ, укоряютъ, — благодать архіерейства истощилась: то какъ можетъ продолжаться благодать священства, которое безъ архіерейства есть то же, что вѣтвь безъ корня? Но поелику они признаютъ благодать священства: то какъ могутъ отвергать благодать архіерейства, которое есть корень священства? А если не отвергаютъ благодати архіерейства: то почему чуждаются онаго?» Эти слова направлены, очевидно, противъ раскольниковъ — поповцевъ, еще успокоивавшихся въ то время на мысли о томъ, чтобы довольствоваться одними бѣглыми попами. Но вслѣдъ за тѣмъ святитель — витія направляетъ свое слово и противъ другой половины раскольниковъ, противъ беспоповцевъ, говоря: «Скажите отвергающимъ всякое священство: если, по ихъ зломудрію, совѣмъ рушилось священство, то должно сказать, рушилась и Церковь, что *врата адава одолѣли ей*. Но если они скажутъ и сіе, то явно возстанутъ не противъ насъ, смиренныхъ служителей Церкви, но противъ самого ея Основателя, Который сказалъ, что *врата адава не одолѣютъ ей*. Если нѣтъ таинства тѣла и крови Христовы: то Апостольскій сказалъ неправду, что оно будетъ совершаться, *дондеже придетъ* Господь на судъ. Но если слово Апостольское ложнымъ быть не можетъ; если словеса Христовы не мимо идутъ, хотя бы прешли небо и земля: то есть и нынѣ, и до скончанія вѣка будетъ святое таинство тѣла и крови Христовы; есть и будетъ благодатное священство и священноначаліе; и противники сего ученія суть противники слова Апостольскаго и Христова»¹⁾. Въ связи съ тѣми же работами по исторіи и обличенію раскола въ бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу и съ церковной кафедрѣ, святитель

¹⁾ Соч. Фил. Ш, 292.

Московскій дѣятельно споспѣшествовалъ Церкви и Государству также по части законодательства относительно раскольниковъ, особенно въ виду только что вышедшаго предъ тѣмъ въ свѣтъ Свода законовъ и въ виду совершавшихся работъ надъ продолженіями послѣдняго. Именно къ 1835 году относится замѣчательный по основательности и обстоятельности трудъ святителя Филарета, подъ заглавіемъ: «Мысли и предположенія о средствахъ къ уменьшенію расколовъ»¹⁾. Оправданіе и такого мѣропріятія (варяду съ бесѣдами и поученіями) мы находимъ въ самомъ началѣ этого труда. «Вразумленіе въ истинномъ ученіи вѣры со стороны православнаго духовенства, — говоритъ здѣсь святитель, — безъ сомнѣнія, есть самое свойственное орудіе для обращенія заблуждающихъ всякаго рода. Но сему общему средству обращенія противостоятъ почти столь же общее препятствіе, именно правило раскольниковъ особенно убѣгать сношенія съ православнымъ духовенствомъ»²⁾. И далѣе предлагаются церковно-государственные мѣры относительно раскола, значительная часть которыхъ по всей справедливости не даромъ занесена на страницы законодательныхъ памятниковъ Россійской Имперіи³⁾. Сюда же относятся и многіе другіе подобные же труды святителя Московскаго, по разнымъ случаямъ составленные въ дальнѣйшіе годы царствованія Николая и также полностью или въ большихъ или меньшихъ частяхъ своихъ, вошедшіе въ правительственные законодательные акты, вышедшіе и отдѣльно въ *Собраніе постановленій по части раскола*, изданномъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ⁴⁾. Но въ то же время и согласно желанію весьма многихъ ревнителей православія святитель Филаретъ продолжалъ и свои *Бесѣды къ млаголоемому старообрядцу*. Сверхъ вышеспоименованныхъ, еще въ 1835 году бы-

¹⁾ Этотъ трудъ, хранящійся въ рукописномъ видѣ въ библиотекѣ Моск. дух. академіи (бумагъ м. Филар. пак. № 3, докум. № 6), напечатанъ во 2-мъ томѣ *Собранія мнений и отзывовъ Филарета* (Спб. 1885), на стр. 364—372.

²⁾ Тамъ же, стр. 364.

³⁾ См. тамъ же, стр. 372, прилѣжч. 1-е.

⁴⁾ См. *Собр. мн. и отв. Филар.* II. 402—407; 407—410; 452—454; III, 21—28; 62 и дал.; 91—93 и мн. др.; т. дополн. стран. 97—99; 188—192 и дал. и др.

ли написаны имъ въ Петербургѣ бесѣды «о древнихъ рукописяхъ, и въ особенности объ Изборникѣ Святославовомъ» и «о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и для благословенія», напечатанныя — первая въ 3-й, а вторая въ 4-й части *Христіанскаго Чтенія* за 1835 годъ. Затѣмъ въ слѣдующемъ 1836 году были написаны въ Петербургѣ же святителемъ Филаретомъ «Отвѣты на вопросы глаголемаго старообрядца, по случаю бесѣды о стоглавомъ соборѣ»; — «Бесѣда о второмъ сборникѣ Святославовомъ»; — «Дополненіе къ бесѣдѣ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и благословенія» и «Бесѣда о пятипросфоріи и седмипросфоріи». Изъ нихъ «Отвѣты» и послѣдняя «Бесѣда» были напечатаны, по прежнему, въ *Христіанскомъ Чтеніи* за 1836 годъ, а остальные вошли въ составъ втораго изданія полнаго собранія всѣхъ бесѣдъ къ глаголемому старообрядцу, вышедшаго въ свѣтъ въ 1840 году. Это собраніе было вторымъ, по отношенію къ помянутому раньше собранію изданія 1835 года; а какъ полное (т. е. дополненное вышедшими съ конца 1835 года бесѣдами) оно было первымъ. *Бесѣды къ глаголемому старообрядцу* имѣли такія разнообразныя и высокія достоинства внутреннія и такъ соотвѣтствовали потребностямъ того времени, что, не смотря на весьма значительное число экземпляровъ собраній и 1835 и 1840 года, напечатанныхъ по указу Св. Синода, въ слѣдующемъ же 1841 году потребовалось второе, въ 1844 г. третье, а въ 1850 году и четвертое изданіе полнаго собранія ихъ¹⁾. Всѣ эти изданія, по прежнему, напечатаны четкимъ церковнымъ шрифтомъ, столь чтимымъ раскольниками. Спрашивается теперь: имѣли-ль и *Бесѣды къ глаголемому старообрядцу* и другія мѣропріятія святителя Филарета, за разсматриваемое время, желанныя послѣдствія и успѣхъ? — Смѣло отвѣчаемъ: несомнѣнно имѣли. Онѣ не только «возбудили вниманіе нѣкоторыхъ раскольниковъ», какъ съ обычною скромностію выражается о томъ самъ святитель Московскій, но имѣли съ

¹⁾ Только вслѣдствіе крайней педосужности Филаретъ не продолжалъ далѣе желанныхъ и имъ самыхъ и другихъ *«Бесѣдъ»* этихъ. О семъ см. его собственныя слова въ *Душев. Чтен.* 1877, III, 531.

теченіемъ временъ и тѣмъ благія послѣдствія, на которыя возлагалъ «основательную надежду» митрополитъ Серафимъ, въ приведенномъ выше письмѣ своемъ на имя Филарета, отъ 8 марта 1835 года. И прежде всего, благодаря возбужденію и усиленію вниманія раскольниковъ, произведенному появленіемъ *Бесѣдъ къ глаголемому старообрядцу*, а также и въ согласіи съ духомъ правительственныхъ мѣропріятій противъ раскола, святитель Филаретъ, время отъ времени, и съ церковной кафедры велъ болѣе прежняго смѣлую борьбу съ расколомъ по различнымъ спорнымъ пунктамъ ученія, тѣмъ болѣе, что тѣми же *Бесѣдами* равнымъ образомъ весьма сильно возбуждено и напряжено было вниманіе и православныхъ. Такъ, кромѣ упомянутаго выше мѣста, въ проповѣди по освященіи храма св. Николая въ Толмачахъ, мы находимъ значительное число и другихъ мѣстъ въ произнесенныхъ позже той, проповѣдяхъ нашего святителя касательно раскола. Сюда относится напримѣръ, замѣчательное мѣсто въ началѣ проповѣди Филарета, говоренной въ Чудовѣ монастырѣ 20 мая 1837 года, въ день обрѣтенія мощей святителя Алексія. Вотъ это мѣсто: «Мы воспоминаемъ нынѣ Богомудраго наставника нашего, святителя Алексія, который какъ во все время святительства своего съ благодатною силою глаголялъ слово Божіе въ назиданіе словеснаго стада Христова, такъ особенно потрудился въ чистомъ изглаголаніи слова Божія, когда словенское предложеніе святаго Евангелія съ греческимъ подлинникомъ повѣрилъ, и отъ несовершенствъ стараго нарѣчія, и отъ описокъ невнимательныхъ переписчиковъ очистилъ и исправилъ. Сей подвигъ,—говоритъ теперь святитель Филаретъ,—важенъ, между прочимъ, потому, что чрезъ него Святитель, Богомъ просвѣщаемый предварительно обличилъ несправое мнѣніе людей, явившихся послѣ него, которые даже донныи утверждали, будто въ священныхъ и церковныхъ книгахъ, и описку переписчика исправить, и непонятное слово перевода замѣнить понятнымъ, не позволительно и противно Православію. Они говорятъ: по старымъ не исправленнымъ книгамъ спасались и спаслись извѣстные святые; такія книги поправлять, значить, портить. Еслибы такъ разсуждалъ святой Алексій:

то, конечно, не сталъ бы онъ ни повѣрять переводъ, ни поправлять рукопись Евангелія; а долженъ былъ взять книгу Евангелія, какая въ его время находилась въ Успенскомъ соборѣ, и сказать: по сей книгѣ спасался и спасся святитель Петръ; нечего здѣсь повѣрять и исправлять. Но онъ повѣрялъ и исправлялъ: и потому, очевидно, не такъ разсуждалъ, какъ новые ревнители не очень старой старины, а точно также, какъ и древле, и нынѣ разсуждаетъ православная Церковь, то есть, что спасительная истина Христова и въ неисправленныхъ и исправленныхъ священныхъ и церковныхъ книгахъ одна; но что, для сохраненія и распространенія сей самой истины, исправная книга лучше неисправной. Какъ предначинае и оправданіе церковнаго изслѣдованія и исправленія книгъ въ послѣдовавшія времена, Провидѣніе Божіе сохранило намъ изслѣдованную и исправленную святителемъ Алексіемъ книгу святаго Евангелія: и она являлась очамъ вашимъ въ самое сіе священнослуженіе, бывъ несена діакономъ во святой олтаре». Не даромъ за тѣмъ витія нашъ, въ видахъ перехода отъ вступленія къ самому изложенію проповѣди, говоритъ, что «отъ сего воспоминанія» о святителѣ Алексіи мы «тотчасъ получили полезное для всей Церкви наставленіе»¹⁾. Приведенное мѣсто могло служить хорошимъ урокомъ не только для всѣхъ раскольниковъ всѣхъ толковъ, у которыхъ, при самомъ возникновеніи раскола, и весь сыр-боръ-то, если можно такъ выразиться, загорѣлся, какъ извѣстно, отъ исправленія богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ, и это было причиною отпаденія ихъ отъ Церкви, но и состоявшихъ или считавшихся членами послѣдней, въ числѣ коихъ были и тѣ люди, которыхъ Филаретъ Черниговскій не даромъ называлъ «раскольниками въ штавахъ»: ²⁾ разумѣемъ противниковъ завѣтной мысли святителя Московскаго Филарета о переводѣ Библіи на русскій языкъ или, по крайней мѣрѣ, о исправленіи ея славянскаго текста и приближеніи его къ современной, об-

1) Соч. Отц. IV, 48—49. Срав. также стр. 482—483.

2) См. письма Филарета Черниг. къ А. В. Горскому въ *Приб. къ Твор. св. Отц.* 1883, XXXI, 258; срав. 266. Названіе и относится къ печальному 1842 году.

щеповатной рѣчи. И, конечно, хорошо и мудро сдѣлалъ святи-
тель Московскій, что эту проповѣдь 1837 года, во свидѣтель-
ство истины, помѣстилъ не только на страницахъ Петербург-
скаго духовнаго журнала: *Христіанское Чтеніе* за 1838 годъ,
но и въ собранія своихъ проповѣдей 1844 и 1848 годовъ.
Далѣе, въ 1840 году святитель Филаретъ, совершая неболь-
шую поѣздку по епархіи ¹⁾, 22 сентября освящалъ храмъ Воск-
ресенія Христова въ извѣстномъ селѣ Гуслицахъ, изобилую-
щемъ раскольниками. По освященіи храма онъ счелъ нужнымъ
сказать слово, и въ этомъ словѣ, нарочито говоря съ особен-
ною обстоятельностью о важномъ значеніи храма Божія и по-
сѣщенія послѣдняго для участія въ молитвахъ и богослуженіи
церковномъ, для причащенія св. Таинъ и т. д., поучаетъ ме-
жду прочимъ: «Должно посѣщать Церковь Божию съ вѣрно-
стію, ей неизмѣнною. Вопросалъ нѣкогда пророкъ Илія Из-
раильтянъ: *доколь вы храмлете на обѣ плеснь ваши* (3 Цар.
18, 21)? Сею притчею онъ укорялъ ихъ за то, что они хотя
совсѣмъ отъ истиннаго Бога отрещись не дерзали, однако и
Ваалу, по примѣру язычниковъ, жертвы приносили. И между
вами, Новый Израиль нѣтъ ли колеблющихся и непостоян-
ныхъ, у которыхъ тогда, какъ истина и правая совѣсть ве-
дутъ ихъ путемъ Церкви, неправые внушенія и примѣры, ви-
ды корыстные и нечистые, преломляютъ твердость, и измѣ-
няютъ направленіе; которые хотятъ, повидимому, быть уче-
никами Евангелія, и между тѣмъ *прилагаются въ наученія*
странна и различна (Евр. 13, 9): то держатся освященнаго
Собора церковнаго, то уклоняются къ собраніямъ неосвящен-
нымъ и самочиннымъ, или ищутъ, сами не зная, чего, въ ско-
пищахъ тайныхъ, гдѣ, какъ обличаетъ Апостольская прозор-
ливость, *тайна ѡтвется беззаконія* (2 Сол. 2, 7)? И на сихъ
не падаетъ ли упрекъ Иліинъ: *доколь вы храмлете ни обѣ*
плеснь ваши? Не благопослѣшенъ въ пути храмляющій на
обѣ плеснѣ. *Мужъ дводушенъ не устроенъ во оспѣхъ путехъ*
своихъ (Іак., 1, 8). Не такими стопами праведные идутъ къ
Богу. Если желаете чрезъ святой храмъ достигнуть освя-

¹⁾ См. *Письма Фил.* къ Аят., I, 376.

щенія не отъемлемаго, и благодатною на земли Церковію, какъ лѣствицею, взыти въ славную Церковь небесную: то прилѣпитесь къ Церкви искренно, постоянно, неизмѣнно, неколеблющеюся мыслию, нераздвоеннымъ сердцемъ. *Держите, какъ учить Апостоль, исповѣданіе упованія неуклонное, не оставляюще своего собранія, то есть, Церкви Апостольской* (Евр. 10, 23. 25). И далѣе, въ особенности внушая слушателямъ возможно чаще приобщаться святыни тѣла и крови Христовы, святитель-вѣстия говоритъ еще: «не внимайте тѣмъ, которые говорятъ, будто можетъ христіанинъ обойтись и безъ сей святыни, или замѣнить ее другимъ способомъ освѣщенія. *Небо и земля преидетъ, словеса же Моя не преидутъ* (Марк. 13, 31), глаголетъ Господь. Кто дерзнетъ измѣнить непреходящее слово Божіе? Можно ли замѣнить установленіе и дѣло Божіе примышленіемъ и дѣломъ человѣчскимъ?»¹⁾ Также и эту проповѣдь, какъ въ назиданіе православнымъ, нерѣдко по простодушію или по какимъ либо корыстнымъ и другимъ видамъ оставлявшимъ Церковь и склонявшимся на сторону раскола, такъ и въ вразумленіе раскольникамъ и въ предостереженіе тѣмъ изъ нихъ, которые совращаютъ православныхъ въ расколъ или о томъ стараются, святитель Филаретъ допустилъ напечатать не только въ отдѣльныхъ экземплярахъ, но и въ собраніяхъ проповѣдей изданія 1844 и 1848 годовъ. За тѣмъ, въ 1845 году, когда, какъ намъ извѣстно, раскольники не только въ Россіи, но и за границей, употребляли особенныя усилія къ укрѣпленію своего положенія и будущности раскола въ его отдѣльности отъ Церкви всероссійской, — когда, не смотря на строгія мѣры правительства, они, благодаря подкупамъ и другимъ неблаговиднымъ средствамъ, съ большею противъ прежняго ревностію продолжали свое самочиніе и, при оскудѣніи даже бѣглаго поповства, употребляли еще болѣе неблагообразныя способы въ совершеніи молитвъ, богослуженія и таинствъ, святитель Филаретъ въ день святителя Алексія, 12 февраля, произносилъ извѣстное намъ слово на текстъ: *не мнози учителя бывайте* и пр.

¹⁾ Соч. Ф. IV, 141. 142.

Въ этомъ словѣ, подобно какъ въ словѣ на тотъ же текстъ, произнесенномъ въ 1825 году, упомянувъ о Діотрефѣ церкви временъ апостольскихъ, святитель между прочимъ говоритъ: «здѣсь нѣтъ Діотрефа: но, къ прискорбію Церкви и священноначалія, вы можете не далеко отсюда встрѣтить болѣе, нежели одного Діотрефа, и при томъ имѣющаго послѣдователей, не смотря на то, что онъ давно обличенъ словомъ апостольскимъ. *Отъ насъ изыдоше, но не быша отъ насъ*, обличаетъ Апостоль Іоаннъ, отступившихъ отъ единства вѣрованія и отъ послушанія Церкви. Не видимъ ли и нынѣ людей сего рода? Отъ насъ получили они начало вѣры и таинствъ,—*отъ насъ изыдоша*, но уже не хотятъ быть нашими. Безъ призванія, безъ благословенія, какъ кому вздумалось, поставляютъ себя учителями и, чтобы прикрыть неблагообразіе самочинія, отвергаютъ Церковь, отъ которой получили все, что имѣютъ, или мнятъ имѣть. *Первенстволюбивъ Діотрефъ не приемлетъ насъ*.— *Духъ лютвенно глаголетъ*, и предрекаетъ чрезъ Апостола Павла, о *онемлющихъ духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ, въ лицемеріи лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію*, между прочими ложными ученіями и заповѣдями, *возбраняющихъ женитися* (1 Тим. 4, 1—3). И, не смотря на сіе предварительное обличеніе, *духи лестчіе* являются, *лжесловесники* не стыдятся проповѣдывать, будто въ нынѣшнее время совѣмъ уже нѣтъ благословеннаго брака. будто теперь уже не Богъ печется о продолженіи рода человѣческаго; возстаютъ противъ брака усильнѣе, нежели противъ того, что осуждается закономъ брака, а иные противъ истинныхъ законовъ и брака и дѣвства вооружаются не только лжеученіемъ, но и желѣзомъ. Сколь ни ясны здѣсь черты *духовъ лестчихъ и ученій бѣсовскихъ*: однако находятся *онемлющіе* имъ. Многіе самопоставленные учителя умножаютъ толки лжеученій; а неразумительные послѣдователи умножаютъ лжеучителей. Встрѣчаясь съ тѣми и другими, припоминайте, братія, для себя и для нихъ, предостереженіе Апостольское, столь бѣдственно ими пренебреженное: *не мнози учителя бывайте, отъдѣце, яко болѣе осужденіе прииметъ*. Помните, что *положи Богъ въ Церкви первое Апостоловъ. второе пророковъ, третіе учителей*. И никто же

самъ себя пріемлетъ честь, но званный отъ Бога, якоже и Ааронъ (Евр. 5, 4), по Богопреданному чину. Только званые Богомъ учителя вѣрно приводятъ къ Богу. Аминь¹⁾. Къ историческому разъясненію, особенно нѣкоторыхъ выраженій этой выдержки изъ проповѣди святителя Филарета, можетъ служить слѣдующее его донесеніе Св. Синоду отъ 28 апрѣля 1844 г.

«При кроткой и снисходительной терпимости, — читаемъ мы въ этомъ донесеніи, — которую законы его императорскаго величества оказываютъ заблуждающимъ отъ истинной вѣры, раскольники, особенно начальствующіе на московскомъ Преображенскомъ кладбищѣ, вмѣсто того, чтобы съ благодарностію пользоваться спокойствіемъ, которое имъ предоставляется, дѣйствуютъ не только къ нарушенію спокойствія православной Церкви, но и къ нарушенію законовъ и порядка гражданскаго и къ разрушенію нравственности. Свѣдѣнія о семъ открываются по случаямъ, частію при обращеніи нѣкоторыхъ отъ раскола къ православію. Но большею частію не могутъ быть приведены въ офиціальный видъ, потому что и обращающіеся къ православію не отваживаются открыто поставить себя свидѣтелями противъ раскольниковъ, опасаясь мщенія, къ которому раскольники, при обширныхъ денежныхъ средствахъ, находятъ много способовъ. До свѣдѣнія моего дошелъ списокъ съ такъ называемыхъ *Отческихъ завѣщаній*, которыя въ подлинникѣ подписаны старшими попечителями Преображенскаго богадѣленнаго дома, Алексѣемъ Никифоровымъ и друг. Въ началѣ сказано: *изъ книги пандекта*; но это только подлогъ, чтобы доставить уваженіе завѣщаніямъ. Содержаніе же завѣщаній состоитъ въ томъ, чтобы браковъ никакихъ не признавать; чтобы раскольниковъ, находящихся въ брачномъ союзѣ съ лицами не принадлежащими къ расколу, разлучать отъ брачнаго союза; чтобы въ бракахъ христіанскихъ родства тѣлеснаго не признавать; что съ 1666 года *установленная Богомъ царская власть упразднилась*; что *теперь Христіане брачующіеся суть змино тѣлцище сатанино, и бисовъ его прескверное дворцище*; что *теперь о умноженіи рода человеческого про-*

¹⁾ Соч. Ф. IV, 376—377.

мысляетъ сатана, и къ зачатію младенца душа дается отъ діавола. Не трудно усмотрѣть, что сіи правила ведутъ и къ мятежу, и къ разврату, и къ дѣтоубійству». И далѣе, въ подтвержденіе того же святитель ссылается еще на двѣ книжки, присланныя святителю при отношеніи московскаго гражданскаго губернатора И. Г. Сенявина. Въ концѣ одной изъ нихъ святитель встрѣтилъ такую приписку: «Сіе отца Серія преданіе предлои и возраженія на новоженскіе браки написаны въ Москвѣ, въ Преображенскомъ богадѣленномъ домѣ, при главоиъ настоятель Семень Кузминъ и попечитель Алексіи Никифоровичъ, казначей Андрей Ларионовичъ ¹⁾, въ мѣсто 7350 (1842) мѣсяца іюня въ 3 день многогрудными настоятелями Е. Г. (Егоромъ Гавриловымъ). Изъ сего, — заключаетъ святитель Филаретъ, — несомнительнымъ образомъ открывается, что раскольники Преображенскаго кладбища не просто слѣдуютъ старымъ погрѣшительнымъ мнѣніямъ, но и вновь составляютъ зловерныя правила, и распространяютъ ихъ, даже съ видомъ формальности, за подписаніемъ своихъ начальниковъ. Съ вѣроятностію полагать можно, что на распространеніе вредныхъ мнѣній особенно вліяніе имѣетъ Семень Кузминъ. Въ одной запискѣ, писанной лицомъ, принадлежащимъ къ Преображенскому кладбищу, но начинающимъ сознавать тамошнія нелѣпости, сказано: «въ Преображенскомъ богадѣленномъ домѣ явились разные неизвѣстные пришельцы, называющіеся старѣйшинами и настоятелями, и разсѣвающіе вредныя новизны, какъ главный настоятель Семень Кузминъ, отъ той мятежнической прежде бывшихъ здоровъ (sic) толпы оставшій членъ, разсѣвающій вредныя толки ученія, какъ то, неповиновеніе властямъ и закону» ²⁾. Наконецъ, въ началѣ февраля 1846 г. святитель Филаретъ приглашенъ былъ Бронницкими гражданами на освященіе храма Пресвятыя Богородицы, въ честь иконы ея Іерусалимскія, въ городъ Бронницы, также изобиловавшій раскольниками, и уже далъ согласіе на поѣздку ту-

¹⁾ Это — тотъ самый Андрей Ларионовичъ Шутовъ, который потомъ, съ именемъ Аптонія I, былъ поставленъ въ епископы въ Вѣлой Крилицѣ.

²⁾ Собр. мн. и отв. Фил. III, 107—109. Сиб. 1885.

да, приготовивъ и проповѣдь по предстоящему случаю. Освященіе храма назначено было на 3-е февраля. Но вмѣсто Бронницъ, Филаретъ въ этотъ день изъ Москвы писалъ къ намѣстнику лавры Антонію слѣдующее: «Я сегодня не въ Бронницахъ, а дома. Поелику въ четвергъ надлежало рѣшиться ѣхать, или не ѣхать, то въ среду я испыталъ выѣхать изъ дома въ Москвѣ, и въ слѣдующую ночь получилъ зубную боль. Такъ недоумѣніе кончилось. Отказаться было необходимо. Послалъ только вмѣсто себя слово, которое обѣщался прочитать архимандритъ» ¹⁾. По этому и въ началѣ этого слова болящій святитель—витія говорить: «хочу сдѣлать, что могу: побесѣдовать съ вами, если нельзя самолично, то хотя чрезъ другія уста» ²⁾. Въ словѣ своемъ, поучительность котораго, конечно, не уменьшилась отъ того, что оно не было произнесено самимъ Филаретомъ, послѣдній, избравъ темою его разсужденіе о томъ, «какое благо приобрѣли мы, когда приобрѣли освященный Храмъ Божій», и съ обычною основательностію и обстоятельностью доказывая эту мысль, подобно тому, какъ и въ Гуслицахъ въ 1840 году, обращаетъ опять отечески заботливые взоры свои на бывшихъ и въ Бронницахъ съ его окрестностями глаголемыхъ старообрядцевъ въ ихъ отношеніи къ православію и къ православнымъ, говоря: «Нельзя при семъ не вспомнить съ сожалѣніемъ о тѣхъ, которые или долго уклоняются отъ святаго храма, по нерадѣнію, или совсѣмъ удаляются отъ онаго, потому что, вслѣдствіе погрѣшительныхъ мнѣній, хотятъ молиться не въ святомъ храмѣ, но на мѣстѣ, котораго Богъ не избралъ, и котораго никто не освятилъ. Какихъ благъ лишаютъ они сами себя! И какому отвѣту подвергаютъ себя предъ Богомъ!—Удаляющіеся отъ святыни ³⁾ Церкви говорятъ, что сіе дѣлаютъ они по старой вѣрѣ. Удивительно, какъ люди могутъ извращать истину, если того страстно захотятъ. Гдѣ нашли они старую вѣру безъ священноначалія и безъ освященныхъ храмовъ? Эта вѣра очень но-

¹⁾ Письма Ф. къ Ант. II, 236.

²⁾ Соч. Ф. IV, 427—428.

³⁾ Въ отд. изд. «святны».

вая; двухъ сотъ лѣтъ не прошло еще, какъ она возникла. Истинно старая вѣра отъ начала христіанства имѣла и имѣетъ непрерывное священноначаліе и освященные храмы; при чемъ далѣе святитель — витія представляетъ въ примѣръ такого удаленія отъ храмовъ и священноначалія древнихъ самарянъ, которымъ, въ лицѣ жены—самарянки, Спаситель Господь сказалъ: *вы кланяетесь, Его же не отъте: мы кланяемся, Его же тмы* (Іоан. 4, 22); а въ заключеніе предлагаетъ надлежащее и прекрасное предостереженіе отъ увлеченія симъ примѣромъ ¹⁾. Посылая эту проповѣдь, при письмѣ отъ 11 февраля, къ ректору Московской духовной академіи архимандриту Евсеію (Орлинскому), святитель Филаретъ писалъ послѣднему: «есть ли хотите дать ей мѣсто въ вашемъ изданіи: то напечатайте нѣсколько экземпляровъ особо, для бронницкихъ гражданъ. Есть ли не хотите: то примите трудъ велѣть снять списокъ, и процenzоровать, и доставить мнѣ, также для бронницкихъ гражданъ» ²⁾. Конечно, проповѣдь напечатана была и въ академическомъ изданіи (*Творенія св. Отцевъ*) и отдѣльными оттисками, какъ занесена потомъ и въ собраніе изд. 1848 года. Благимъ послѣдствіемъ всѣхъ этихъ и подобныхъ ³⁾ поученій съ церковной каѳедры касательно спорныхъ пунктовъ ученія между православными и раскольниками были нерѣдкіе случаи обращенія послѣднихъ въ православіе, — случаи, о которыхъ, какъ мы видѣли выше, упоминалъ и самъ святитель—проповѣдникъ въ своемъ донесеніи св. Синоду отъ 28 апрѣля 1844 года ⁴⁾. Но болѣе всего мы въ этомъ отношеніи имѣемъ въ виду расширеніе предѣловъ *единоотрія* въ Москвѣ, о которомъ, по этому, мы теперь и скажемъ, по прежнему, полагая въ основаніе проповѣди Филарета.

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Соч. Ф. IV, 432—433.

²⁾ *Чтеніе въ общ. соб. дух. просв.* 1882, III, 292 «Матеріаловъ для исторіи русской Церкви».

³⁾ Ибо и въ другихъ, кромѣ сей часъ указанныхъ, проповѣдяхъ своихъ Филаретъ касался раскола.

⁴⁾ См. также письма его къ Виталію въ Прав. Об. 1887 г., I, 452 и др.

О БОГОСЛУЖЕБНОЙ ПОЭЗИИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

ДО КОНЦА IV ВѢКА.

Православное богослуженіе, рассматриваемое въ цѣломъ составѣ, представляетъ величественное, стройное твореніе. Въ немъ мы видимъ живое и полное выраженіе идеи истиннаго общенія и единенія съ Богомъ,— въ связи съ изображеніемъ всего домостроительства нашего спасенія. Для воплощенія этой идеи и соединенныхъ съ нею чувствъ и стремленій вѣрующихъ, православная церковь воспользовалась всѣми лучшими средствами искусства, насколько они соотвѣтствуютъ священной важности такой цѣли. Вся обстановка православнаго богослуженія, а также большая часть изъ того въ немъ, что составляетъ такъ называемую субъективную сторону, или—что относится къ выраженію внутреннихъ состояній вѣрующихъ,— носитъ на себѣ печать художественнаго творчества. Здѣсь почти всѣ отрасли искусства принесли и несутъ еще обильную дань.

Соотвѣтственно внутреннему величію, какимъ преимущественно отличается православное богослуженіе, изъ всѣхъ искусствъ, призванныхъ къ служенію литургическимъ цѣлямъ, едвали не самое широкое приложеніе нашла здѣсь себѣ поэзія. Это усматривается въ богатствѣ богослужебно поэтическихъ произведеній, или пѣснопѣній, въ обиліи мотивовъ ихъ содержанія и разнообразіи формъ,— хотя бы только въ области лирики,— выработанныхъ часто до высокой степени художественности. Такому усиленію богослужебной поэзіи въ

православной церкви, естественно, могло способствовать, помимо существенно важнаго значенія, какое имѣетъ лиризмъ въ богослуженіи вообще, и помимо особыхъ историческихъ условій, между прочимъ. то, что она должна была развиваться— вмѣстѣ съ пѣніемъ—отчасти взаимно и, такъ сказать, на счетъ инструментальной музыки.

Какъ совокупность многочисленныхъ и разнообразныхъ произведеній, богослужебная поэзія православной церкви является плодомъ многовѣковой творческой дѣятельности. Поэтическое же творчество, проявившееся въ христіанской церкви, съ самаго начала его, въ примѣненіи къ потребностямъ богослуженія, сосредоточивалось, главнымъ образомъ, въ церкви греческой и, усилившись преимущественно въ византійскій періодъ ея существованія, выразилось здѣсь со всѣми своими отличительными особенностями. При этомъ, во всемъ ходѣ постепеннаго совершенствованія богослужебно-поэтическаго творчества здѣсь, расширенія области его произведеній и развитія формъ — намъ открывается сложный процессъ, еще далеко недостаточно объяслѣдованный. А между тѣмъ въ немъ нужно искать объясненія многихъ сторонъ православно-богослужебной поэзіи. Вотъ почему раскрытіе этого живаго процесса составляетъ весьма важную задачу научнаго изслѣдованія разсматриваемой области. И въ этомъ отношеніи, прежде всего, обращаютъ на себя вниманіе первые моменты развитія богослужебной христіанской поэзіи---тѣ ступени, на которыхъ она находилась въ греческой церкви въ первые четыре вѣка.

Богослужебная поэзія первыхъ вѣковъ христіанства, отражающая въ себѣ, по близкой связи ея съ событіями церковной жизни, внутреннее состояніе церкви, можетъ интересоваться собою изслѣдователя съ разныхъ сторонъ. Такъ, по произведеніямъ ея можно прослѣдить первоначальное развитіе христіанскихъ идеаловъ. Въ церковныхъ пѣсняхъ, прежде всего, должно было отразиться въ высшей степени живое впечатлѣніе принятія и усвоенія христіанства, впечатлѣніе, которое своею силою охватило, такъ сказать, все существо первенствующихъ христіанъ, какъ свидѣлствуютъ памятники христіанской древности и величественный фактъ ея — мученичество.

Какъ важно это для характеристики явленій церковно-исторической жизни первыхъ вѣковъ христіанства—понятно само собою. Далѣе, церковные гимны этого времени могутъ служить непререкаемою основою для богословскихъ выводовъ, которые касаются такихъ существенныхъ пунктовъ христіанскаго вѣроученія, какъ троичность лицъ въ Богѣ, божество Иисуса Христа и т. п.

Но главный интересъ изслѣдованія богослужебной поэзіи первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства, очевидно, историколитургическій. И съ этой стороны, она давно уже стала обращать на себя вниманіе ученыхъ. Кромѣ болѣе или менѣе обширныхъ литургическихъ и археологическихъ очерковъ, относящихся къ изслѣдованію всей гимнографіи греческой церкви, она имѣетъ въ своей литературѣ даже цѣлыя спеціальныя сочиненія. Но значеніе ихъ опредѣляется собраніемъ только матеріала, ожидающаго еще полной научной разработки, по программѣ, какую диктуютъ современные научныя требованія. Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ замѣчается, между прочимъ, почти совершенное отсутствіе литературнаго анализа — внутренняго и особенно внѣшняго характера произведеній богослужебной поэзіи, рассматриваемыхъ въ ихъ тѣсной связи между собою; нѣтъ въ нихъ послѣдовательнаго раскрытія генетической связи богослужебно-поэтическихъ формъ ¹⁾.

Обращаясь къ изслѣдованію тѣснопѣній греческой церкви, необходимо замѣтить, что они близко граничатъ съ обширною областью словесно-богослужебныхъ произведеній, имѣющихъ отчасти поэтическій характеръ, — молитвами. Въ самомъ дѣлѣ, молитвы имѣютъ въ себѣ много лирическаго содержанія, выраженія порывовъ религіознаго воодушевленія, чтобы ихъ можно было, съ этой стороны, строго отдѣлять отъ собственно

¹⁾ Впрочемъ, недавно вышедшее въ свѣтъ сочиненіе католическаго учнаго Пятры, — подъ заглавіемъ: «*Hymnographie de l'Eglise Grecque*», представляетъ удачный опытъ изслѣдованія богослужебной поэзіи греческой церкви въ новомъ направленіи. Заслуга Пятры, сообщающая особую цѣнность его труду, состоитъ въ строго научной, серьезной постановкѣ вопросовъ, касающихся болѣею частію внѣшней стороны греческой гимнографіи византійскаго періода. Что же касается гимнографіи первыхъ четырехъ вѣковъ, то этотъ ученый, едва намѣчаетъ главные пункты изслѣдованія ея.

богослужебно-поэтическихъ произведеній, каковы пѣснопѣнія. Поэтому, рѣзкое разграниченіе между тѣми и другими можно дѣлать только по отношенію къ внѣшней формѣ — стихотворному складу послѣднихъ и отчасти — богослужебному употребленію ихъ. Впрочемъ, и съ внутренней стороны — характера — можно еще усматривать различіе въ томъ, что въ пѣсняхъ церковныхъ съ особою силою выступаетъ идеальный элементъ, — то, что нельзя высказать простымъ, обыкновеннымъ языкомъ, что остается какъ бы недосказаннымъ и вмѣстѣ непосредственно говорящимъ сердцу каждаго; тогда какъ въ молитвахъ выражаются болѣе простые отзвы сердца, указываются или обозначаются и какъ бы только перечисляются внутреннія состоянія, возбуждаемыя религіозными предметами.

Если, поэтому, выдѣлать изъ области богослужебно-поэтическихъ произведеній молитвы, то окажется, что богослужебная поэзія греческой Церкви до конца IV вѣка, по составу пѣснопѣній, имѣетъ весьма тѣсный объемъ, ограничиваясь только незначительнымъ количествомъ извѣстныхъ церковныхъ пѣсней. Не смотря на это, изслѣдователю не легко ориентироваться въ ней. Такъ, первые вопросы, съ которыми встрѣчается здѣсь онъ, — о первоначальномъ появленіи пѣснопѣній, равно какъ о богослужебномъ употребленіи тѣхъ или другихъ изъ нихъ — обрекаютъ его лишь почти на одни гаданія и попытки, не приводящія къ положительнымъ результатамъ. А это, очевидно, слишкомъ неблагоприятно должно отзываться на раскрытіи хода послѣдовательнаго развитія пѣснопѣнія древне-греческой церкви. Вотъ почему, при настоящемъ знакомствѣ съ богослужебными произведеніями ея, являвшимися до конца IV вѣка включительно, остается пока довольствоваться, главнымъ образомъ, характеристиккою общаго состоянія богослужебной поэзіи этого времени и ограничиться общимъ взглядомъ на происхожденіе тѣхъ или другихъ формъ ея. При этомъ можетъ имѣть мѣсто, впрочемъ, нѣкоторая группировка пѣснопѣній, на основаніи особенностей извѣстныхъ формъ внѣшняго построенія ихъ; а при ней, можетъ быть, не будетъ слишкомъ смѣлою и попытка — изслѣдовать ихъ генетическую связь.

I.

Всемирная апостольская миссія на первыхъ порахъ нашла себѣ приѣмъ у людей единоплеменныхъ первымъ провозвѣстникамъ христіанскаго ученія. Этому благопріятствовало то, что ко времени пришествія Спасителя іудеи успѣли уже разсѣяться по всѣмъ извѣстнымъ концамъ тогдашняго міра, — расселиться всюду съ своими религіозными учрежденіями, сосредоточивавшимися въ синагогѣ, которую апостолы избирали первоначальнымъ поприщемъ для своей проповѣди. Весьма естественно, поэтому, что первыми христіанами въ странахъ языческихъ являлись іудеи. Отсюда понятно и то, что христіанское богослуженіе съ перваго время распространенія здѣсь христіанства должно было совмѣщать въ себѣ мвогія особенности богослуженія іудейскаго. Одною же изъ важнѣйшихъ составныхъ частей послѣдняго было псалмопѣніе, которому Иисусъ Христосъ своимъ примѣромъ сообщилъ высшее освященіе.

Нужно ли говорить, что христіане изъ язычниковъ съ благоговѣніемъ приняли въ богослужебное употребленіе это священное наслѣдіе? И это принятіе такого сокровища библейской поэзіи, какъ псалмы, было тѣмъ болѣе естественно, что обусловливалось общечеловѣческимъ характеромъ ихъ, по которому въ псалмахъ можно находить выраженіе самыхъ возвышенныхъ состояній человѣческой души, чистѣйшихъ — глубокихъ и сильныхъ движеній сердца изъ области чувствъ религіознаго и нравственнаго, и по которому, какъ говоритъ св. Аѳанасій Александрійскій ¹⁾, въ нихъ «измѣрена и обнята вся жизнь человѣческая». Само собою разумѣется, что это священное достояніе не могло не имѣть благотворно обаятельнаго дѣйствія на христіанъ изъ язычниковъ, напр., грековъ. Извѣстныя мѣста свящ. Писанія Новаго Завѣта и свидѣтельства отцовъ церкви относительно употребленія псалмовъ первенствующими христіанами съ очевидностью указываютъ на то, какъ они проникались священной силою библейской поэзіи, какъ иска-

1) Въ еп. въ Маркеллану.

ли въ нихъ и находили источникъ религіознаго воодушевленія и религіозно-творческаго вдохновенія.

Не смотря на близость этихъ библейскихъ гимновъ сердцу каждаго, па эту приспособленность ихъ къ общеловѣческимъ состояніямъ, не смотря на новостъ ихъ для христіанъ изъ язычниковъ,—употребленія въ первенствующей церкви однихъ этихъ священныхъ пѣсней было недостаточно. Дѣйствительность, въ которой очутились первые христіане, представляла слишкомъ много сторонъ, возбуждавшихъ новыя состоянія въ области религіозной жизни, которыя требовали живаго выраженія, творческаго воспроизведенія. Если собрать всѣ черты того оживленнаго, одушевленнаго чувствами, связанными съ идеєю возрожденія, того восторженнаго состоянія, въ какомъ находились первые христіане, то можно представить, приблизительно, какое богатство самыхъ возвышенныхъ и пламенныхъ чувствъ, какое обиліе вдохновенныхъ образовъ должно было вторгаться въ душу каждаго проникавшагося христіанствомъ. Стоитъ, въ самомъ дѣлѣ, мысленно перенестись въ это, безспорно, высоко-поэтическое состояніе полноты радостныхъ и скорбныхъ, вызывавшихся видомъ почти постоянной борьбы и страданій за святость новыхъ религіозныхъ убѣжденій, чувствъ,—чтобы быть увѣреннымъ въ необъятно-богатомъ источникѣ религіозно-поэческаго вдохновенія.

Съ другой стороны, болѣе чѣмъ вѣроятно, даже несомнѣнно то, что время постоянной, продолжавшейся цѣлые три вѣка борьбы и страданій вовсе не было благоприятнымъ для стройнаго и гармоническаго выраженія религіозныхъ чувствъ, приспособленнаго къ цѣлямъ богослуженія. Не смотря на это, впрочемъ, отъ христіанской древности сохранились свидѣтельства о выраженіи христіанами первыхъ трехъ вѣковъ невольныхъ порывовъ религіозно-поэческаго вдохновенія въ церковныхъ пѣсняхъ,—и, вообще, такія данныя, на основаніи которыхъ можно заключать о существованіи и даже о содержаніи и характерѣ чисто-христіанскаго пѣснопѣнія въ эту бѣдственную эпоху для церкви. Эти данныя, правда, скудны, отрывочны и нуждаются еще въ научной разработкѣ, почему изслѣдователю разсматриваемой области приходится жаловать-

ся на недостаточность ихъ для характеристики состоянія богослужбной поэзіи въ древнѣйшій періодъ ея развитія.

Недостаточность этихъ данныхъ Мюнтеръ объясняетъ тѣмъ, что большая часть христіанскихъ гимновъ, составленныхъ въ это время и хранившихся въ церковныхъ книгахъ, подвергались преслѣдованію и, вмѣстѣ съ этими книгами, уничтоженію со стороны гонителей, и — что количество этихъ пѣсней было не велико, потому что религіозно-поэтическая производительность тогда еще немогла имѣть благоприятныхъ условій ¹⁾. Къ этимъ объясненіямъ Августинъ присоединяетъ еще то, что «disciplina arcani», принятая у христіанъ первыхъ вѣковъ по отношенію къ таинствамъ, простиралась и на церковныя пѣсни, особенно относящіяся къ Троицѣ и лицу Іисуса Христа ²⁾. Сюда же, кажется, нужно отнести указанія на употребленіе при богослуженіи *импровизированныхъ* пѣсней, которымъ, разумѣется, трудно было сохраниться. О существованіи же обычая употреблять импровизированныя пѣсни свидѣтельствуетъ, по общепринятому мнѣнію, св. ап. Павелъ въ I Коринѣ. XIV, 26 (ἐκάτος ὁμῶν ψαλμὸν ἔχει). Совершенно ясно и отчетливо указываетъ на эту импровизацію Тертуліанъ — въ описаніи вечера. «Когда умоютъ руки и зажгутъ свѣчи, говоритъ онъ, каждому предлагается выйти и пропѣть что-либо во славу Божию, или-что можетъ отъ себя» ³⁾. Многие ученые, далѣе, какъ напр., Августинъ и Гарнакъ, находятъ намекъ на импровизацію церковныхъ пѣсней въ 59 правилѣ Лаодикійскаго собора, которымъ, между прочимъ, запрещается христіанамъ пѣть въ церкви собственные псалмы.

Въ IV вѣкѣ, съ извѣстнымъ измѣненіемъ условій церковной жизни, въ частности, — условій отправленія богослуженія, гимнографія церкви греческой является на новой ступени развитія. Но отсутствіе памятниковъ и скудость свидѣтельствъ, относящихся къ ней, крайне не благоприятствуютъ болѣе или менѣе полной и точной характеристикѣ этого со-

1) Ueber die älteste christliche Poesie.

2) Denkwürdigkeiten... T. V, 266—267.

3) Apolog., с. 89.

стоянія богослужбной поэзіи того времени. Это обстоятельство заставляетъ прибѣгнуть къ приему косвеннаго заключенія о степени развитія пѣснопѣнія въ греческой церкви IV вѣка, — судить о состояніи богослужбной поэзіи здѣсь въ это время, въ частности, объ отдѣльныхъ произведеніяхъ ея, по извѣстнымъ постороннимъ современнымъ памятникамъ, болѣе или менѣе близкимъ къ оригинальнымъ—церковнымъ. Приемъ этотъ, впрочемъ, можетъ имѣть мѣсто и въ изслѣдованіи богослужбной поэзіи греческой церкви и перваго періода.

Первымъ свидѣтелемъ того, что еще въ апостольское время христіане не довольствовались употребленіемъ при богослуженіи однихъ только библейскихъ пѣснопѣній, а составляли, по требованію новыхъ духовныхъ нуждъ, свои вдохновенныя пѣсни,— является св. апостоль Павелъ—строитель церковнаго богослуженія. Въ двухъ извѣстныхъ многознаменательныхъ параллельныхъ мѣстахъ его посланій—къ Ефес. гл. V, ст 19 и къ Колосеян.—111, 16—раздѣльно представляются три различныя формы церковныхъ пѣснопѣній: псалмы (ψαλμοι), пѣнія (ὕμνοι) и пѣсни духовныя (ὠδαὶ πνευματικαί), долженствовавшія служить къ назиданію вѣрующихъ. Что здѣсь нужно видѣть обособленныя формы богослужбныхъ пѣсней, а не разные виды псалмовъ или свойства ихъ, какъ наприм., думаетъ блаж. Иеронимъ,—въ пользу этого говоритъ то весьма важное обстоятельство, что между пѣснями, заимствованными первоначально церковью отъ іудеевъ, особый видъ ихъ представляли, какъ извѣстно, такъ называемыя торжественныя пѣсни Израиля ¹⁾, импровизированныя, по разнымъ историческимъ случаямъ, вдохновенными лицами. Въ силу этого, Апостоль, говоря о псалмахъ, не могъ не упомянуть объ этихъ пѣсняхъ гимнахъ, весьма сродныхъ имъ, также служащихъ къ назиданію и принятыхъ въ богослужбное употребленіе. Прямое осно-

¹⁾ Таковы: торжественная пѣснь Моисея (Исх. XV); обличительная пѣснь—его же (Второз. XXXII); побѣдная пѣснь—Деворы (Суд. V); пѣснь трехъ отроковъ (Дан. III) и др. Изъ новозавѣтныхъ библейскихъ пѣсней имъ соотвѣтствуютъ—пѣсни: Св. Дѣвы (Лук. I, 46), Захаріи (Лук. I, 68), Сусаннѣ (Лук. II, 29).

ваше видѣть это упоминаніе ихъ въ словѣ «ὕμνος» заключается въ томъ, что разсматриваемыя пѣсни называются гимнами, какъ напр., у Сираха въ XLIV, I. Если, теперь, слово «гимнъ» означало импровизированную библейскую пѣсню, а не пѣснь, входящую въ составъ Псалтири, то вѣтъ ничего невѣроятнаго, что съ этимъ именемъ подобнаго рода пѣсни употреблялись въ апостольское время и что въ указанныхъ мѣстахъ посланій св. ап. Павла говорится объ этихъ именно «гимнахъ отцевъ». Такое пониманіе термина «гимнъ» по отношенію къ употребленію его въ данномъ случаѣ признается за безошибочное почти всѣми изслѣдователями древнѣйшаго пѣснопѣнія греческой церкви. Установленіе же этого пониманія имѣетъ для насъ весьма важное значеніе: оно ведетъ къ тому заключенію, что «пѣсни духовныя», которыя апостолъ ставитъ наряду съ «гимнами», представляютъ, какъ и эти послѣдніе, особый видъ пѣснопѣній, употреблявшихся въ апостольскій вѣкъ въ церкви. Заключеніе это согласуется съ характеристикой ихъ, какъ произведеній новозавѣтной, христіанской богослужебной поэзіи, — содержащеюся въ названіи «ὄδοι πνευματικαί». Эпитетъ «πνευματικός» какъ нельзя болѣе ясно, кажется, указываетъ на христіанскій характеръ третьяго вида упоминаемыхъ апостоломъ Павломъ пѣсней, потому что «недуховныхъ псалмовъ, какъ говоритъ преосвященный Филаретъ, недуховныхъ гимновъ—не знала церковь іудейская, отъ которой приняты псалмы и гимны христіанскою церковью, и потому, что имъ обозначается то свойство христіанскихъ пѣсней, по которому онѣ — «плодъ обновленнаго духа и пропикнуты духомъ благодати»¹⁾).

Свидѣтельство св. ап. Павла объ употребленіи въ первенствующей церкви собственно христіанскихъ пѣсней, для насъ становится болѣе очевиднымъ, при указаніяхъ ближайшихъ къ апостольскому времени христіанскихъ писателей. Изъ нихъ св. Игнатій Богоносецъ, ученикъ апостольскій, весьма ясно и опредѣленно указываетъ на существованіе этихъ пѣсней и богослужебное употребленіе ихъ въ одномъ изъ своихъ посла-

¹⁾ Истор. обзор. пѣсн., стр. 16.

ній, говоря: «старайтесь, составляя лики, въ единеніи любви, воспѣвать отца въ Іисусѣ Христѣ»¹⁾. Не менѣе убѣдительно говорить о томъ же «Акты мучениковъ», въ которыхъ между прочимъ, сообщается о пѣніи вѣрными, по случаю кончины св. Игнатія, гимновъ — въ продолженіе нѣсколькихъ ночей. Эти свидѣтельства даютъ основаніе думать, что область христіанскаго пѣснопѣнія еще въ первомъ вѣкѣ далеко не ограничивалась ветхозавѣтными пѣснями, а представляла въ себѣ и пѣсни новозавѣтныя, притомъ не только въ честь Христа, но даже мучениковъ — героевъ христіанства. Какое важное значеніе имѣли первоначальныя христіанскія пѣсни въ богослуженіи первенствующихъ христіанъ — можно видѣть изъ того, что этою сторопою обратили на себя вниманіе правителя — язычника, Плинія младшаго, который въ письмѣ къ Траяну, какъ характерную черту новаго религіознаго общества выставляетъ то, что члены его — «христіане собираются до разсвѣта, чтобы пѣть между собою пѣснь Христу, какъ Богу...» Степень употребленія христіанскихъ пѣсней и сила уваженія къ нимъ въ концѣ II вѣка возрасли до того, что ихъ можно было представлять непререкаемымъ выраженіемъ ученія церкви о божествѣ лица Іисуса Христа. Евсевій въ своей исторіи приводитъ письмо неизвѣстнаго лица, направленное противъ монархіанина Артемона, въ которомъ для подтвержденія истины почитанія Христа, какъ Бога, съ первыхъ поръ христіанства, признается непоколебимымъ то основаніе, что христіане съ самаго начала своего появленія прославляли его въ псалмахъ и пѣсняхъ, какъ Бога: «Сколько существуетъ псалмовъ и пѣсней, говорится въ этомъ письмѣ, которые *отъ начала* написаны вѣрующими и богословски воспѣваютъ Христа, какъ Божіе Слово»²⁾. Такую же важность и силу для доказательства употребительности и особеннаго значенія въ первенствующей церкви христіанскихъ церковныхъ пѣсней имѣетъ извѣстное обстоятельство, о которомъ сообщаетъ тотъ же Евсевій въ своей исторіи. Въ приведен-

1) Посл. къ Римл., 2.

2) Письмо это обыкновенно приписывается пресвитеру Кая, ж. въ III в.

номъ имъ здѣсь посланіи епископовъ и пресвитеровъ Антиохійскаго собора къ Діонисию римскому говорится, что Павелъ Самосатскій (III в.) запретилъ въ своей (антиохійской) церкви древніе псалмы въ честь Иисуса Христа, которые употребляемы были въ церкви со времени св. Игнатія, — какъ новыя (ὡς νεωτέροι καὶ νεωτέρων ἀνδρῶν συγγραμματα), но на самомъ дѣлѣ, какъ такіе, которые противорѣчили его монархіанскимъ заблужденіямъ ¹⁾.

Достовѣрность существованія богослужебныхъ христіанскихъ пѣсней въ первые вѣка христіанства устанавливается, впрочемъ, не одними приведенными свидѣтельствами. Мы обладаемъ еще несомнѣнно вѣрнымъ ручательствомъ за нее, которое находимъ въ нѣкоторыхъ именахъ поэтовъ первыхъ вѣковъ христіанства. Правда, этихъ именъ очень немного, что объясняется, можетъ быть, характеромъ общенародности древнихъ церковно-поэтическихъ произведеній и импровизированіемъ ихъ во время богослуженія, — особенностями, весьма мало благопріятствовавшими сохраненію въ памяти именъ ихъ составителей; но и они, эти немногія имена, вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ о написаніи въ первые вѣка вѣрующими богословскихъ гимновъ, показываютъ, что въ средѣ первыхъ христіанъ были вдохновенные люди, которые обнаружили поэтическій даръ въ составленіи духовно-поэтическихъ произведеній, приспособленныхъ къ общенародному употребленію въ церкви, при богослуженіи.

Первымъ въ ряду извѣстныхъ именъ этихъ поэтовъ, кажется, нужно поставить имя св. Иустина мученика († 166 г.), которому Евсевій ²⁾ и Иеронимъ ³⁾ приписываютъ книгу, подъ именемъ «пѣвецъ» (ψάλτης), не дошедшую до насъ. Положимъ, что слово ψάλτης, прежде всего, — напоминаетъ намъ ψαλτήριον и указываетъ собственно только на собраніе ветхозавѣтныхъ псалмовъ. Но, какъ замѣчаетъ преосвященный Филаретъ ⁴⁾, уже то, что ψάλτης поставленъ въ ряду собствен-

¹⁾ Hist. E. VII, С. 30.

²⁾ Н. Е. IV, 18.

³⁾ De vir. Mustr.

⁴⁾ Истор. обзор. пѣсн., стр. 43.

ныхъ сочиненій св. Іустина, а особенно то обстоятельство, что слово *ψαλμός* прилагалось не только къ псалмамъ псалтири въ первые вѣка, но обозначало всякую христіанскую пѣснь, составленную самими христіанами;— можетъ служить надежнымъ основаніемъ къ вѣроятному заключенію, что *ψαλτης*—собрание христіанскихъ пѣсней. Дѣйствительно, обозначеніе словомъ *ψαλμός* христіанской пѣсни было допускаемо христіанами первыхъ вѣковъ, притомъ съ особымъ памѣреніемъ, именно—во избѣжаніе употребленія слова *ὕμνος*, сдѣлавшагося для христіанъ ненавистнымъ вслѣдствіе приложенія его къ пѣснямъ въ честь боговъ языческихъ. И эту замѣну слова *ὕμνος* словомъ *ψαλμός* можно усматривать во всѣхъ почти писаніяхъ мужей апостольскихъ и апологетовъ, изъ которыхъ Августинъ ¹⁾, въ данномъ отношеніи, указываетъ особенно на Іустина мученика.—Затѣмъ, съ большею опредѣленностью выступаетъ имя Непота, епископа Пентапольскаго (III в.), какъ христіанскаго поэта, составившаго «множество духовныхъ пѣснопѣній». Указаніе на духовно-поэтическую дѣятельность лица съ этимъ именемъ мы находимъ въ одномъ изъ сочиненій Діонисія Александрійскаго, направленномъ противъ хиліастическихъ заблужденій, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ: «сколько ни одобряю и ни люблю я Непота за все прочее, — за вѣру и трудолюбіе, за его ревностное занятіе писаніемъ, за множество духовныхъ тѣснотнѣй, которыми и доннѣ улаждаются многіе изъ братій..., но истина дороже всего» ²⁾. Болѣе того, что говорится здѣсь о Непотѣ, какъ составителѣ духовныхъ пѣснопѣній, за неимѣніемъ данныхъ, однако ничево нельзя сказать, такъ какъ отъ всей его поэтической личности осталось только одно имя.—Извѣстиѣ этихъ двухъ древне-христіанскихъ поэтовъ—Аѳиногена, какъ вдохновенный творецъ обыкновенно приписываемой ему хвалебно-благодарственной пѣсни — «Свѣте тихій». Хотя главное, такъ сказать, коренное свидѣтельство, относящееся къ поэтической дѣятельности Аѳиногена, не только не говоритъ въ

¹⁾ Denkwürdigk. V, 248.

²⁾ Ap. Evsch., 171, 24.

пользу того, что имъ создана эта вдохновенная пѣснь, а напротивъ, скорѣе служить къ отрицанію такого мнѣнія, — тѣмъ не менѣе оно не оставляетъ сомнѣнія, что посылитель этого имени принадлежитъ къ сонму древне-христіанскихъ пѣснопѣвцевъ. Свидѣтельство это, на основаніи превратнаго толкованія котораго пѣснь «Свѣте тихій» усвоится Аѣнногену ¹⁾, находится въ книгѣ Василія Великаго — «о святомъ Духѣ». Въ немъ содержится указаніе на двѣ древне-духовныя пѣсни, именно, — на «Свѣте тихій», но какъ на пѣснь, принадлежащую неизвѣстному поэту, и на другую, какъ на пѣснь Аѣнногена, выражающую мысль о св. Духѣ. Вотъ слова св. Василія Великаго, свидѣтельствующія о неизвѣстности происхожденія древней богослужебной пѣсни «Свѣте тихій»: «Отцы наши не хотѣли въ молчаніи принимать благодать вечерняго свѣта, но тотчасъ, какъ онъ наступалъ, приносили благодареніе. Хотя мы не можемъ утвердительно сказать, кто былъ творцемъ тѣхъ хваленій, которыя читаемъ во время свѣтильныхъ; впрочемъ, народъ повторяетъ древній голосъ, и никому не представлялось еще, что хулу произносятъ, когда говорятъ: *поемъ Отца, Сына и сятаго Духа* ²⁾. Если послѣднія слова заимствованы изъ пѣсни «Свѣте тихій», — въ чемъ едвали можно сомнѣваться, — и если происхожденіе ея въ свидѣтельствѣ св. Василія В. не связывается съ какимъ-либо опредѣленнымъ именемъ поэта, то — съ одной стороны — для отрицанія принадлежности этой пѣсни Аѣнногену, — съ другой — для признанія въ лицѣ его древне-христіанскаго поэта, создавшаго особый гимнь, *сродный* съ тѣми хваленіями, о которыхъ говоритъ св. Василій, — имѣетъ силу дальнѣйшее сопоставленіе съ предъидущимъ, слѣдующихъ словъ того же Василія Великаго: «Еслибы кто зналъ и гимнь Аѣнногена, который онъ, поспѣшая уже къ высшему дѣйствию, какое совершается чрезъ огонь, оставилъ предстоявшимъ, какъ сладостное привѣтствіе: тотъ узналъ бы и мысль мучениковъ о

¹⁾ Такъ, въ греческомъ часословіи «Свѣте тихій» имѣетъ слѣдующую надпись: «Гимнь св. Аѣнногена мученика, а не Софронія, патріарха Іерусалимскаго, какъ нѣкоторые несправедливо думаютъ; свидѣтель Василій».

²⁾ О св. Духѣ, гл. 29.

Духъ¹⁾. Здѣсь пѣснь св. Аѳиногена, содержащая мысль о св. Духѣ, очевидно, представляется отличною отъ гимна «Свѣте тихій», происхожденіе котораго, какъ видно изъ предъидущаго свидѣтельства, тѣмъ же св. Василиемъ В. признается неизвѣстнымъ. Впрочемъ, еслибы можно было доказать, что творцомъ этого гимна былъ Аѳиногенъ, то это еще болѣе усилило бы основаніе, по которому онъ считается однимъ изъ древнѣйшихъ христіанскихъ церковныхъ поэтовъ.

Имена поэтовъ, дѣйствовавшихъ въ первые три вѣка христіанства, свидѣтельствуя о существованіи въ это время церковной поэзіи, отчасти даже о степени проявленія поэтической дѣятельности въ Церкви, почти вовсе не даютъ возможности характеризовать внутреннее состояніе богослужебной поэзіи въ первомъ періодѣ ея развитія. На основаніи приведенныхъ здѣсь свидѣтельствъ можно составить развѣ только нѣкоторое понятіе о самомъ общемъ содержаніи и характерѣ поэтическихъ твореній, принадлежащихъ лицамъ, носившимъ эти имена. Но они имѣютъ значеніе для характеристики этого предмета въ связи съ сохранявшимся отъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства памятниками богослужебно-поэтическаго творчества—извѣстными, сродными между собою по характеру, церковными пѣснями, изъ которыхъ, по указаніямъ авторитетныхъ изслѣдователей²⁾, многія относятся даже ко времени апостольскому. Изъ пѣсней, несомнѣнно принадлежавшихъ богослужебному употребленію въ рассматриваемый періодъ нужно указать, какъ на болѣе важныя по своему значенію, на

1) Тамъ же.

2) Такъ Мюнтеръ, Михаэлисъ, Гейманъ и др. во многихъ мѣстахъ новозавѣтныхъ книгъ находятъ отрывки духовныхъ пѣсней, какъ напр., 14 ст. V гл. посл. къ Ефес., послѣ словъ «посему сказано»:

Встань спящій,
И воскресни изъ мертвыхъ,
И осѣятъ тебя Христосъ;

Или—во II Тим., II гл., 11 и 12 ст., послѣ словъ: «вѣрно слово»....

.... Если съ Нимъ умерли,
Съ Нимъ и оживемъ;
Если терпимъ,

То и царствовать будемъ съ Нимъ и т. д.; а также—1 Тим. III, 16.

Или: Апостл. V, 9—10; VI, II; XI, 17; XV. 3—4 и др.

древнѣйшія церковныя пѣсни: «Слава въ вышнихъ Богу» и «Тебѣ подобаетъ пѣспь Богу». — въ высшей степени характерныя и по содержанию и способу выраженія мыслей. Къ послѣдней изъ этихъ хвалебныхъ церковныхъ пѣсней весьма тѣсно примыкаетъ столь же древняя и еще болѣе краткая пѣспь, извѣстная подъ именемъ «малаго славословія», — «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу». Она имѣетъ простую форму возгласа, какъ въ такъ называемыхъ доксологіяхъ св. ап. Павла (Рим. XI, 36; Ефес. III, 21 и т. п.) и представляетъ изъ себя самую первоначальную формулу прославленія Св. Троицы ¹⁾. Глубокая древность и богослужебное назначеніе первыхъ двухъ пѣсней не подлежатъ сомнѣнію, такъ какъ онѣ проводятся въ Постановленіяхъ Апостольскихъ ²⁾; что же касается «малаго славословія», то о немъ свидѣлствуютъ Св. Иринеи ³⁾, и Тертуліанъ ⁴⁾, какъ о пѣсни общеупотребительной въ ихъ время, а св. Василій Великій ⁵⁾, въ доказательство того, что въ пѣсни этой прославляется Св. Троица, ссылается на употребленіе ея въ этомъ смыслѣ св. Климентомъ римскимъ, ученикомъ апостольскимъ, и др. Кромѣ этихъ хвалебныхъ пѣсней въ разсматриваемую группу памятниковъ богослужебно-поэтическаго творчества, безъ сомнѣнія, входитъ, какъ можно думать на основаніи данныхъ, представленнхъ выше, и «Вечерній Гимнъ» — «Свѣте Тихій».

Всѣ эти остатки богослужебной поэзіи, сохранившіеся отъ временъ священной древности, такъ извѣстны намъ, что излишне было бы входить въ подробное разсмотрѣніе ихъ содержанія и литургическаго значенія. Достаточно, кажется, ограничиться лишь опредѣленіемъ общаго характера ихъ, какъ первоначальныхъ церковно-поэтическихъ произведеній. Съ этой

¹⁾ Въ первое вѣка слововыраженіе въ ней было не одинаково. Такъ, извѣстны, напр., слѣдующіе варианты: «Слава Отцу и св. Духу въ вѣчность»; «Слава Сыну со Отцемъ чрезъ Духа отъ вѣчности къ вѣчности». Окончательно установилась употребительная нынѣ формула только въ IV в. Aschbach. Allgem. Kirchen-Lexicon., T. II.

²⁾ Lib. VII, с. 47—48.

³⁾ Contr. haer., lib. 1.

⁴⁾ De Spect., с. 25.

⁵⁾ De Spir. S., с. 29.

стороны они представляются простымъ и естественнымъ проявленіемъ религіозно-поэтическаго творчества въ весьма сильномъ и вмѣстѣ краткомъ выраженіи чувства благоговѣнія предъ Богомъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ почти указанныя пѣсни состоятъ какъ бы изъ однихъ восклицаній и весьма близко подходятъ къ роду поэтическихъ произведеній безыскусственныхъ. Изъ нихъ только «Свѣте Тихій» имѣетъ въ себѣ черты художественности, которыя можно находить, напр., въ яркой образности представленія идеи—пришествія Іисуса Христа «въ исполненіи время», въ истинно изобразительномъ выраженіи впечатлѣнія, полученнаго человечествомъ отъ христіанства, которымъ оно поражено было, прежде всего, со стороны просвѣтительнаго вліянія на людей, въ лицѣ Виночника-Присносущнаго Свѣта; въ стройномъ, наконецъ, расположеніи мыслей. И пужно сказать, что, благодаря этимъ художественнымъ чертамъ, «Вечерній гимнъ» занимаетъ видное мѣсто въ ряду высоко-поэтическихъ произведеній греческой гимнографіи.

По художественному характеру и отчасти даже по аналогичному содержанію, къ «Вечернему гимну» близко стоитъ «Гимнъ Христу Спасителю», которымъ заканчивается III книга «Педагога», Климента Александрійскаго. Произведеніе это можетъ быть отнесено къ области богослужебной поэзіи разсматриваемаго періода — по слѣдующимъ соображеніямъ. Ему предшествуетъ въ указанномъ сочиненіи молитва, которая при жизни Климента была, какъ можно думать, въ церковно-богослужебномъ употребленіи. Для насъ молитва, помѣщенная въ «Педагогѣ» предъ «Гимномъ», не настолько важна сама по себѣ, чтобы останавливаться на рѣшеніи вопроса, возбуждаемаго ею въ изслѣдователяхъ, — о томъ, составлена она авторомъ Педагога, или же заимствована изъ числа молитвъ, употреблявшихся при церковномъ богослуженіи въ это время. Но рѣшеніе вопроса о происхожденіи этой молитвы является совершенно необходимымъ по неразрывной связи его съ вопросомъ о богослужебномъ употребленіи «Гимна Христу Спасителю». Это потому, что разсматриваемая заключительная часть Педагога служитъ какъ бы вступленіемъ къ «Гимну»;

значить, установленіемъ взгляда на предшествующую ему молитву, какъ на имѣвшую богослужебное значеніе, обуславливается рѣшеніе вопроса о богослужебномъ употребленіи и «Гимна». Вникая теперь въ связь между тою и другимъ, мы находимъ, что въ пользу богослужебнаго употребленія молитвы, помѣщенной предъ «Гимномъ», а вмѣстѣ и того, что этотъ Гимнъ, какъ и молитва, внесенъ Климентомъ изъ Церкви—неоспоримо—говорить переходъ отъ первой къ послѣднему, заключающійся въ слѣдующихъ многозначительныхъ словахъ: «Поелику Наставникъ ввелъ насъ въ Церковь (ἐς τὴν ἐκκλησίαν—богослужебное собраніе) и соединилъ насъ съ Собою — словомъ, которое учить, надъ всѣмъ надзираетъ, — то *прилично* намъ здѣсь вознести хвалу и благодареніе Господу, достойныя Его попечительности». Что Климентъ только внесъ «Гимнъ Христу Спасителю» въ свое сочиненіе, какъ извѣстный и употреблявшійся въ современной ему практикѣ, а не самъ составилъ его, — такъ основаніемъ этому заключенію можетъ служить и то, что въ началѣ слѣдующей за нимъ молитвы къ Педагогу отъ лица автора (Климента) сочиненія, которое носить это названіе, содержится такое воззваніе: «И я Тебѣ, добрый Наставникъ, *приношу* вѣнецъ молитвъ». Здѣсь, въ этомъ воззваніи, личность автора молитвы, заключающей собою «Гимнъ Христу», очевидно, ясно противопоставляется, такъ сказать, коллективной личности, чувства которой выражаются въ самомъ «Гимнѣ». — Впрочемъ, если бы даже мы предположили, что «Гимнъ» «Педагога» составленъ самимъ Климентомъ, то все-таки должны признать и богослужебный характеръ и назначеніе его для церковнаго употребленія, которые видны изъ того, что авторъ находитъ *приличнымъ* «вознести хвалу», содержащуюся въ немъ, въ Церкви.

Содержаніе этого богослужебно-поэтическаго произведенія можно выразить въ слѣдующихъ общихъ чертахъ: подъ символическими образами Пастыря, Кормчаго, Свѣта, Пути и т. п., въ немъ прославляется величіе, сила и «попечительность» Иисуса Христа въ отношеніи къ вѣрующимъ—авгцамъ, птенцамъ, рыбамъ, дѣтямъ Его, которые, въ надеждѣ на Его благодать, ищутъ со всею теплотою дѣтскаго чувства, съ дѣтскою нѣж-

ностью Его покровительства, водительства. Особенно характерна послѣдняя строфа, наполненная самыми нѣжными изліяніями сердца, тронутаго представленіемъ близости къ Учителю, — чувствами, которыя трудно передать простымъ прозаическимъ языкомъ. «Небесное млеко, — говорится здѣсь, — изъ сладкихъ сосцовъ Дѣвы благодатной — Мудрости Твоей источенное! Мы Твои дѣти! Нѣжными устами вскормленные, нѣжнымъ дыханіемъ материнской груди исполненные, пѣспи простыя, гимны невинныя Христу-Царю въ награду святую за ученіе жизни поемъ всѣ вмѣстѣ, — поемъ просто Отрока державнаго». И вся эта пѣснь, проникнутая такою нѣжностью и задушевностью, представляетъ выраженіе сильныхъ и живыхъ порывовъ христіанской души къ Спасителю подъ вліяніемъ сознанія близости къ Нему. Въ «Гимнѣ Христу Спасителю», поэтому, можно видѣть яркое и живое отраженіе впечатлѣнія отъ христіанства, или, точнѣе дѣйствія, произведеннаго послѣднимъ на христіанъ первыхъ вѣковъ представителей обновленнаго человѣчества. Такимъ образомъ, и этотъ «Гимнъ», подобно «Гимну вечернему» является звучнымъ отголоскомъ одного общаго религіознаго настроенія, въ какомъ находились христіане первой эпохи христіанства. Кромѣ того, по нему съ достаточнымъ основаніемъ можно заключать о степени развитія вкуса, по отношенію къ религіозной поэзіи, у александрійскихъ христіанъ къ стройному, художественному выраженію религіознаго чувства въ гармоничныхъ стихахъ, каковы стихи «Гимна Христу Спасителю», состоящіе изъ анапестовъ, спондеевъ и отчасти дактиловъ, столь привычныхъ слуху грека.

Представленными прямыми и положительными данными относительно состоянія церковной поэзіи перваго періода развитія, еще не исчерпывается все, служащее къ характеристикѣ его. Кромѣ разсмотрѣнныхъ свѣдѣній о первоначальномъ греческомъ церковномъ пѣснопѣніи, а также памятниковъ его, мы имѣемъ нѣкоторыя, такъ сказать, побочныя данныя — свидѣтельства и памятники, которые косвенно указываютъ на существованіе и употребительность, отчасти даже на внѣшній и внутренній характеръ православныхъ греческихъ богослужебныхъ пѣснопѣ-

ній первыхъ вѣковъ. Таково, наприм., сказаніе Филона о жизни ерапевтовъ, находящееся во II кн. исторіи Церкви Евсевія, въ которомъ, между прочимъ, описываются богослужебные обычаи, заимствованные ими, по замѣчанію историка ¹⁾, отъ христіанъ. Въ этомъ изображеніи жизни ерапевтовъ встрѣчается весьма важное для насъ свидѣтельство, что «они не только занимаются созерцаціемъ, но и составляютъ пѣсни и гимны во славу Божию, въ разныхъ размѣрахъ и напѣвахъ». Обращаясь къ подробностямъ, разсматриваемаго сказанія, касающимся пѣснопѣнія ерапевтовъ, и поставляя ихъ въ связь съ христіанскими свидѣтельствами о пѣснопѣніи древней Церкви, можно, пожалуй, согласиться, что они косвенно характеризуютъ послѣднее. Вотъ какъ представляется въ сказаніи пѣснопѣніе ерапевтовъ: «Вставши предъ собраніемъ, онъ (начальникъ хора) первый поетъ гимнъ во славу Бога, составленный имъ самимъ или заимствованный у древнихъ поетовъ. Когда начинается начальникъ, всѣ слушаютъ съ глубокимъ вниманіемъ и не воввышаютъ голоса даже въ концѣ гимна. Потомъ поютъ гимны въ честь Бога, составленные различными метрами и стихами, сперва обыкновеннымъ тономъ; потомъ выше» etc. Не принимая всего этого за обычаи христіанъ перваго вѣка всецѣло, какъ напримѣръ, пѣнія гимновъ, принадлежащихъ древнимъ поетамъ, нельзя, кажется, удержаться отъ весьма вѣроятнаго заключенія, что нѣкоторыя черты изъ сказаннаго здѣсь относятся къ пѣснопѣнію первенствующихъ христіанъ, какъ—обычай употребленія древнихъ гимновъ—ветхозавѣтныхъ и особенно обычай импровизировать новыя пѣсни во время богослужебныхъ собраній.

Еще опредѣленнѣе знакомить насъ съ первоначальнымъ греческимъ богослужебнымъ пѣснопѣніемъ и имѣетъ болѣе важное, потому, значеніе для характеристики его—извѣстный памятникъ христіанской древности, представляющій изъ себя образецъ древне-христіанскаго религіозно-подтическаго произведенія,—«Пиръ десяти дѣвъ», приписываемый Св. Меодію Тирскому. Въ цѣломъ—это произведеніе и по содержанію,

¹⁾ Н. Е., Л. II, с. XVII.

и по характеру можно назвать прототипомъ религіозно-христіанской аллегорической драмы, получившей впоследствіи названіе «аутоса». Дѣйствительно, «Пиръ десяти дѣвъ» имѣетъ видъ драмы, или, точнѣе, діалога, при чемъ дѣйствующія лица и вся обстановка дѣйствія имѣютъ аллегорическій смыслъ. (Садъ, обращенный на Востокъ, наполненный благоуханіями, съ фонтанами, разливающими живую воду по каналамъ и питающими ея растенія—Церковь, въ которой обитаютъ добродѣтели—Арета, Агапія, Фекла и др.). Для насъ этотъ памятникъ древне-христіанской поэзіи особенно важенъ потому, что въ немъ драма-діалогъ заканчивается «Пѣснью Дѣвъ Христу Богу», состоящею изъ 24 частей—стиховъ, съ такимъ же количествомъ припѣвовъ. По характеру содержанія, особенно по тону восторженно-хвалебному, а также по внѣшнему виду—членораздѣльному, 24 частному составу—пѣснь эта напоминаетъ собою акаѳистъ и является какъ бы одною изъ первоначальныхъ формъ его. По связи съ діалогомъ, каждый стихъ ея, представляя отдѣльную пѣснь, влагается въ уста одной изъ дѣвъ, а припѣвы—всего лика дѣвъ. Вотъ для примѣра нѣкоторыя изъ стиховъ—пѣсней съ припѣвомъ:

«Свыше, о, дѣвы, раздается гласъ», поетъ одна изъ дѣвъ, «пробуждающій мертвыхъ: Онъ велитъ всѣмъ вмѣстѣ идти, въ блистательныхъ одеждахъ и со свѣтильниками, на срѣтеніе Жениху, къ Востоку. Встаньте, чтобы предупредить приходъ Царя въ дверяхъ». Припѣвъ: «Невѣста, я сохраняю себя чистою для Тебя и, держа свѣтоварный свѣтильникъ, встрѣчаю Тебя Женихъ». Пѣснь одной дѣвы: «Омывающій толпы людей въ водахъ чистительныхъ Предтеча Твой, за любовь къ чистотѣ, доведенъ до смерти беззаконникомъ; но, окропляя землю кровію, взывалъ предъ Тобою, блаженный»... Пѣснь одной дѣвы: «Твоя родительница жизни, благодатная, недоступная, непорочная дѣва, нося въ безсѣменномъ чревѣ плодъ чистый, подпала подозрѣнію въ невѣрности; но къ Тебѣ, блаженный, взывала Она»; припѣвъ: «Тебѣ посвящаю себя чистою» и пр. Последняя пѣснь: «О, блаженный, живущій въ чистыхъ селеніяхъ небесныхъ, все содержащій вѣчною Силою, вотъ мы предстоимъ предъ Тобою: прими насъ, Отче, съ Сыномъ Твоимъ въ двери жизни вѣчной».

Удерживаясь пока отъ вѣроятнаго заключенія о церковномъ употребленіи разсматриваемыхъ пѣсней, какъ бы внесенныхъ въ «Пиръ X Дѣвъ» уже готовыми, можно однако допустить, что эти столь стройныя христіанскія пѣсни составлены по извѣстнымъ, подобнымъ имъ, богослужебнымъ образцамъ, которыхъ, къ сожалѣнію, христіанская древность не сохранила для насъ. Если признать это за достовѣрное, то по представленнымъ образцамъ пѣсней св. Меѳодія можно судить о подобнаго рода пѣсняхъ греческой церкви времени около III в. Во всякомъ случаѣ, замѣчательно то, что эти пѣсни по формѣ и по характеру представляются сходными съ пѣснопѣніями указанной выше формы, явившимися въ богослужебномъ употребленіи греческой церкви въ сравнительно позднѣйшее время (VII в.). Поэтому, въ вопросѣ о происхожденіи родовъ и формъ церковныхъ пѣснопѣній греческой церкви «пѣсни Дѣвъ» «Пира» имѣютъ несомнѣнно важное значеніе.

Наконецъ, важнымъ памятникомъ, по которому приблизительно можно судить о значительномъ развитіи пѣснопѣнія греческой церкви первыхъ вѣковъ, представляется цѣлая совокупность богослужебно-поэтическихъ произведеній-гностическихъ. Взвѣсить важность и значеніе данныхъ относительно гностической гимнографіи для общей характеристики пѣснопѣнія православнаго въ періодъ его первоначальнаго развитія не трудно. Нужно только взять во вниманіе то весьма важное обстоятельство, что гностицизмъ носить на себѣ печать несомнѣннаго заимствованія отъ христіанства, между прочимъ, богослужебныхъ элементовъ,—чтобы видѣть болѣе или менѣе полное отраженіе въ гимнографіи его господствовавшихъ формъ первоначальной православно-христіанской гимнографіи, при помощи которыхъ гностики первыхъ вѣковъ старались проводить воззрѣнія своихъ доктринъ. Если такъ, то оставить безъ разсмотрѣнія гностическую гимнографію—значить допустить очевидный пробѣлъ въ общемъ изображеніи состоянія православно-христіанскаго пѣснопѣнія перваго періода.

Насколько заняты были гностики даннаго времени гимнографіей, и какъ велико количество гимновъ, составленныхъ ими, это можно видѣть изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ о нихъ и частію остатковъ ихъ. Одинъ изъ характерныхъ образчиковъ религіозно-поэтическаго творчества гностиковъ откры-

вается намъ въ «Пѣсни» Офитовъ, сохранившейся въ сочиненіяхъ Оригена ¹⁾. Она состоитъ изъ семи строфъ съ такимъ же количествомъ припѣвовъ. О строфѣ и характерѣ этой пѣсни можно судить по слѣдующей, напримѣръ, строфѣ съ припѣвомъ къ ней: «Привѣтствую Тебя, единого царя, узы мрака, первую силу, сохраненную духомъ провидѣнія и мудростью; потомъ остаюсь чистымъ, причастнымъ Сыпу и Отцу и такъ, благодать да будетъ со мною, Отче, да будетъ со мною» ²⁾. Въ книгѣ «Адамъ», изданной Норбергомъ, есть подобный гимнъ съ припѣвомъ, три другихъ пѣсни съ строфами, расположенными въ алфавитномъ порядкѣ, три гимна о блаженныхъ ангелахъ свѣта, о вѣстникѣ непорочномъ и т. п. Далѣе, между достопримѣчательностями въ философомъ ³⁾, остающимися еще неизслѣдованными, есть гимны Θомы къ Маріи, приписываемые Наассеніанамъ. Потомъ, Климентъ Александр. и Тертуллианъ говорятъ о псалмахъ Валентина ⁴⁾. Къ этой группѣ принадлежатъ восемнадцать псалмовъ Соломона, изданныхъ Ла-Цердою ⁵⁾ Августинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ передаетъ интересный отрывокъ изъ апокрифическаго гимна, который былъ въ употребленіи у Прискилліанъ и Творцомъ котораго они признавали Самого Іисуса Христа. Наконецъ, извѣстны, по упоминанію ихъ писателями первыхъ вѣковъ христіанства и отчасти по отрывкамъ, нѣкоторые изъ гимновъ: Василица, Вардесана ⁶⁾, Манеса и Маркіона ⁷⁾.

При взглядѣ на гностическую гимнографію, въ ней замѣчается та, особенно выдающаяся и весьма важная для характеристики формъ христіанскаго пѣснопѣнія общая черта, что всѣ пѣснопѣнія, входящія въ составъ ея являются въ одной формѣ—гимна, который, въ большинствѣ изъ нихъ,

¹⁾ Contra Cels., Lib. VI, p. 31.

²⁾ Легко замѣтить, что приведенная строфа по слою внутреннему строенію весьма близко подходитъ къ строфамъ «Пѣсни Дѣвъ». Сходство это, при близости одной пѣсни къ другой по времени появленія, конечно, нельзя считать случайнымъ. Естественнѣе предположить, что форма построенія той и другой пѣсни была уже готовою, упорѣбительною въ религіозной поэзіи первыхъ вѣковъ христіанства, а отсюда въ богослужебной поэзіи греческой церкви.

³⁾ P. 182.

⁴⁾ Strom. II, III. De Carn Chr. 17. 20.

⁵⁾ Münster, Die älteste Chr. poes.

⁶⁾ Sosom. III, c. XVI.

для сближенія съ христіанскими богослужебными пѣснями, называется псалмомъ. И съ этой стороны гностическая гимнологія, какъ увидимъ ниже, близко соприкасается съ православно-христіанскою. Само собою понятно, что сходство ихъ относится только къ общей формѣ.

Собранныя въ этомъ обзорѣ состоянія богослужебной поэзи въ первые три вѣка данныя позволяютъ заключать о сравнительно значительномъ развитіи ея. Это, конечно, слишкомъ общій взглядъ, который требуетъ болѣе или менѣе подробнаго раскрытія. Чтобы не растеряться въ частности, которыя, при томъ, оказываются мѣстами не совсѣмъ точными и, пожалуй, сбивчивыми, постараемся обобщить ихъ и какъ бы въ выводѣ представить общую характеристику основнаго типа греческаго пѣснопѣнія перваго періода его развитія.

Самая главная черта, составляющая отличительную особенность первой ступени развитія греческой церковной гимнографіи, прежде всего останавливающая на себѣ вниманіе изслѣдователя та, что всѣ почти произведенія ея, какъ по содержанію, такъ и по характеру своему, суть хвалебныя пѣсни, преимущественно — славословія. Съ этою особенностью содержанія въ нихъ соединяются, хотя не во всѣхъ, столь близкіе между собою элементы, какъ благодареніе и прошеніе — въ благодарственныхъ и молитвенно-просительныхъ обращеніяхъ. Все это содержаніе воспроизводится въ употребительнѣйшей богослужебно-поэтической формѣ первыхъ вѣковъ — гимна, псалма.

Главнымъ и общимъ предметомъ прославленія въ гимнахъ этого періода является Богъ во святой Троицѣ. Но всего болѣе вдохновеніе церковныхъ поэтовъ возбуждалось созерцаніемъ божественнаго Искупителя, представленіемъ Его великаго, необъятнаго дѣла спасенія рода человѣческаго. Пѣсни, являвшіяся плодомъ этого вдохновенія, — суть изліянія глубокаго благоговѣнія, соединеннаго съ благодарностью къ Воплотившемуся Богу — Искупителю. Еще св. ап. Павелъ заповѣдалъ, чтобы всѣ пѣснопѣнія христіанъ проникнуты были мыслию о Христвѣ. Св. Игнатій Богоносецъ увѣщаетъ воспѣвать Отца въ Сынѣ. Плиній младшій свидѣтельствуетъ, что христіане «поютъ пѣснь Христу, какъ Богу». Особенно Кай своимъ указаніемъ на пѣсни θεολογούμετες даетъ понятъ, какъ

часто Иисусъ Христосъ былъ предметомъ благоговѣйнаго прославленія въ пѣсняхъ церковныхъ. Значеніе этихъ хвалебныхъ пѣсней въ первые вѣка, именно около III в., возрасло до того, что онѣ стали служить родомъ символическаго выраженія живой вѣры въ божественное достоинство Искупителя для людей, посвященныхъ въ тайны христіанства. И нужно ли, при этомъ, доказывать, какъ естественно было религіозно-поэтическому творчеству сосредоточиваться въ то время на этомъ предметѣ—подъ вліяніемъ постоянно живыхъ впечатлѣній пріятія новой вѣры—религіи, Основатель которой—Иисусъ Христосъ—съ одной стороны, съ другой—въ виду мучительной борьбы за Христа съ язычествомъ, а также борьбы съ ересями. Въ этихъ обстоятельствахъ и нужно, кажется, искать причины, почему форма гимна—псалма, унаслѣдованная отъ ветхозавѣтной церкви, какъ самая общая является господствующею, даже болѣе—почти исключительною въ первые три вѣка, между тѣмъ, какъ другія частныя формы, съ выраженіемъ частныхъ сторонъ христіанства—какъ онѣ (формы) сложились въ позднѣйшее время—являются теперь только въ самомъ зачаточномъ видѣ, на что мы находимъ, впрочемъ, слишкомъ отдаленные и темные намеки. Въ особенности—эта наиболѣе доступная и выработанная форма (гимна) могла быть удобною и пригодною для выраженія, такъ сказать, символическаго содержанія, для того, чтобы твердо запечатлѣть основныя истины вѣры Христовой и имѣть въ произведеніяхъ этой формы оплотъ при противодѣйствіи неправославному ученію. Это символическо-полемическое значеніе гимновъ, такъ называемыхъ *θεολογούμετα*, опредѣленно выразилось въ извѣстномъ дѣлѣ Павла Самосатскаго. Впрочемъ, полемическое направленіе богослужебной поэзи въ первые три вѣка еще не получило развитія, было слишкомъ частнымъ, случайнымъ, притомъ болѣе пассивнымъ, чѣмъ активнымъ. Открытое противодѣйствіе неправославному ученію въ богослужебныхъ пѣсняхъ, прямое полемико-дидактическое направленіе богослужебной поэзи является во всей силѣ уже въ IV знаменитомъ вѣкѣ христіанства.

Александръ Снегиревъ.

(Продолженіе будетъ).

ЦИНИКИ

(психологическій, моральный и социальный этюд) ¹⁾.

Въ Афинахъ, роскошно обстроенныхъ Перикломъ, съ ихъ храмами, портиками, статуями, палестрами, театромъ и т. д., среди веселой жизни Афинянъ, описанной Аристофаномъ, Ксенофонтомъ, Платономъ и друг., когда устраивались у богатыхъ гражданъ обѣды и пиры, на которые собирались поэты, ораторы, ученые и философы (смотри Симпосіонъ Платона), на площадяхъ города стали являться личности, наружный видъ и жизнь которыхъ не гармонировали съ общою картиною города и его жизнью и которые невольно обращали на себя вниманіе окружающихъ. Дырявый плащъ, вдвое сложенный, одинъ прикрывалъ ихъ тѣло; котомка—на спинѣ и палка—въ рукахъ. Они не имѣли постояннаго пріюта; жизнь ихъ проходила на улицѣ; спали они, гдѣ попало, по преимуществу въ портикахъ; ѣли они тоже на улицѣ и питались самою скудною пищею; пили одну воду, которую нерѣдко набирали руками. Такъ по крайней мѣрѣ описываетъ намъ наружный видъ и жизнь этихъ людей Діогенъ Лаэртій (Diog. Laërt. Lib. VI). Это не были нищіе; они не протягивали руки за подаваніемъ и не просили милостыни. Окружающая толпа смотрѣла на нихъ, какъ на чудаковъ и людей странныхъ; уличные мальчишки позволяли иногда смѣяться надъ ними. Не такъ смотрѣли на нихъ люди образованные; они не счи-

¹⁾ Составленъ по Діогену Лаэртію.

тали ихъ чудаками; напротивъ, признавали въ нихъ умъ и образованіе; перѣдко удивлялись ихъ силѣ воли; не чуждались принимать ихъ въ своею обществѣ; только боялись иногда ихъ злой насмѣшки. То были такъ называемые *циники*.

Названіе *циника* передалось всѣмъ образованнымъ народамъ ново-Европейскаго міра и сдѣлалось нарицательнымъ, прилагаемымъ обыкновенно къ человѣку, ведущему грязный образъ жизни и усвоившему, что перѣдко бываетъ, соответственный тому способъ рѣчи. Единичныя явленія такого рода, встрѣчающіяся въ жизни, мало кого обращаютъ вниманіе и интересуютъ. Но древніе циники составляли секту, которую чаще называютъ *философскою циническою школою*. Появленіе этой секты въ Греціи и въ частности—въ Аѣнахъ тѣсно связано съ морально-соціальнымъ состояніемъ греческаго общества того времени, а также съ прогрессомъ философіи. Выработавши себѣ извѣстное опредѣленное философское міровоззрѣніе, особенно въ области нравственной и практической философіи, представители секты болѣе, чѣмъ кто-либо, точно осуществляли его въ своей жизни и дѣятельности; при этомъ они не чужды были претензіи дѣломъ и словомъ повліять на измѣненіе морально-соціального состоянія тогдашняго общества. Ихъ ученіе было прямо направлено, какъ это мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, противъ морально-соціального положенія общества, среди котораго они жили. Несомнѣнно, что изученіе школы древнихъ циниковъ съ этой стороны представляетъ немалый интересъ. Интересно оно и съ той стороны, что при ближайшемъ знакомствѣ съ ученіемъ и жизнію древнихъ циниковъ можно видѣть, что и въ жизни народовъ ново-Европейскаго міра были и доселѣ встрѣчаются явленія, близко напоминающія древнихъ циниковъ съ ихъ ученіемъ и жизнію.

Въ предъидущемъ очеркѣ подъ заглавіемъ: «Греческіе трагики и софисты» представлено нами литературно-философское движеніе въ Аѣнахъ послѣ Персидскихъ войнъ. Это движеніе вращалось главнымъ образомъ въ области мораль-

но-соціальныхъ идей и въ лицѣ *софистовъ* приняло отрицательное направленіе по отношенію къ принятой въ обществѣ морали и существовавшимъ въ немъ соціальнымъ и политическимъ институтамъ. Какъ основаніе отрицанія, софистами выдвинуто было противопоставленіе *природы* и *закона* (*οὐκ ὄμνη, ἀλλὰ νόμος*); высказывалось требованіе *жизни по природѣ*. Это требованіе нѣкоторыми истолковано было въ томъ смыслѣ, чтобы жить внѣ всякихъ законовъ, ограничивающихъ свободу человѣка: истинно счастливая жизнь есть жизнь тирана, наслаждающагося всѣми удовольствіями и благами жизни и неподчиняющагося никакимъ законамъ—ни юридическимъ, ни нравственнымъ, принятымъ въ обществѣ.

Какъ видно изъ этого же очерка, на борьбу съ этими антиморальными и антисоціальными идеями и тенденціями выступилъ Сократъ. Мы не станемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе всего ученія Сократа о нравственности, а ограничимся лишь тѣмъ, что существенно необходимо для настоящаго нашего очерка. Въ противоположность софистамъ Сократъ называлъ жизнь тирана *рабствомъ*: тиранъ есть рабъ своихъ страстей. И это рабство, по словамъ Сократа, есть худшее, какое только ему извѣстно. Умѣстно привести здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ «*Memorabilia*» Ксенофонта, гдѣ Сократъ трактуетъ объ *умѣренности* и *неумѣренности*. «Скажи мнѣ, говоритъ Сократъ Эвтидему, не считаешь ли ты прекраснымъ и важнымъ пріобрѣтеніемъ какъ для человѣка, такъ и для государства *свободу*?—Величайшимъ пріобрѣтеніемъ, отвѣчалъ Эвтидемъ.—Считаешь ли ты свободнымъ того, которымъ управляютъ чувственныя удовольствія и который чрезъ нихъ не можетъ въ жизни дѣлать того, что есть прекраснѣйшее?—Всего менѣе, отвѣчалъ Эвтидемъ (*Memorab. Lib. IV cap. V*). «Какими считаешь ты тѣхъ начальниковъ, которые препятствуютъ добру и принуждаютъ ко злу?—Весьма дурными.—Какое рабство считаешь ты самымъ худшимъ?—То, которое бываетъ у самыхъ дурныхъ правителей.—Слѣдовательно, *неумѣренные находятся въ рабствѣ, худшемъ изъ всѣхъ*?—Мнѣ такъ кажется, отвѣтилъ Эвтидемъ (*ibid.*). «Думалъ ли ты, Эвтидемъ, вотъ о чемъ?—О чемъ? — О томъ, что неумѣрен-

ность, которая, повидимому, одна даетъ намъ возможность достигнуть удовольствія, въ дѣйствительности безсильна это сдѣлать; между тѣмъ, какъ умѣренность болѣе, чѣмъ все остальное, доставляетъ намъ наслажденіе (*ἡδουσαι ποιῆτ*)?—Какимъ образомъ?—Такимъ образомъ, что неумѣренность, недопуская насъ до того, чтобы продолжался голодъ, жажда.... бодрствованіе, которыя одни дѣлаютъ намъ пріятными ѣду, питье... покой и сонъ, когда терпѣливо ожидается моментъ, въ который все это бываетъ наиболѣе пріятно, — неумѣренность препятствуетъ намъ испытывать истинное наслажденіе при удовлетвореніи этихъ необходимыхъ повседневныхъ потребностей; напротивъ, умѣренность, которая одна дѣлаетъ насъ выносливыми въ лишеніяхъ, способствуетъ еще тому, чтобы мы испытывали удовольствіе при воспоминаніи прежнихъ удовольствій, относящихся къ тому, о чемъ сейчасъ сказано (*ibid.*). «Чѣмъ отличается отъ неразумнаго животнаго чело-вѣкъ неумѣренный, который не заботится о пріобрѣтеніи блага высшаго, а ищетъ однихъ удовольствій, помогаясь ихъ всѣми средствами?». «Одни умѣренныя могутъ понимать лучшее въ вещахъ; одни они имѣютъ свободу избирать истинное добро и воздерживаться отъ зла, діалектически различая виды благъ и въ теоріи и на практикѣ (*ἔργω καὶ λόγῳ ibid.*)». «Умѣренность, говоритъ Сократъ въ другомъ мѣстѣ, есть основаніе добродѣтели (*τὴν ἐγκράτειαν ἀρετῆς εἶναι χρηπίδα. Μενογαβ. Lib. 1 cap. V*)». Въ бесѣдѣ съ Антифономъ Сократъ говоритъ: «ты, кажется, считаешь благомъ удовольствія и роскошь; а я думаю, что божество по своей природѣ ни въ чемъ не нуждается и что тотъ, кто имѣетъ меньше потребностей, приближается къ божественной природѣ; такъ какъ природа божественная совершенна, то приближающійся къ божественной природѣ приближается къ совершенству» (*Μενογαβ. Lib. 1 cap. VI*).

По свидѣтельству Ксенофонта и Платона, Сократъ въ своей жизни былъ образцомъ умѣренности. Онъ велъ самую простую жизнь и довольствовался самою скромною, даже грубою пищею. (*Μενογαβ. Lib. I cap. VI*). Онъ былъ въ высшей степени выносливъ по отношенію къ голоду и холоду. И лѣтомъ

и зимою ходилъ босыми ногами и носилъ одну и ту же одежду (Смотр. *Memorab. Lib. I. cap. III и IV*, а также: *Platonis Symposion*).

По видимому, здѣсь,—въ ученіи и жизни Сократа нужно искать начало и основаніе того явленія, на которое указано нами въ началѣ, т. е. появленія школы циниковъ. Дѣйствительно, Аристофанъ въ своей комедіи: «Облака» представилъ Сократа настоящимъ циникомъ. Но кромѣ Аристофана никто не называлъ и не считалъ Сократа циникомъ. Всѣ признають основателемъ цинической школы нѣкоего *Антисеена*. Овъ, дѣйствительно, былъ ученикомъ Сократа; но онъ не сдѣлался истиннымъ сократикомъ. Вліянія Сократа на Антисеена, конечно, отвергать нельзя и найдется общее въ жизни и ученіи Сократа и Антисеена; но Антисеенъ испыталъ другія вліянія, которыя увлекли его въ другую сторону отъ Сократа. Но мы лучше поймемъ разницу между Сократомъ и Антисееномъ и ученіемъ того и другаго, когда ближе познакомимся съ личностію Антисеена и его ученіемъ.

Антисеенъ—основатель школы циниковъ. Прежде, чѣмъ сдѣлался ученикомъ Сократа, Антисеенъ учился у софиста Горгія. Этого нельзя упускать изъ виду при оцѣнкѣ ученія Антисеена. По видимому, его ожидала карьера блестящаго софиста и оратора. Къ сожалѣнію, сочиненія Антисеена, которыхъ Діогенъ Лаэртій насчитываетъ до десяти томовъ (томо: δέκα. *Diog. Laert. Lib. VI. cap. I, 15*), съ разнообразнымъ содержаніемъ, какъ видно изъ заглавій ихъ, не дошли до насъ. Діогенъ Лаэртій, на основаніи знакомства съ сочиненіями Антисеена, замѣчаетъ, что риторскій способъ изложенія отпечатлѣлся даже въ діалогахъ Антисеена (*Ibid. 1*). Тотъ же Діогенъ Лаэртій приводитъ свидѣтельства другихъ писателей, изъ которыхъ видно, что Антисеенъ обладалъ искусствомъ краснорѣчія, отличался въ высшей степени остроуміемъ и убѣдительностію въ рѣчахъ, такъ что легко могъ увлечь всякаго, кого хотѣлъ (*Ibid. 14*). Послѣ уроковъ Горгія онъ самъ открылъ школу и собралъ около себя учениковъ, которые, вѣроятно, платили ему, какъ софисту, деньги за уроки. Такимъ образомъ, преподавая искусство краснорѣчія, на которое тогда былъ боль-

шой спросъ, онъ могъ обогатиться подобно другимъ выдающимся софистамъ. Но съ нимъ произошла неожиданная перемѣна, когда онъ встрѣтился съ Сократомъ и сталъ слушать его: онъ закрылъ свою школу, сдѣлался ученикомъ Сократа и даже своихъ учениковъ убѣждалъ послѣдовать его примѣру. Съ неизмѣнною точностію онъ каждодневно отправлялся изъ Пирея въ городъ, чтобы слушать Сократа. Такъ продолжалось до самой смерти послѣдняго, такъ что передъ смертію Сократа мы видимъ Антисеена въ темницѣ среди другихъ преданныхъ учениковъ Сократа (Plat. Phaedon). Если вѣрить Діогену Лаэрцію, то Антисеенъ въ послѣдствіи мстилъ обвинителямъ Сократа за смерть своего учителя. «Кажется, говоритъ Діогенъ Лаэрцій, Антисеенъ былъ причиною изгнанія Апита и смерти Мелита» (D. L. Lib. VI cap. 1. 9).

Какъ основатель школы циниковъ, Антисеенъ первый сталъ вести жизнь циника, какъ она описана нами выше; онъ первый сталъ носить дырявый вдвое сложенный плащъ, котомку на спинѣ и палку въ рукахъ. По видимому, еще при жизни Сократа онъ обнаруживалъ склонность къ этой жизни; по крайней мѣрѣ, на его дырявый плащъ указывалъ самъ Сократъ. Можетъ показаться страннымъ то, что Сократъ, который проповѣдывалъ ученіе объ *умѣренности*, какъ основаніи добродѣтели, и самъ велъ суровую жизнь, былъ не всегда, по видимому, доволенъ своимъ ученикомъ, выражавшимъ стремленіе осуществить въ жизни указанное ученіе. Но Сократъ понималъ, откуда вытекаетъ у Антисеена это стремленіе. По разсказу Діогена Лаэрція, однажды, когда Антисеенъ выставилъ на видъ разорванную часть своего плаща, Сократъ, увидѣвши это, сказалъ: Я вижу твое *тщеславіе* (*φιλοδοξίαν*) сквозь твой плащъ» (D. L. Lib. VI, cap. 1, 8). Въ послѣдствіи выяснилось, что Антисеенъ неточно попялъ ученіе Сократа объ умѣренности. Сократъ, проповѣдуя ученіе объ умѣренности, въ то же время не уклонялся абсолютно отъ удовольствій. Участвуя на пирахъ среди тогдашней интеллигентной богатой молодежи, онъ пилъ вина иногда не меньше, если не больше, другихъ, хотя пьянымъ никто никогда не видѣлъ его (Plat. Sympos.). Между тѣмъ Антисеенъ высказывался рѣши-

тельно противъ всякаго удовольствія. «Я скорѣе съ ума сойду, говорилъ онъ, чѣмъ испытаю удовольствіе (*Μαλύτερον μᾶλλον ἢ ἡσθεῖν*. Diog. L. Lib. VI cap. 1, 3). Уже въ этомъ видна разница во взглядахъ Сократа и Антисеена на умѣренность. Сократъ, у котораго слово не расходилось съ дѣломъ, понималъ умѣренность не въ смыслѣ абсолютнаго воздержанія отъ чувственныхъ удовольствій, какъ дѣлалъ и училъ Антисеенъ. Вообще крайній аскетизмъ—не въ духѣ нравственной философіи Сократа, по которой цѣль человѣческой жизни есть достиженіе *высшаго блага*, неисключающаго благъ жизни вообще. Если бы Сократъ проповѣдывалъ въ своемъ нравственномъ ученіи абсолютный аскетизмъ, то Аристиппъ, другой ученикъ Сократа, не вывелъ бы изъ его ученія о высшемъ благѣ того заключенія, что высшее благо состоитъ въ удовольствіи, сведи послѣднее на чувственныя удовольствія. Обратимся снова къ тому изъ вышеприведенныхъ нами мѣстъ «*Memorabilia*» Ксенофонта, гдѣ говорится, что «умѣренные одни могутъ понимать лучшее въ вещахъ; одни они имѣютъ свободу избирать истинное добро и воздерживаться отъ зла, діалектически различая виды благъ въ теоріи и на практикѣ». Основная мысль здѣсь та, что *умѣренные пользуются свободой выбора среди различныхъ видовъ благъ*. Такая свобода выбора возможна при двухъ условіяхъ: съ одной стороны, необходимо знаніе различныхъ видовъ благъ и ихъ сравнительнаго достоинства, что отнюдь не исключаетъ опытъ, непосредственное знаніе въ жизни, на практикѣ (ἔργον); съ другой стороны—полная независимость отъ всѣхъ этихъ благъ, дабы возможенъ былъ свободный выборъ. Неумѣренный уже потому не можетъ сдѣлать выбора, что онъ исключительно преданъ чувственнымъ удовольствіямъ, находится въ полной зависимости отъ нихъ и не стремится къ иному рода благамъ; онъ можетъ даже не признавать ихъ и не знать. Равнымъ образомъ и тотъ, который рѣшительно убѣгаетъ отъ всѣхъ удовольствій и радостей жизни, впадаетъ въ непопозволительную крайность. Абсолютное воздержаніе отъ удовольствій и благъ жизни, какъ обыкновенно мы понимаемъ ихъ, можетъ быть истолковано въ смыслѣ боязни, чтобы не попасть въ зависимость отъ нихъ и не сдѣ-

латься ихъ работъ. Такова именно была мысль Антисеена, устранившаго отъ себя все, что связывало бы его съ окружающею жизнью. Аристиппъ лучше, чѣмъ Антисеенъ, понялъ ученіе Сократа, когда ставилъ для себя принципомъ: «не быть работъ удовольствій, но господствовать надъ ними» (τὸ κρατεῖν καὶ μὴ ἡττάσθαι ἡδονῶν), хотя въ жизни, повидимому, онъ не могъ выполнить его. При той постановкѣ дѣла, какую мы видимъ у Антисеена, трудно сдѣлать въ жизни разграниченіе между тѣмъ, отъ чего слѣдуетъ воздерживаться, и тѣмъ, отъ чего не слѣдуетъ воздерживаться. Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, какъ далеко простиралось у циниковъ воздержаніе и какое извращенное направленіе получила у нихъ человѣческая нравственность. Она была сведена къ самому крайнему эгоизму. Не таково было высокое нравственное ученіе Сократа, запечатлѣнное имъ своею смертію. Но нельзя установить надлежащаго взгляда на Антисеена, его жизнь и ученіе, не познакомившись предварительно съ его происхожденіемъ и положеніемъ въ обществѣ.

Хотя Антисеенъ родился въ Аеинахъ и отъ отца аеинянина, но мать его была еракіянка. Вслѣдствіе того, что мать его была иностранка, онъ не могъ пользоваться правами Аеинскаго гражданина и занимать общественныхъ должностей. Это, независимое отъ него, обстоятельство глубоко, повидимому, оскорбляло его самолюбіе, — тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ, насколько онъ по своимъ способностямъ и дарованіямъ стоялъ выше многихъ природныхъ аеинянъ, занимавшихъ видное мѣсто въ обществѣ и государствѣ. Мы видѣли, какимъ блестящимъ краснорѣчіемъ отличался Антисеенъ. Не менѣе того, онъ былъ славнымъ воинномъ. Діогенъ Лаэртій перадаеть, что Антисеенъ участвовалъ въ битвѣ при Танагрѣ и обнаружилъ замѣчательную храбрость, которая дала поводъ Сократу высказать: «и отъ обоихъ аеинянъ не рождалось столь храбраго воина» (D. L. Lib. VI cap. I. 1.). Какъ обыкновенно бываетъ въ жизни, Антисеену ставили иногда какъ бы въ упрекъ и порицаніе его происхожденіе и ему приходилось какъ бы оправдываться въ томъ, въ чемъ онъ не былъ виноватъ. Въ одномъ случаѣ на замѣчаніе такого рода, — что онъ происхо-

дить отъ Фракіянки, онъ говоритъ: «я мать боговъ есть Фригія» (ibid. 1). И въ другомъ случаѣ, на слова, обращенныя къ нему въ видѣ порицанія, что онъ происходитъ не отъ обоихъ свободныхъ родителей, онъ говоритъ: «хотя я родился не отъ обоихъ борцевъ, тѣмъ не менѣе я—борецъ» (ibid. 4). Какъ бы то ни было, все это, конечно, озлобляло Антисѣена съ его самолюбивымъ и тщеславнымъ характеромъ и вооружало его противъ природныхъ аѳинявъ. Здѣсь мы вмѣемъ дѣло съ социальнымъ явленіемъ. Антисѣенъ, можно сказать, принялъ боевое положеніе по отношенію къ Аѳинскому обществу и, дѣйствительно, сдѣлался «борцемъ». Это выразилось прежде всего въ его злыхъ насмѣшкахъ надъ аѳинянами. Обладая остроуміемъ, онъ доводилъ его до злого и грубаго сарказма. Объ аѳинянахъ, величавшихся своимъ происхожденіемъ, онъ съ презрѣніемъ говорилъ: «они по своему происхожденію ни чѣмъ не славнѣе саранчи и улитокъ» (ibid. 1). Когда ему кто-то сказывалъ: тебя многіе хвалятъ, то онъ отвѣтилъ: «что сдѣлалъ я дурнаго?» (ibid. 8), выражая тѣмъ презрѣніе къ восхвалявшимъ его. За его злыя насмѣшки называли его *собакою* (κύων); да и самъ онъ называлъ себя этимъ именемъ. И Діогенъ Лаэртій въ своей эпиграммѣ говоритъ: «въ жизни ты, Антисѣенъ, былъ настоящею собакою; ты кушалъ, только—не зубами, а словами» (ibid. 19).

Такимъ образомъ, по отношенію къ Антисѣену нельзя сказать, чтобы одно ученіе Сократа объ *умѣренности*, односторонне понятое, было причиною того, что онъ избралъ для себя аскетическій образъ жизни. Оно и понято было Антисѣеномъ односторонне потому, что другія причины предрасполагали его къ этой жизни. Прежде всего въ немъ могла сказаться суровая натура матери—сѣверянки, когда тому способствовали обстоятельства. Такія обстоятельства были. Когда началось его серьезное философское образованіе, среди цивилизованнаго и изнѣженнаго роскошью тогдашняго Аѳинскаго общества стали раздаваться голоса, призывающіе къ *жизни по природѣ* (κατὰ φύσιν τὸ εἶναι). Неясное само по себѣ ученіе о жизни по природѣ дѣлается для Антисѣена яснымъ при соприкосновеніи его съ Сократомъ, когда онъ познако-

мился съ жизнію и ученіемъ этого великаго мудреца древности. Онъ сознательно понялъ, чего требуетъ и куда влечетъ его сильная и вмѣстѣ суровая натура его; она тянула его къ труду и лишеніямъ. По словамъ Діогена Лаэртія, отъ Сократа Антисеенъ и выносливости научился, и спокойствію его души соревновалъ и примѣрами Геркулеса и Кира доказывалъ, что *трудъ составляетъ благо* (ὅτι ὁ πόνος ἀγαθόν. *ibid.* 2.). Можно сказать, что непомерное самолюбіе и тщеславіе, указанное въ Антисеенѣ дальновиднымъ мудрецомъ — Сократомъ, поддерживали его на избранномъ имъ пути. Своимъ аскетизмомъ въ жизни, доведеннымъ до того, что онъ отказывалъ себѣ не только въ удобствахъ, но нерѣдко въ необходимомъ, онъ поражалъ воображеніе привыкшихъ къ роскоши аѳинянъ, обращалъ на себя ихъ вниманіе и заставлялъ удивляться себѣ. Живя такимъ образомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ полную независимость отъ кого бы то ни было; онъ достигъ такой независимости въ обществѣ, какаю только возможна для человѣка. Въ силу этой независимости онъ свободно могъ высказывать тѣ сарказмы противъ цѣлаго общества и частныхъ лицъ, на которые указано нами.

По смерти Сократа Антисеенъ является уже самостоятельнымъ философомъ. Выработавши себѣ опредѣленное философское міровоззрѣніе, онъ, по свидѣтельству Діогена Лаэртія, сталъ преподавать философію въ *Киносаргѣ* около храма Геркулеса недалеко отъ городскихъ воротъ. Онъ своей философіи приписываетъ то, что могъ создать для себя *самодовольную жизнь* (ἐκ φιλοσοφίας... τὸ δύνασθαι εἰσαυτῷ ὀμλεῖν. *ibid.* 6). Тѣмъ не менѣе количество учениковъ его было незначительно; да и тѣ, какъ видно, скоро разбѣжались и его оставили, потому что кромѣ непривлекательности его ученія онъ обращался съ своими учениками сурово (*ibid.* 4). Онъ остался одинъ въ гордомъ сознаніи, что *мудрецы все въ себѣ имѣютъ* (αὐτάρχη τὲ εἶναι τὸν σοφόν. *ibid.* 11.). Только по временамъ отвѣчаетъ онъ на обращенные къ нему отъ кого-либо вопросы съ обычнымъ остроуміемъ и сарказмомъ, или самъ дѣлаетъ замѣчанія по поводу встрѣтившихся ему случаевъ людской глупости и допускаемыхъ людьми несообразностей. При-

ведемъ нѣсколько примѣровъ. Однажды онъ совѣтовалъ афинянамъ сдѣлать постановленіе считать оловъ за лошадей. Когда они сказали ему на это, что онъ сошелъ съ ума, то онъ въ свою очередь сказалъ имъ: «у васъ бывають же военачальники, которые ничему не учились и сдѣлались такими только по выбору» (ibid. 8). Разъ будучи посвященъ въ богослуженіе орфическое на слова жреца, что посвященные будутъ пользоваться многими благами въ аду, Антисеенъ сказалъ: «почему же ты не умрешь?» (ibid. 4). На вопросъ: почему онъ слишкомъ строго обращается съ ученьками, онъ отвѣчалъ: «я врачи такъ поступаютъ съ больными» (ibid.) и т. д.

Къ сожалѣнію, мы лишены возможности воспроизвести философское ученіе Антисеена по непосредственнымъ источникамъ, такъ какъ его сочиненія не дошли до насъ. Діогенъ Лаэртій, къ которому намъ приходится постоянно обращаться, слишкомъ мало свѣдѣній сообщаетъ намъ о философіи основателя цинической школы. Нѣсколько отрывочныхъ, кратко выраженныхъ и безсвязно изложенныхъ изрѣченій и положеній Антисеена—вотъ почти все, на основаніи чего мы принуждены составлять себѣ понятіе о философіи Антисеена.

Діогенъ Лаэртій замѣчаетъ, что циникамъ вообще нравилось отвергать *умозрительную* (λογικόν) и *физическую* философію или философію о природѣ и исключительно заниматься *нравственною* философіею (Diog. L. Lib. VI. cap. IX 103). Начало такому направленію философіи циниковъ положилъ Антисеенъ. Въ этомъ можно видѣть вліяніе на Антисеена учителя его—Сократа, который, по свидѣтельству Ксенофонта, отказался разсуждать о природѣ вещей и обратился къ разсужденіямъ о добродѣтели; но скептицизмъ по отношенію къ умозрительной философіи заимствовалъ Антисеенъ, вѣроятно, отъ софиста Горгія. Въ противоположность Сократу Антисеенъ отпосится враждебно ко всякаго рода умозрѣніямъ. На основаніи нѣкоторыхъ указаній Аристотеля и Діогена Лаэртія можно видѣть, что Антисеенъ не признавалъ *общихъ понятій*, отвергалъ *опредѣленіе* и отрицалъ возможность *противорѣчія*; все это было не въ духѣ философіи Сократа. Нѣ-

которые называютъ Антистеена *номимаметомъ* (Смотр. G. Grote-Plato and the other companios of Sokrates vol. 519 стр. и слѣд.).

Будучи скептикомъ по отношенію къ умозрительной философіи и философіи о природѣ, Антистеенъ безусловно признавалъ достовѣрность *нравственной* философіи, если можно такъ выразиться. «Добродѣтели свойственны дѣла, говоритъ Антистеенъ; она не цуждается ни въ многоглаголаніи, ни въ наукахъ» (Diog. L. Lib. VI. cap. 1. 11). Правда, онъ говорилъ, что добродѣтель приобрѣтается знаніемъ (*τὴν ἀρετὴν διδαχτὴν εἶναι*. *ibid.* Lib. VI cap. I. 10 я cap. IX. 105) и это положеніе, по видимому, вторитъ ученію Сократа, который также говорилъ, что «добродѣтель есть знаніе». Но чтобы не впасть въ ошибку при истолкованіи ученія Антистеена, не нужно упускать изъ виду біографическія данныя, относящіяся къ жизни Антистеена, не нужно забывать, что онъ первоначально учился у софиста Горгія и въ жизни отрицательно относился къ усвоеннымъ въ обществѣ нравственнымъ правиламъ. Дѣйствительно, онъ, какъ ученикъ софиста, *противопоставлялъ добродѣтели законамъ республики*. Онъ говорилъ: «мудрый живетъ не по установленнымъ законамъ, а по закону добродѣтели (*τὸν σοφὸν οὐ κατὰ τοὺς κειμένους νόμους πολιτεύεσθαι, ἀλλὰ κατὰ τὸν τῆς ἀρετῆς*. Diog. L. Lib. VI cap. I. 11). Такого противопоставленія добродѣтели установленнымъ законамъ не дѣлалъ Сократъ; напротивъ, послѣдній училъ о соблюденіи *писанныхъ* законовъ, сопоставляя ихъ съ *неписанными* (*ἄγραφοι νόμοι*), исполнять которые всякій считаетъ своею обязанностію. Антистеенъ создаетъ себѣ идеаль «мудреца, который не нуждается ни въ какихъ предписаніяхъ и писанныхъ законахъ, чтобы знать, какъ вести жизнь; онъ живетъ *по добродѣтели*, которая ни въ чемъ не нуждается, кромѣ Сократовой силы», говоритъ Антистеенъ (*μηδενὸς προσδεόμετῃν, ὅτι μὴ Σωκρατικῆς ἰσχύος*. *ibid.*).

По недостатку свѣдѣній о дальнѣйшемъ развитіи нравственной философіи Антистеена мы прннуждены пока удовлетвориться изложеннымъ здѣсь. Эта философія въ ея направленіи выяснится намъ лучше изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Діо-

геномъ Лаэртиемъ о знаменитомъ ученикѣ Антисеена — Діогенѣ Синопскомъ, его жизни и ученіи. На послѣднемъ онъ останавливается больше, чѣмъ на Антисеенѣ, и даетъ намъ больше матеріала для выясненія философіи циниковъ. Перейдемъ къ Діогену Синопскому.

Діогенъ Синопскій. О ранней жизни Діогена Синопскаго, пока онъ не сдѣлался ученикомъ Антисеена и циникомъ, намъ извѣстно только слѣдующее. Онъ былъ сыномъ Синопскаго мѣнялы. Послѣдній, какъ передаютъ, занимался вмѣстѣ съ тѣмъ и поддѣлкою монеты. Эвбулидъ говоритъ, что поддѣлкою монеты занимался вмѣстѣ съ отцемъ и Діогенъ, и что оба они изгнаны были за это изъ отечества. Нѣкоторые утверждаютъ, что Діогенъ первоначально отправился въ Дельфы, а потомъ въ Аѣицы. Здѣсь онъ встрѣтился съ Антисееномъ и рѣшился сдѣлаться его ученикомъ. Но Антисеенъ въ это время не принималъ уже учениковъ; поэтому, сталъ, какъ передаютъ, гнать Діогена отъ себя палкою. Діогенъ, наклонивши голову, сказалъ: «бей, ты не найдешь такой крѣпкой палки, которою ты могъ бы отогнать меня отъ себя, пока не скажешь мнѣ хоть что-нибудь». Антисеенъ уступилъ и Діогенъ, сдѣлавшись его ученикомъ, сталъ вести суровую жизнь циника по примѣру своего учителя.

Мы точно не знаемъ, насколько виновенъ былъ Діогенъ въ поддѣлкѣ монеты. Нѣкоторые говорятъ, что онъ ~~не~~ былъ изгнанъ изъ отечества, а добровольно оставилъ его изъ страха, чтобы не привлекли его къ отвѣтственности вмѣстѣ съ отцомъ за поддѣлку монеты. Тѣмъ не менѣе въ Аѣицахъ считали его изгнанникомъ изъ отечества за поддѣлку монеты и ему не разъ приходилось выслушивать порицаніе за это. Одному изъ порицателей онъ отвѣчаетъ: «несчастный, благодаря этому я сдѣлался философомъ» (D. L. Lib. VI cap. II, 49). Въ другой разъ онъ даетъ рѣзкій отвѣтъ по тому же поводу: «было время, когда я былъ такимъ, какъ ты; но каковъ я теперь, такимъ ты никогда не сдѣлаешься» (ibid., Lib. VI, cap. II, 56). Такимъ образомъ видно, что положеніе Діогена въ обществѣ было аналогично положенію Антисеена и какъ тамъ, такъ и здѣсь озлобленіе и протестъ противъ общества

являются естественнымъ слѣдствіемъ. Діогенъ Синопскій былъ, какъ можно видѣть изъ нѣкоторыхъ указаній Діогена Лаэртія, не менѣе, если еще не болѣе, Антисеена самолюбивъ, гордъ, тщеславенъ. На это указалъ ему однажды Платонъ. Діогенъ явился къ Платону, когда у него были друзья Діонисія, имъ приглашенные, и сталъ топтать ковры, приговаривая: «я попираю тщеславіе Платона». На это Платонъ отвѣчалъ: «*другимъ тщеславіемъ*» (Diog. L. lib. VI cap. II, 26). Известна сцена посѣщенія его Александромъ Великимъ, когда послѣдній, подойдя къ Діогену, сказалъ: «я—Александръ, великій царь» и получилъ на это отвѣтъ: «я—Діогенъ, собака», и далѣе—съ какимъ презрѣніемъ отнесся Діогенъ къ предложенію Александра просить у него, чего хочешь: «посторонись и не заслоняй мнѣ солнце» — былъ отвѣтъ Діогена. Когда Діогенъ, будучи схваченъ пиратами, продавался вмѣстѣ съ прочими, то на вопросъ: что онъ умѣетъ дѣлать?—отвѣчалъ: «повелѣвать людьми» (ibid. L. VI cap. II 74).

Діогенъ, кажется, еще дальше своего учителя—Антисеена шелъ въ аскетизмѣ: онъ пробовалъ даже питаться сырымъ мясомъ. Нѣкоторые утверждали, что онъ и умеръ отъ того, что съѣлъ сырую ногу быка. Послѣднее, вѣроятно, есть не что иное, какъ выдумка. Но несомнѣнно известно, что онъ жилъ въ бочкѣ и кромѣ плаща не имѣлъ ничего. Тѣмъ съ большимъ презрѣніемъ относился онъ къ грекамъ вообще и къ аѳинянамъ въ частности. Діогенъ Лаэртій занесъ на страницы біографіи Діогена цѣлый рядъ сарказмовъ его, направленныхъ противъ грековъ и въ частности—аѳинянъ. На вопросъ: гдѣ въ Греціи онъ видѣлъ храбрыхъ мужей? Діогенъ отвѣчалъ: «мужей нигдѣ не видѣлъ: въ Лакедемонѣ видѣлъ дѣтей» (ibid. L. VI cap. II 27). Другой разъ, когда онъ возвратился изъ Спарты въ Аѳины и его спросили: откуда и куда? Онъ отвѣчалъ: «отъ мужчинъ къ женщинамъ» (ibid. L. 59). Известно, какъ онъ днемъ явился на площади съ зажженнымъ огнемъ и спрашивающимъ отвѣчалъ: «человѣка ищущу». Въ другой разъ онъ сдѣлалъ болѣе рѣзкую и грубую выходку: онъ однажды крикнулъ «эй, люди»; когда на его крикъ многіе приблизились къ нему, то онъ, отгоняя ихъ

палкою, сказалъ: «я звалъ людей, а не изверженія (ibid. 32)». За это навывали его не иначе, какъ собакою. «Да, я—собака, говорилъ онъ,—изъ такихъ, которыхъ хвалятъ; только никто изъ хвалящихъ не осмѣливается выйти съ нею на охоту» (ibid. 33).

Изъ біографіи Діогена Синопскаго, написанной Діогеномъ Лаэртціемъ, не видно, чтобы онъ слушалъ кого либо изъ софистовъ; но, повидимому, онъ занимался діалектикою и краснорѣчіемъ. О силѣ и убѣдительности его бесѣды свидѣтельствуесть тотъ же Діогенъ Лаэртцій. Онъ рассказываетъ со словъ другихъ, что нѣкто *Онесимокритъ* Эгнинянинъ послалъ одного изъ двохъ сыновей своихъ въ Аѣины. Послушавши Діогена, онъ остался въ Аѣинахъ. Отецъ послалъ туда же втораго старшаго сына; но и съ нимъ произошло тоже. Наконецъ, самъ отецъ отправился въ Аѣины и самъ остался тамъ же съ дѣтьми, увлекшись философіею Діогена и его рѣчами (ibid. 75). Діогенъ Лаэртцій прибавляетъ, что его слушалъ и *Фокіонъ*, прозванный добрымъ, и даже *Стильпонъ* мегарскій, а также много другихъ государственныхъ мужей. Повидимому, въ число средствъ его самообразования входило чтеніе и изученіе поэтовъ и различныхъ писателей; по крайней мѣрѣ извѣстно, что онъ, обучая дѣтей коринѣянина *Ксениада*, который выкупилъ его и поручилъ ему воспитаніе своихъ дѣтей, требовалъ отъ нихъ того же изученія, заботясь о томъ, чтобы они, какъ можно, больше и легче запоминали. Нельзя отрицать того, что при изученіи поэтовъ, особенно комиковъ, и діалектики имѣлось въ виду развитіе *остроумія*, дабы тѣмъ сильнѣе вести борьбу съ обществомъ, его недостатками и пороками. Дѣйствительно, нельзя не удивляться тому, какъ остроумно и мѣтко направлялъ свои удары Діогенъ на недостатки и пороки Аѣянъ. Это можно видѣть уже въ тѣхъ изреченіяхъ Діогена, которыя приведены нами. Діогенъ Лаэртцій приводитъ массу другихъ его изреченій въ томъ же родѣ. Иногда Діогенъ позволяетъ себѣ игривый юморъ безъ желчи. Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ. Нѣкто на своемъ домѣ сдѣлалъ надпись: да не входитъ въ что дурное (*κακόν*). «Какимъ же образомъ войдетъ хозяинъ дома?» сказалъ Діо-

генъ (Ibid. 39). Другой тотчасъ послѣ своего брака сдѣлалъ на своемъ домѣ такую надпись: здѣсь живетъ Каллиникъ Геркулесъ, сынъ Юпитера; да не входитъ ничто дурное. Діогенъ же прибавилъ свою надпись: «послѣ битвы помощь» (Ibid. 50). Однажды, когда сынъ развратной женщины бросалъ камешки въ толпу, Діогенъ, обращаясь къ нему, сказалъ: «смотри, чтобы не попасть въ своего отца» (Ibid. 62). Особенно нападалъ Діогенъ, вслѣдъ за своимъ учителемъ Антисееномъ, на преступную страсть къ мальчишкамъ, такъ сильно распространенную въ то время въ Афинахъ; но изреченія его, сюда относящіяся, не удобно приводить здѣсь, равно какъ и изреченія Антисеена по тому же предмету, о которыхъ мы умолчали въ своемъ мѣстѣ.

Тя же ненависть къ *умозрительной философіи* и *философіи физической* или о природѣ, которую мы видѣли у Антисеена, развита была и у Діогена, если не въ большей степени. Школу Эвклида онъ называлъ *χολήν*, т. е. жолчь. Особенно Платонъ не рѣдко становился предметомъ насмѣшки Діогена. То онъ смѣется надъ путешествіями Платона въ Сиракузы къ Діонисію—тиранну, предпринимаемыми будто бы ради роскошныхъ обѣдовъ богатаго тиранна; то, какъ мы видѣли, топчетъ богатые ковры въ школѣ Платона. Особенно ученіе Платона объ идеяхъ подвергалось нападеніямъ Діогена. «Я вижу столъ и сосудъ для питья, говорилъ онъ; но идеи стола, идея сосуда я не вижу» (*τράπεζαν καὶ χύαδον ὄρω· τραπεζότητα καὶ χυαδότητα οὐδαμῶς*. Ibid. 53). Равнымъ образомъ, ученіе Платона объ *опредѣленіи* подверглось осмѣянію Діогена. Діогенъ Лаэртій передаетъ, что будто бы Платонъ опредѣлялъ человѣка такимъ образомъ: «человѣкъ есть животное двуногое безперое» и что будто бы Діогенъ, опципавши перья пѣтуха, бросилъ его въ школу Платона, говоря: «вотъ человѣкъ Платона» (Ibid. 40). Извѣстно, что философы Элеатской школы отвергали существованіе движенія въ мірѣ съ умозрительной точки зрѣнія. Когда нѣкто сказалъ Діогену, что не существуетъ движенія, то онъ всталъ и началъ ходить. Обращаясь однажды къ занимавшемуся наблюденіемъ и изученіемъ неба, Діогенъ сказалъ: «когда же, наконецъ, ты возвратишься съ

неба на землю» (Ibid. 39). Когда нѣкто показывалъ Діогену солнечныя часы, то онъ сказалъ: «по истинѣ хорошее изобрѣтеніе для того, чтобы не пропустить обѣда» (Diog. L. Lib. IV cap. IX 104).

Діогенъ высказывался противъ изученія *музыки, геометріи, астрологіи* и другихъ наукъ того же рода, считая ихъ бесполезными и не необходимыми для человѣка (Diog. L. lib. VI cap. II 73). Онъ, какъ говорить Діогенъ Лаэртій, удивлялся *музыкантамъ* въ томъ, что они, настраивая гармонично струны на лирѣ, въ то же время рѣшительно пренебрегаютъ заботою о благоустройствѣ своей души. Онъ удивлялся *грамматикамъ* въ томъ, что они, отыскивая недостатки въ Одиссеѣ, въ то же время не хотятъ знать собственныхъ недостатковъ. Онъ порицалъ *математиковъ* за то, что они, наблюдая солнце и луну, не хотятъ видѣть того, что находится у нихъ подъ ногами. Наконецъ, онъ порицалъ *ораторовъ*, за то, что они, научившись хорошо говорить рѣчи о справедливости, сами никогда не соблюдаютъ ее въ жизни (ibid. 27).

По Діогену, не умозрительная, а дѣятельная жизнь нужна человѣку. Главная цѣль человѣка *жить по добродѣтели*. Такая жизнь состоитъ въ презрѣніи богатства, славы и знатности; а главное, слѣдуетъ презирать удовольствія. Для человѣка, привыкшаго къ удовольствіямъ, сдѣлать это не такъ легко; но нужно вести постоянную борьбу съ чувственными инстинктами, влекущими къ удовольствіямъ; храбрость есть основная добродѣтель. Нужно постоянное упражненіе души въ указанномъ направленіи также, какъ требуется упражненіе тѣла чрезъ гимнастику (*διττήδὲ ἔλεγε εἶναι τὴν ἀσκησιν τὴν μὲν ψυχικὴν τὴν δὲ σωματικὴν*. ibid. 70). Какъ въ тѣлѣ чрезъ упражненіе приобрѣтаются хорошія привычки и новыя силы—въ тѣхъ органахъ, которые упражняются, такъ бываетъ и въ душѣ (*οὐδὲν ἦττον εὐεξίας καὶ ἰσχύος ἐν τοῖς προσήκουσι γενομένης, ὡς περὶ ψυχὴν καὶ τὸ σῶμα*. ibid).

Діогенъ также, какъ учитель его—Антисоенъ, создалъ себѣ идеаль жизни на понятіи *мудреца* (*σοφός*). Это понятіе требовало жизни по *природѣ* и по *разуму*, а не по закону и страстямъ. По свидѣтельству Діогена Лаэртія, Діогенъ Си-

носкій *противопоставлялъ природу закону и разумъ страстямъ* (ἀντιτιθέναι νόμον φύσιν, πάθει δὲ λόγον. *ibid.* 37). Съ этой точки зрѣнія ему представилась масса несообразностей въ жизни людей. Его возмущали, напр., тѣ, которые приносили жертву ради здоровья и которые въ тоже время при жертвоприношеніи ѣли столько, что вредили своему здоровью (*ibid.* 28). Далѣе, онъ говорилъ: «когда въ жизни наблюдаешь правителей, врачей, философовъ, то считаешь человѣка умнѣйшимъ изъ всѣхъ животныхъ; когда же, напротивъ, наблюдаешь снотолкователей, прорицателей и тѣхъ, которые стекаются къ нимъ, а равно, — когда наблюдаешь тѣхъ, которые ражжгаются стремленіемъ къ славѣ, къ богатству, то приходишь къ мысли, что на свѣтѣ нѣтъ глупѣе человѣка» (24 *ibid.*). Такъ какъ большинство людей руководится суевѣріемъ и предрасудками, а равно — большинство стремится или къ удовольствіямъ, или къ богатству и роскоши, или, наконецъ, къ славѣ и почестямъ, то въ большинствѣ людей онъ видѣлъ глупцовъ. Иногда, повидному, люди, его окружающіе, казались ему *психически больными*, которымъ нуженъ врачъ, и онъ думалъ, что роль врача принадлежитъ въ этомъ случаѣ *мудрецу*, который своимъ ученіемъ и жизнью долженъ указывать людямъ средства и пути къ излеченію. Онъ говорилъ, что люди несчастливы по своей глупости (παρὰ τῆν ἄνοιαν κακοδαίμονοισι). Еслибы они оставили безполезные труды (для достиженія богатства, удовольствій, славы и проч.), и избрали бы труды *согласно указаніямъ природы* (κατὰ φύσιν), то непременно жили бы счастливо (δέον... ζῆν εὐδαίμονως. *ibid.* 71). Эти труды — труды Геркулеса.

Посмотримъ ближе, какъ понималъ Діогенъ жизнь по *природѣ* и по *разуму*. Діогенъ Лаэртій говоритъ: «Діогенъ *имѣлъ обыкновеніе дѣлать все открыто* — и то, что относится къ Церерѣ, и то, что относится къ Венерѣ». (*ibid.* 69). Для оправданія такого поведенія онъ пользовался такого рода аргументами: «если въ ѣдѣ нѣтъ ничего постыднаго, то нѣтъ ничего постыднаго въ томъ, чтобы ѣсть на площади» (*ibid.*). Дѣлая это постоянно, онъ приговаривалъ: «нельзя же однимъ почесываніемъ желудка устранить голодъ» (*ibid.* 69). Кажется съ той же точки зрѣнія *жизни по природѣ* онъ оправдывалъ

даже каннибализмъ. «Нѣтъ, говорить онъ, ничего безбожнаго питаться человѣческимъ мясомъ, и это очевидно изъ принятаго обычая у другихъ народовъ (ibid.); вѣдь согласно здравому разсужденію (τῷ δὲ ορθῷ λόγῳ) все находится во всемъ и проникаетъ все. И въ хлѣбѣ есть мясо и въ зелени заключается хлѣбъ; то же нужно сказать и о другихъ тѣлахъ, входящихъ всюду и выходящихъ чрезъ испареніе невѣдомыми намъ путями» (ibid). Вѣроятно, съ точки зрѣнія тойже жизни по природѣ и по разуму, Діогенъ училъ, что женщины должны быть общими (κοινὰς εἶναι δεῖν τὰς γυναῖκας. ibid. 72); брака, какъ онъ обыкновенно понимается, совѣтъ не требуется; поэтому и дѣти должны быть общими (κοινὸς δὲ διὰ τοῦτο οὐκ ἔστιν. ibid). Антисѣенъ, хотя, повидимому, не отвергалъ брака, тѣмъ не менѣе смотрѣлъ на союзъ мужчины и женщины съ физической точки зрѣнія; этотъ союзъ нуженъ для того, чтобы имѣть дѣтей. «Нужно, говорить онъ, жениться ради того, чтобы произвести дѣтей; поэтому, нужно сходиться съ самыми красивыми женщинами» (Diog. Laert. Lib. VI cap. I. 11). По Діогену же, не требуется для этого постоянный и неразрывный бракъ; достаточно взаимнаго согласія между мужчиною и женщиною, чтобы сойтись (τὸν πείσαντα τῇ πείσασθῃ συνεῖναι. Diog. Laert. Lib. VI cap. II 72). Нужна не семья, а коммуна друзей. «Все принадлежитъ богамъ», говорить Діогенъ. Какимъ же образомъ человѣкъ можетъ имѣть собственность? «Боги суть друзья мудрецовъ» (φίλοι δὲ τοῖς σοφοῖς οἱ θεοί. ibid). «У друзей должно быть все общее». (κοινὰ δὲ τὰ τῶν φίλων. ibid).

Читатель, знакомый съ новыми теоріями подобнаго рода, конечно, ожидаетъ, что же скажетъ Діогенъ Синопскій о государствѣ и его устройствѣ? Знатность рода, по Діогену, личная слава и все прочее, сюда относящееся, достойны осмѣянія; «все это—украшенія испорченности (προκοσμήματα κακίας ibid. 72)». Такимъ образомъ, Діогенъ былъ противъ исторически создаваемаго строя общественнаго и государственнаго. Повидимому, онъ желалъ полнаго равенства людей. Еще Антисѣенъ говорилъ, что «добродѣтель мужчины и женщины—однакова» (ἀνδρὸς καὶ γυναῖκος ἡ αὐτὴ ἀρετὴ. Diog. L. Lib. VI, cap. 1. 12). Діогенъ Синопскій вслѣдъ за учителемъ приз-

навалъ въ рабѣ душу одинаковою съ душою свободнаго. Когда однажды нѣкто спросилъ его: почему рабы называются *андраподами* (*ανδράποδα*), то онъ отвѣтилъ: «потому что они имѣютъ ноги людей, а душу—такую, какую имѣешь ты, который спрашиваешь» (*ibid.* 67). Диогенъ признавалъ въ государствѣ необходимость закона. «Безъ закона, говоритъ онъ, не можетъ управляться республика» (*περὶ τῆ τοῦ νόμου, ὅτι χωρὶς αὐτοῦ οὐκ ἔστιν τὸ πολιτεύεσθαι. Ib.* 72. Только онъ мечталъ о какой-то *мировой республикѣ* (*μόνην τὴ ὀρθὴν πολιτείαν εἶναι τὴν ἐν κόσμῳ. Ibid.*). Когда спросили Диогена: откуда онъ? то онъ отвѣтилъ: «я—гражданинъ міра» (*κοσμοπολίτης Ibid.* 63). Въ этомъ случаѣ Диогенъ былъ послѣдователемъ: во имя равенства, отвергая семью и родовитость, отвергая собственность, возставая противъ личныхъ заслугъ и извѣстности, онъ желалъ того же равенства между государствами. Для этого онъ началъ проповѣдывать о *единой мировой республикѣ*, въ которой всѣ города и націи—равны между собою и въ которой всякій, гдѣ бы онъ ни былъ, долженъ пользоваться одинаковыми правами съ другими и не считаться чужестранцемъ. Еще Антисоенъ говорилъ «для мудраго не существуетъ того, что называютъ чужестраннымъ» (*τῷ σοφῷ ξένον οὐ δέν. Diog. Laert. Lib. VI, cap. I 12*).

Такимъ образомъ, мы познакомились съ двумя главными представителями цинической школы: Антисоеномъ и Диогеномъ Синопскимъ. Что касается другихъ циниковъ, о которыхъ сообщаетъ далѣе Диогенъ Лаэртій, то намъ нѣтъ необходимости останавливаться на нихъ. Никто изъ послѣдующихъ циниковъ не прибавилъ ничего новаго къ учению Антисоена и Диогена. Развѣ стоитъ упомянуть о наиболѣе извѣстномъ среди послѣдующихъ циниковъ—*Кратесѣ*. Нужно замѣтить, что ученіе циниковъ нашло себѣ сочувствіе, какъ и слѣдовало ожидать, среди тѣхъ, которые не пользовались никакими правами, а именно: среди рабовъ. Изъ такихъ Диогенъ Лаэртій указываетъ на *Мотима*, бывшаго раба Коринтскаго мѣнялы, и на *Мениппа*. Напротивъ, Кратесъ Фивскій былъ очень богатымъ гражданиномъ. Онъ продалъ все свое имущество, получилъ до 300 талантовъ и отдалъ ихъ своимъ согражданамъ, сдѣлавшись циникомъ. Этотъ циникъ отли-

чается иными свойствами души, чѣмъ тѣ, на которыхъ мы останавливались. У него мы встрѣчаемъ большую мягкость въ характерѣ, отзывчивость къ страданіямъ и слабостямъ другихъ; онъ отличается незлобіемъ и терпѣливо переносить оскорбленія и обиды, ему нанесенныя. Въ его лицѣ древній греческій цинизмъ отклоняется отъ первоначально принятаго направленія. Кратесъ, дѣйствительно, представляетъ собою переходную ступень отъ циниковъ къ *стоикамъ*: *Зенонъ*, основатель стоической школы, былъ его слушателемъ. О немъ передается также, что онъ былъ *женатъ* на дочери богатыхъ родителей, очень красивой юной дѣвицѣ *Гиппархія*, которая увлеклась его ученіемъ и жизнію и стала вести жизнь циника, отказавшись отъ богатства и пренебрегши своею красотою ¹⁾. Ея братъ *Метроклъ* также послѣдовалъ за Кратесомъ, принявшись его ученіемъ и жизнию.

Жизнь и ученіе Греческихъ циниковъ останавливали на себѣ вниманіе ученыхъ. Между прочимъ эти ученые, говоря о Греческихъ циникахъ, дѣлаютъ попытки указать въ исторіи явленія *аналогичныя* Греческому цинизму. Гротъ, напр., въ своемъ сочиненіи: «Платонъ и другіе ученики Сократа» (*Grote Plato and the other companions of Socrates vol III 513 стр. и слѣд.*) сравниваетъ Греческихъ циниковъ съ *Индійскими гимнософистами*. Но еще раньше Грота, другой писатель *Гладичъ*, на котораго дѣлаетъ указаніе самъ Гротъ, въ своемъ сочиненіи. (*Gladitsch—Einleitung in das verständniss der Weltgeschichte*) сравниваетъ Греческихъ циниковъ съ *Индійскими гимнософистами*. Первымъ, положившимъ начало такому сравненію, былъ одинъ изъ циниковъ—*Онесиякрить*,

¹⁾ Вотъ какъ рассказываетъ Диогенъ Лаэртій о выходѣ замужъ Гиппархія за Кратеса: Гиппархія, сестра Метрокла, увлеклась бесѣдами Кратеса. Она такъ страстно полюбила его ученіе и образъ жизни, что отвергла всѣхъ жениховъ, не придавая никакого значенія ни богатству, ни происхожденію, ни красотѣ. Кратесъ былъ все для нея. Она угрожала родителямъ тѣмъ, что, если они не выдадутъ ее замужъ за Кратеса, она прибѣгнетъ къ самоубійству. Родители ея просили Кратеса отклонить ее отъ ея рѣшенія. Послѣдній сдѣлалъ все для этой цѣли и, наконецъ, видя ея непреклонность, сложилъ передъ нею все, что только имѣлъ, и сказалъ: «вотъ каковы жемчугъ; вотъ все его имущество; подумай объ этомъ, потому что, если ты не научишься тому же образу жизни, согласи между нами не будетъ». Юная дѣвица, несмотря ни на что, послѣдовала за Кратесомъ, ведя тотъ же образъ жизни, какъ и онъ. (Diog. Laert. Lib. VI, 96).

ученикъ Діогена Сипопскаго (указанный нами въ своемъ мѣ-стѣ). Онъ участвовалъ въ походѣ Александра Македонскаго и непосредственно наблюдалъ гимнософистовъ. Онъ сравни-валъ ихъ жизнь съ жизнью своего учителя — Діогена и нахо-дилъ, что они превосходятъ въ аскетизмѣ самаго Діогена. Воспользуемся здѣсь описаніемъ Грота жизни и поведенія Индійскихъ гимнософистовъ. «Когда, говоритъ онъ, Александръ Великій въ первый разъ открылъ Индію для наблюденія Гре-ковъ, то одною изъ новинокъ, удивившихъ его и участни-ковъ его похода, было созерцаніе гимнософистовъ или нагихъ философовъ. Этихъ людей нашли лежащими на землѣ, совер-шенно голыми или только прикрытыми львиными шкурами. Они воздерживались отъ всякаго рода удовольствій, питались наименьшимъ количествомъ грубой растительной пищи или плодовъ, не обращали вниманія ни на чрезмѣрный зной въ долинахъ и на жестокой холодъ въ горахъ; они нерѣдко уси-ливали страдація, подвергая себя томительному, или продол-жительному и мучительному положенію. Они проводили время или въ молчаливомъ размышленіи, или въ бесѣдахъ о религіи и философіи. Они пользовались уваженіемъ всѣхъ и давали совѣты каждому, смѣло говоря правду сильнымъ земли. Основ-ная идея ихъ состояла въ томъ, чтобы быть для всѣхъ при-мѣромъ воздержанія, безстрастности, подчиненія только са-мымъ необходимымъ потребностямъ природы, полного без-страшія и независимости отъ авторитета» (513 и 514 стр.).

Очевидно, что есть сходство въ жизни гимнософистовъ и циниковъ; но также очевидно и то, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о заимствованіи и подражаніи: Онесивкритъ — первый изъ циниковъ познакомился съ жизнью гимнософистовъ послѣ того, какъ онъ былъ уже знакомъ съ суровою жизнью своего учителя Діогена. Школа циниковъ — самобытное и независи-мое явленіе. Относительно самаго сходства ихъ жизни съ жизнью гимнософистовъ слѣдуетъ установить надлежащее по-пятіе. Это сходство не есть тождество; два явленія только апалогичны и вытекаютъ изъ различныхъ источниковъ и при-чинъ. О гимнософистахъ говорится, что «они проводили вре-мя или въ молчаливомъ размышленіи, или — въ бесѣдахъ о религіи и философіи». Что же касается циниковъ, то мы уже

знаемъ; что они враждебно относились къ *умозрительной* философіи. Все поведеніе гимнософистовъ вытекало изъ религіозно-философскаго міровоззрѣнія. Не входя въ разсмотрѣніе этого міровоззрѣнія, кратко скажемъ, что это міровоззрѣніе *пантеистическое*, по которому индивидуумъ не имѣетъ субстанціального существованія; признаваемое индивидуумами самобытное существованіе есть не болѣе, какъ иллюзія; отставаніе въ жизни этого индивидуальнаго существованія причиняетъ индивидуумамъ непрерывный рядъ страданій; нужно стремиться къ тому, чтобы *слиться съ общимъ бытіемъ*, слѣдовательно—дѣлать усилія подавлять въ себѣ требованія природы, направленные къ удовлетворенію эгоистическихъ желаній; на этомъ пути нуженъ въ жизни суровый аскетизмъ, не исключая даже *самоистязанія*; смерть—желательна, такъ какъ она-то и переводитъ насъ въ общее бытіе, уничтожая нашу призрачную индивидуальность; если она скоро не приходитъ, то отъ индивидуума зависятъ произвольно лишить себя этой жизни, прибѣгнувши къ самоубійству чрезъ *самосожиганіе* (излюбленный способъ самоубійства гимнософистовъ¹⁾); возрожденіе въ общемъ бытіи составляетъ блаженство для индивидуума. Страбонъ (вѣроятно, со словъ Онесикрита) говоритъ: «они (гимнософисты) много разсуждали о смерти; называли жизнь въ этомъ мірѣ горящимъ фитилемъ, а смерть рожденіемъ въ общую жизнь и блаженствомъ для философовъ (τὸν δὲ θάνατον γινέσθαι εἰς τὸν ὄντως βίον καὶ τὸν εὐδαίμονα τοῖς φιλοσόφοις); поэтому, и предавались величайшему аскетизму, какъ ступени, ведущей къ смерти» (XV. 713 А. Смотр. Grote Plato 514 стр. примѣч.). Греческая школа циниковъ есть, какъ мы могли убѣдиться, *соціальное* явленіе безъ примѣси религіознаго элемента и мистической философіи. Здѣсь о самоистязанія, какъ спасительномъ дѣлѣ съ точки зрѣнія религіи, не могло быть и рѣчи; самоубійство также не проповѣдывалось циниками: напротивъ, когда въ старости Антисоенъ

¹⁾ Однѣ изъ индійскихъ гимнософистовъ на глазахъ Александра Македонскаго, Онесикрита и всей македонской арміи добровольно позволилъ сжечь себя на приготовленномъ для этого кострѣ. Передается также о другомъ гимнософистѣ, что онъ добровольно сжечь себя на кострѣ въ Афинахъ при Римскомъ императорѣ Августѣ (Grote Plat. 517 стр. примѣч.).

сильно страдалъ отъ болѣзни и эти страданія передъ смертію достигли крайней степени, такъ что онъ невольно высказалъ пришедшему къ нему Діогену: «кто избавитъ меня отъ страданій?» и когда Діогенъ, подавая мечъ, сказалъ: «этотъ избавитъ», то Антисѣепъ отвѣтилъ: «я сказалъ: *отъ страданій, а не отъ жизни*» (Diog. Laert. Lib. VI. 18. 19); такова была привязанность циниковъ къ настоящей жизни. Діогенъ Синопскій не считалъ грѣховнымъ наслаждаться солнечнымъ свѣтомъ и теплотою. Въ противоположность гимнософистамъ, которыхъ всѣ мысли и стремленія относились къ будущей жизни, циники *ставили себѣ цѣль*, къ достиженію которой стремились *въ настоящей жизни*, не помышляя о будущей. Если они вели аскетическую жизнь, то съ ихъ стороны она не была приготовленіемъ къ смерти; они веля ее для достиженія другихъ цѣлей, на которыя указано нами въ своемъ мѣстѣ. Они отнюдь не обнаруживали самоуничиженія; на противъ, проявляли особенное *самоуничиженіе и гордость*.

Циники, какъ они охарактеризованы нами въ лицѣ Антисѣепа и Діогена Синопскаго, чисто *греческое* явленіе. Возникновеніе школы циниковъ, между прочимъ, тѣсно связано съ *софистикою*, о связи которой съ характеромъ и жизнію грековъ было сказано нами. Въ противоположность *созерцательности* въ экстазѣ Индійскихъ гимнософистовъ, циники пользуются софистическими приемами *эристики*, изъ которыхъ главный приемъ состоитъ въ *противопоставленіи*. Юморъ и сарказмы циниковъ, съ которыми мы познакомились, стоятъ въ тѣсной связи съ указаннымъ приемомъ противопоставленія, выработаннымъ въ области *дискурсивной* мысли, отличающей греческій умъ. Въ противоположность стремленію Индійскихъ гимнософистовъ къ абсолютному *покою*, какъ конечной цѣли и высшему благу, циники выступаютъ на *борьбу* съ цѣлымъ обществомъ, со всѣмъ исторически сложившимся его строемъ, нравами, обычаями, институтами. Съ ихъ стороны слышится призывъ къ *труду*; они требуютъ дѣятельной жизни. Цѣль труда—непосредственная практическая *польза*, а не религіозный подвигъ, заключающійся въ умерщвленіи тѣла, какъ у Индійскихъ гимнософистовъ. Они—пессимисты и мрачно смотрятъ на окружающее ихъ общество: но пессимизмъ

ихъ отлѣчается отъ пессимизма гимнософистовъ: они *проникнуты* въпросомъ о томъ, что человечество можетъ быть счастливо отъ этой жизни, если оно будетъ жить иначе, чего не признавали гимнософисты. Вѣрно ли понимали циники средства къ достиженію счастья и высшаго блага въ этой жизни, равно какъ и—то, въ чемъ состоитъ это счастье и благо, это другой вопросъ; но сами они думали, что они нашли истинный путь къ счастью на землѣ.

Сопоставленіе циниковъ съ христіанскими монахами IV и V вѣка христіанской эры и средневѣковыми капуцинами, какъ это дѣлаетъ Целлеръ, также должно быть названо неудачнымъ.

Послѣ того, что сказано нами о трагикахъ, софистахъ и циникахъ, намъ приходятъ на мысль другія аналогичныя съ циниками явленія въ области исторіи. Съ одной стороны, намъ приходитъ на мысль протестъ Руссо противъ цивилизаціи и призывъ его къ *жизни по природѣ*; съ другой,—проповѣдь Мабли объ абсолютномъ равенствѣ всѣхъ людей и средствахъ къ достиженію этого равенства. Далѣе, мы полагаемъ, что можно указать аналогію между греческими циниками и русскими *нигилистами*. Не входя здѣсь въ обстоятельное изложеніе указанныхъ аналогій, скажемъ, что послѣ циниковъ въ Греціи является школа *стоиковъ*, которая имѣетъ непосредственную связь съ школою циниковъ и присоединяетъ къ тому, что проповѣдывали циники, еще *пантеистическую* метафизику, сходную съ восточнымъ міровоззрѣніемъ. Въ ново-европейскомъ мірѣ послѣ Руссо и Мабли является Шопенгауеръ съ его послѣдователями, который развиваетъ необычную для Руссо и Мабли метафизику съ оттѣнкомъ восточнаго происхожденія, по крайней мѣрѣ въ той ея части, въ которой развивается *пессимистическое* воззрѣніе на міръ. Послѣ *нигилистовъ* у насъ является *Л. Толстой* съ своею мистическою метафизикою восточнаго покроя, съ обычнымъ пессимизмомъ. Были ли своего рода циники, Руссо съ Мабли и *нигилисты* въ Индіи, какъ предшественники гимнософистовъ, этотъ вопросъ могутъ рѣшить намъ специалисты.

Ө. Зеленогорскій.

Метафізическія воззрѣнія кн. Сергѣя Трубецкаго.

(Продолженіе *).

9. *Мнимое предъказаніе древне-языческой религіи грековъ на христіанское ученіе о таинствѣ Евхаристіи.* Такое предъказаніе князь Трубецкой усматриваетъ въ мистеріяхъ въ честь того же самаго бога пьянства и разгуда— Діониса, Вакха или Бахуса. «Въ человѣческихъ жертвахъ, говоритъ онъ ¹⁾, въ жертвѣ быка и другихъ животныхъ, растерзанныхъ живьемъ и съѣдаемыхъ сырши, мы замѣчаемъ мистическій элементъ, обыкновенно чуждый остальнымъ жертвоприношеніямъ грековъ: здѣсь жертва отождествляется съ богомъ, мистически изображаетъ его страсти; откуда вкушеніе ея тѣла и вкушеніе вина, крови Діониса, пріобрѣтаютъ въ этихъ оргіяхъ новое, особенное значеніе — теофагіи, богопѣства... Таковы, заключаетъ нашъ новый богохульникъ ²⁾, были мистеріи грековъ, которыя на ряду съ філософіей подготовили древній міръ къ воспріятію христіанства». Но, должно быть, и самъ князь Трубецкой ужаснулся того, что онъ сейчасъ наболталъ, потому что непосредственно за симъ начинаетъ изворачиваться и цутаться въ своихъ словахъ какъ напроказившій школьникъ. «Не смотря на нѣкоторую внѣшнюю (?) аналогію, объясняетъ онъ, было бы однако весьма ошибочно искать христіанства въ этихъ языческихъ таинствахъ. Боги хлѣба

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1891 г. № 2.

1) Стр. 130.

2) Стр. 133.

и вина, чтимые въ мистеріяхъ, суть тѣ же боги крови и сѣмени, которые чтились на востокѣ въ столь ужасающей формѣ... Грекъ *приобщался* непосредственно производящимъ силамъ природы, онъ вѣрилъ непосредственно въ *боговъ хлѣба и вина* и думалъ жить и возрождаться ихъ внутреннею силою. Христіанство въ догматѣ пресущественія высказало совершенно противоположную идею: не *хлѣбомъ и виномъ* живѣть будетъ человѣкъ, не стихійными силами земли, не естественными, производящими силами природы, ея *сыменемъ и кровью*; но *всѣ эти силы, это стѣмя и кровь должны быть сначала пресуществлены въ мистическое тѣло Господне*.

Поняли ли вы, читатель, въ чемъ дѣло? Нѣтъ? Такъ оно и быть должно, потому что князь Трубецкой говоритъ только, что онъ не виноватъ, но въ свое оправданіе никакихъ доказательствъ не представилъ. Христіанство тѣмъ будто бы отличается только отъ язычества, что въ христіанскомъ таинствѣ въ мистическое тѣло Господне *пресущественяются* всѣ стихійныя силы земли и всѣ естественныя, производящія силы природы! Язычники ѣли прямо сырое мясо человѣка или быка и думали, что ѣдятъ самаго бога, а въ христіанствѣ.— видите-ли—люди стали возвышеннѣе, духовнѣе, принимаютъ *мистическое тѣло Господне!*... 1).

Тяжело и грустно было намъ касаться этого предмета; но мы не могли пройти его молчаніемъ 1) потому, что наше молчаніе могло быть принято за согласіе съ кощунственными воззрѣніями Трубецкого, 2) потому, что самъ Трубецкой принялъ бы его за безсиліе опровергнуть его фантастическія сближенія или аналогіи, и въ 3) потому, что такова обязанность всякаго, кто только взялся за разборъ чужого сочине-

1) Что Трубецкой ставитъ въ связь христіанское таинство Евхаристіи съ греческими мистеріями въ честь Діониса, кромѣ уже вышеизложеннаго его взгляда, видно также и изъ сдѣланнаго имъ подстроенаго примѣчанія на стр. 134. «Нѣкоторые христіанскія секты, забывшія высокій смыслъ новозавѣтной жертвы, вернулись въ странному культу сѣмени и крови (Николаиты, хлѣсты)». Но если они въ сектанствѣ вернулись къ этому странному культу, то до сектанства, т. е., въ истинномъ христіанствѣ они, слѣдовательно, *вышли* изъ него...

нія; онъ обязанъ указать какъ *всѣ* достоинства, такъ и *всѣ* недостатки разбираемаго труда, каковы бы они ни были.

У князя Трубецкого въ данномъ случаѣ ложны основныя *посылки* его умозаключенія. «Культь Діониса, говоритъ знатокъ классической древности—Любкеръ ¹⁾, искони имѣлъ характеръ *чистаго* веселья». Какъ «бога винограда и винодѣлія, даромъ вина радующаго сердце людей (*χάρμα βροτοῖσιν*) и разгоняющаго печаль и заботы», Діониса чествовали обыкновенно обильнымъ употребленіемъ винограднаго вина, которымъ такъ славилась древняя Греція. Въ честь Діониса въ Греціи установлено было четыре довольно продолжительныхъ празднествъ или Діонисій, начинавшихся съ глубокой осени, т. е., съ декабря или съ генваря, когда уже можно было начать употребленіе молодого вина, и непрерывно почти продолжавшихся до весны, до марта или апрѣля, когда запасы приготовленнаго вина истощались. Кратко, но объективно—научно, точно и безпристрастно описываетъ характеръ этихъ празднествъ Любкеръ. По его изслѣдованію вотъ въ чемъ состояли эти празднества: 1) *Μαλὴν ἢ κτηνικὴν Διονυσίαν*, *Λιουβία τὰ κατ' ἀγροῦς, ἐν ἀγροῖς, τὰ μικρά*, въ мѣсяцѣ Посидеонѣ (декабрь-январь), праздновались въ деревнѣ въ то время, когда въ деревнѣ по крайней мѣрѣ первый разъ сливали и пробовали молодое вино. Праздникомъ сбора винограда онъ не могъ быть, такъ какъ послѣдній продолжался въ крайнемъ случаѣ до начала ноябра. Аристофанъ (Асчап. 241 слд, 263 слд.) даетъ живой примѣръ этого праздника, главная часть котораго состояла въ праздничной процессіи членовъ семейства къ жертвоприношенію. По словамъ Плутарха, этотъ «праздникъ Вакха въ древнѣйшее время праздновали совсѣмъ просто, но достаточно весело; во время его въ процессіи несли кувшинъ съ виномъ, затѣмъ шель козель, потомъ еще одинъ, который несъ корзину съ фигами». Празднество соединялось съ разнаго рода деревенскими развлеченіями, грубыми плясками и насмѣшливыми шутками, въ которыхъ лежалъ зародышъ развитія драматической поэзіи:

¹⁾ Реальный Словарь классической древности. Стр. 314.

труппы странствующихъ актеровъ исполняли свои пьесы, по большей частн такіа, которыя были уже представлены въ городѣ. Особенными увеселеніями на праздникѣ, продолжавшемся нѣсколько дней, были Асколіи ('Ασκόλια), въ которыхъ мальчики для потѣхи зрителей вскакивали на одной ногѣ на наполненный, обмазанный масломъ мѣхъ. Въ то же время праздновали въ Элевзинѣ и Аѣинахъ праздникъ молотбы ('Αλφια), посвященный совокупно Діонису, Деметрѣ и Персефонѣ, которыхъ по этой-то причинѣ князь Трубецкой и называетъ *богами хлѣба и вина*. 2) Другой праздникъ въ честь Діониса назывался *Ленеями*. Ленеи, λήναια, въ мѣсяцѣ гамеліонѣ (январь—февраль), праздновались въ самыхъ Аѣинахъ и составляли какъ бы продолженіе сельскихъ Діонисій. Празднованіе это состояло въ большомъ пиршествѣ, для котораго городъ обязанъ былъ доставлять мясо, кромѣ того устраивалась по городу процессія съ шутками, употреблявшимися обыкновенно на празднествахъ въ честь Діониса; наконецъ, на сценѣ ставились трагедіи и—въ особенностъ—комедіи. 3) Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (11—13 апѳестеріона) устраивался праздникъ *Апѳестерій*, 'Αφ᾽εσθήρια. Въ первый день этихъ Діонисій праздновали починъ совершенно выбродившаго вина (Πδοίγια, открытіе бочки); во второй день, въ праздникъ кружекъ (οἶ χόες), въ большомъ публичномъ пиршествѣ древніе греки, такъ сказать, «наперегонъ» пили новое вино, вовсе не думая о томъ, что нѣкогда русскіе ученые въ ихъ пьянствѣ и кутежѣ усмотрятъ почву для великой побѣды духа надъ чувственностію плоти; кто раньше всѣхъ осушалъ до дна свою кружку, тотъ получалъ, какъ призъ, цѣлый мѣхъ вина. Самымъ важнымъ дѣйствіемъ въ этотъ день считалась тайная, но безнравственная жертва, которую приносила Діонису въ его храмѣ въ Ленеѣ жена архонта василевса, и ея бракосочетаніе съ богомъ. Третій день назывался χύτροι, горшечный праздникъ, потому что въ этотъ день выставляли горшки съ праздничными недоѣдками и вареными стручьими для умилоствленія Гермеса. Наконецъ 4) послѣдній праздникъ въ честь Діониса—это *большія или городскія Діонисіи*—Διωνυσία μεγάλα, τὰ κατ'ἄστυ, τὰ ἀστικά, которыя были празднуемы отъ 8 до 13 элафеволіона (мартъ—апрѣль)

и своею пышностію привлекали въ городъ большую массу народа изъ туземцевъ и изъ иностранцевъ. Старинная деревянная статуя бога, перепешая въ Аѳины изъ Элевѳеръ, на второй день праздниковъ переносилась въ блестящей процессіи изъ Ленея въ маленькій храмъ, на дорогѣ къ Академіи, въ которомъ, вѣроятно, она раньше стояла, и опять обратно въ Ленею среди большаго праздничнаго собранія; при этомъ со стороны ликующихъ хоровъ въ честь Діониса раздавались дионирамбы, которые были сочяпены для этого праздника самыми знаменитыми поэтами. Въ три послѣднихъ дня были представляемы передъ огромнымъ числомъ соотечественниковъ и иностранцевъ комедіи и трагедіи, причемъ эти пьесы непременно были новыми (*καὶνούς τραγῳδοῦς*); наконецъ, здѣсь же публиковали и объ общественныхъ отличіяхъ или заслугахъ ¹⁾.

Несомнѣнно, что во время Діонисіевыхъ празднествъ греки выпивали вина очень много, но никто изъ нихъ не отождествлялъ этого вина съ кровью бога и не думалъ видѣть въ немъ какого-либо «мистическаго элемента».

Культь Діонисія, довольно умѣренный въ первое время, въ послѣдствіи становится шумнымъ и грубымъ. Но это случилось никакъ не ранѣе похода Александра Македонскаго въ Азію, гдѣ греки, ознакомившись съ языческими кровавыми и мрачными культами Востока, внесли этотъ элементъ и въ свою религію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ культь Діониса, котораго они старались поставить въ связь съ такими азіатскими божествами, какъ Кибела и Атисъ, и отождествляли съ Сабазіемъ. По крайней мѣрѣ, мифъ о походѣ Діониса въ Индію не могъ явиться раньше смерти Александра Македонскаго (Александръ Македонскій род. 21 іюля 356 г. до Р. X., ум. 11 или 13 іюня 323 г. до Р. X.), такъ какъ онъ есть не что иное, какъ «мифическій панданъ къ походу Македонянина». Въ это время въ устахъ народа измѣняется уже и самое имя Діониса. — онъ чаще пазывается словами Βάχχος (шумящій), Βαχχεῖος, Βρόμιος, Εἶος. О немъ сталъ распростра-

¹⁾ Срв. Любкера Реальный Словарь классической древности, стр. 314—315.

няться мнѣ, что въ Аргосѣ онъ привелъ въ бѣшенство женщинъ, избѣгавшихъ его почитанія, такъ что онѣ умерщвляли своихъ собственныхъ дѣтей и пожирали ихъ. Съ этого же времени въ его культѣ видное мѣсто занимаютъ бѣснующіяся женщины, которыя, подъ именемъ вакханокъ, менадъ, ѳіадъ, мималлонокъ, вассаридъ, вистонидъ, представляли собою спутницъ Діониса. На его празднествахъ стали уже предаваться весьма буйному пьянству и съ шумными звуками флейтъ, бубновъ и кимваловъ, при крикѣ *эбоі* бѣгали въ опьянѣломъ, необузданномъ бѣснованіи, растерзывали животныхъ и ѣли окровавленное мясо ¹⁾; но никто не отождествлялъ этого мяса съ мясомъ самаго Діониса и никто не думалъ видѣть въ этомъ мясѣ простого козла какой либо «мистическій элементъ».

На чемъ же основываетъ свой взглядъ и свое толкованіе Діонисовскихъ мистерій князь Трубецкой? По принятому имъ, но не похвальному, обыкновенію онъ умалчиваетъ о своихъ источникахъ, какъ и вездѣ, гдѣ дѣло касается предмета, способнаго произвести впечатлѣніе на читателей. Но мы знаемъ его основанія. Въ его духъ начали объяснять «смыслъ» Діонисовскихъ мистерій жрецы, а за ними и нѣкоторые языческіе писатели, по приказанію богоотступника Юліана, уже въ концѣ 4-го и началѣ 5-го вв. по Р. Х., когда со стороны христіанъ сталъ слышаться упрекъ язычеству за его нечестіе и развратъ въ самыхъ религіозныхъ культахъ, а въ особенности въ культѣ Діониса и вакхическихъ оргіяхъ, и когда представители язычества рѣшились поддержать свою религію всѣми возможными жертвами, жертвуя даже самою сущностью ея. Но мы уже говорили о томъ, насколько ненаучно пользоваться такими источниками для составленія понятія о языческой религіи грековъ отдаленнаго, до-христіанскаго времени.

10. *Мнимое предуказаніе древне-языческой религіи грековъ на христіанскія таинства покаянія и священства.* Начало исповѣди князь Трубецкой находитъ уже въ греческихъ мисте-

1) Любкеръ, Реальный Словарь классической древности, стр. 314.

рїяхъ, «посвященію въ которыя предшествовала *исповѣдь*» ¹⁾. Здѣсь Трубецкой, безъ сомнѣнія, только играетъ словами или же намѣренно употребляетъ ихъ неправильно. Не *исповѣди*, а *искусу* долженъ былъ подвергнуться каждый, желавшій быть посвященнымъ въ таинства мистерій. А это, очевидно, не одно и то же. Чтобы имѣть болѣе точное представленіе объ этомъ искусствѣ, мы изложимъ здѣсь то, какому испытанію, по преданію, подвергались у Пифагора лица, желавшія быть принятыми въ число орфииковъ или—что то же—въ болѣе тѣсный и замкнутый кружокъ его учениковъ, посвященныхъ въ мистеріи. Выходя изъ того положенія, что «не изъ всякаго дерева можно вырѣзывать Меркурія», Пифагоръ не принималъ въ орфики никого, не изслѣдовавъ напередъ тщательно голову и лицо вступающаго: кромѣ того, онъ старался по пріемамъ и поведенію новичковъ узнать ихъ характеръ, настроеніе, душевныя наклонности и умственныя способности; потомъ онъ собиралъ свѣдѣнія объ ихъ обращеніи съ родителями и родными, наблюдалъ, не слишкомъ ли они много смѣются, не черезъ-чуръ ли они болтливы или молчаливы, не сердиты ли, не честолюбивы ли, какіе друзья у нихъ и какъ они къ нимъ относятся, чѣмъ наполняютъ они днемъ свои досуги, что болѣе всего радуется или печалитъ ихъ и т. д. Подобному же испытанію подвергались лица, желавшія быть посвященными и во всѣ другія мистеріи. Но что здѣсь, спрашивается, общаго съ тѣмъ, что обыкновенно на русскомъ языкѣ называется *исповѣдью*? — Ясно, что князь Трубецкой употребилъ это слово лишь потому, что ему хотѣлось и въ этомъ отношеніи сблизить греческое язычество съ христіанствомъ. Но отъ простаго хотѣнія до дѣйствительнаго положенія вещей еще слишкомъ далеко. Такъ оно есть и въ данномъ случаѣ.

О жречествѣ или священствѣ князь Трубецкой говоритъ такъ сбивчиво и противорѣчиво, что трудно, собственно говоря, сказать, какъ онъ смотритъ на этотъ вопросъ. Когда онъ слѣдуетъ Целлеру, онъ утверждаетъ, что «греческая ре-

¹⁾ Стр. 136.

лигія никогда не знала замкнутой касты жрецовъ»¹⁾ и «что боги были столь человѣчны и близки къ людямъ, что *жреческое сословіе* является не нужнымъ: идея *священства*, какъ богочеловѣческаго органа, особо освященнаго свыше, идея, столь неразрывно связанная съ мистическимъ понятіемъ жертвы, совершенно отсутствуетъ у грековъ»²⁾. Въ другомъ мѣстѣ, слѣдуя Лобекку, онъ говоритъ уже совершенно противное: онъ находитъ у грековъ, кромѣ обыкновенныхъ, еще и особенныхъ «жрецовъ, которые посредствомъ особыхъ заклинаний и тайныхъ жертвъ производили очистительные обряды, искупающіе грѣхи живыхъ и мертвыхъ»³⁾. На какомъ же изъ этихъ двухъ противоположныхъ мнѣній слѣдуетъ остановиться? Впрочемъ, рѣшеніе этого вопроса для насъ не представляетъ совершенно никакого интереса. Если у грековъ «отсутствовала идея священства, какъ богочеловѣческаго органа, освященнаго свыше», то значить у нихъ не было никакой «почвы, подготовившей идею христіанскаго священства»; съ другой стороны, еслибы даже не при помощи Лобекка, а на самыхъ непреложныхъ историческихъ основаніяхъ Трубецкому удалось доказать намъ, что у грековъ жречество существовало и было признаваемо «богочеловѣческимъ органомъ, освященнымъ свыше», то и тогда нельзя было бы поставить христіанство въ этомъ отношеніи въ генераціонную зависимость отъ греческаго язычества: даже люди не вѣрующіе въ богоучрежденность христіанскаго священства для уясненія факта его существованія, обыкновенно обращаются къ ветхозавѣтному іудейству и никогда не ставятъ его въ связь съ язычествомъ, считая первое болѣе естественнымъ и правдоподобнымъ.

11. *Ученіе древне-языческой религіи грековъ о воскресеніи мертвыхъ и загробной жизни.* Ученіе о воскресеніи мертвыхъ и загробной жизни князь Трубецкой выводитъ, собственно, не изъ народной древне-греческой религіи языческихъ грековъ,

1) Стр. 58. Ср. Zeller's I. стр. 44.

2) Стр. 113.

3) Стр. 122.

а изъ мистерій, которыя были доступны лишь немногимъ избраннымъ и въ частности изъ секты орфиковъ, которые, по словамъ нашего новаго философа ¹⁾, «развиваютъ особую (отъ народной) психологию, ученіе о душескитаніи, палингенезіи, о загробномъ мірѣ». Въ частности князь Трубецкой находитъ ²⁾ у грековъ тройное представленіе о загробномъ существованіи: 1) острова блаженныхъ, Элизіумъ героевъ-праотцевъ, лежащій за предѣлами небснаго Океана—*древнеарійское* представленіе, окрашивающее собою множество сказаній и мифовъ; 2) подземное жилище Аида или царство тѣней, гдѣ томатся приврачной живнію и добрые и злые—представленіе, чуждое индоевропейцамъ и близко напоминающее *шеолъ* семитовъ, и 3) вѣрованіе въ палингенезію,—представленіе о періодическомъ возрожденіи усопшихъ, ихъ возвращеніи къ новой жизни—исконно греческая (будто бы) идея, таившаяся во множествѣ мѣстныхъ культовъ и развившаяся въ мистеріяхъ и философіи. Самая цѣль мистерій, какъ совершеннаго культа, по словамъ Трубецкого ³⁾, есть именно «очищеніе, искупленіе отъ ада и вѣчныхъ узъ смерти, приобщеніе къ божественной жизни и грядущему блаженству. Посвященный дѣлается соотрапезникомъ боговъ... онъ имѣетъ *воскреснуть, вернуться къ жизни*. Мистерія — таинства упованія, *теурія воскресенія*». Впрочемъ, справедливымъ считаемъ отмѣтить, что князь Трубецкой не отождествляетъ христіанскаго ученія о воскресеніи мертвыхъ съ языческимъ представленіемъ грековъ и самъ указываетъ намъ различіе между ними какъ въ цѣли, такъ и въ самомъ понятіи *воскресенія*. «Въ языческомъ смыслѣ, говоритъ онъ ⁴⁾, это (т. е. воскресеніе мертвыхъ) есть простое *оживленіе вновь*, палингенезія... Воскресеніе въ христіанскомъ смыслѣ, напротивъ того, знаменуетъ собою полное погашеніе *«воспаленнаго круга жизни»*, конечное прекращеніе міроваго процесса, *сверхъестественное пре-*

1) Стр. 82.

2) Стр. 103.

3) Стр. 131.

4) Стр. 134—135.

ображеніе твари и совершенное пресуществленіе ея въ божественное тѣло». Если вы, читатель, исповѣдуете христіанскую религію, или, по крайней мѣрѣ, знакомы съ ея ученіемъ, то вы ясно увидите, что нѣтъ ничего общаго между христіанскимъ понятіемъ о воскресеніи мертвыхъ и тѣмъ, которое христіанству навязывается Трубецкимъ. Гдѣ, или когда христіанство учило, что воскресеніе мертвыхъ есть «конечное прекращеніе міроваго процесса», «полное погашеніе «воспаленнаго круга жизни», «совершенное пресуществленіе твари въ божественное тѣло?» Трубецкой самымъ беззастѣнчивымъ образомъ клевететь на христіанское вѣроученіе и хотеть превратить его ясный и точный смыслъ въ тотъ пантеистическій туманъ, которымъ онъ самъ охваченъ, благодаря своему увлеченію гегельянскою философіею. По христіанскому вѣроученію, воскресеніе изъ мертвыхъ есть дѣйствіе всемогущества Божія, по которому всѣ тѣла людей умершихъ, истлѣвшія, сгорѣвшія, или другимъ какимъ-либо образомъ временно уничтоженныя въ своемъ первоначальномъ видѣ, будутъ восстановлены снова, станутъ нетлѣнными и снова соединятся съ своими душами для блаженства вѣчнаго, или для вѣчнаго мученія, а тѣла людей, которые не умрутъ до страшнаго дня, измѣнятся мгновенно для того, чтобы праведникамъ вѣчно быть съ Господомъ; но никакого «совершеннаго пресуществленія ихъ въ божественное тѣло» христіанство не знало, не знаетъ и не будетъ знать уже потому, что Богъ есть чистѣйшій и совершеннѣйшій *духъ*, равно какъ христіанство не знаетъ и «конечнаго прекращенія міроваго процесса», потому что, по христіанскому ученію, кончины міра нельзя понимать въ смыслѣ его уничтоженія, а лишь въ смыслѣ измѣненія его посредствомъ огня изъ тлѣннаго въ нетлѣнный.

Послѣ сказаннаго уже легко можно судить и о томъ, насколько правъ князь Трубецкой, утверждая, что ученіе грековъ о переселеніи душъ—палингенезія—есть «естественное евангеліе грядущаго *воскресенія*» ¹⁾. Что греки раздѣляли мысль о безсмертіи души и загробной жизни,—въ этомъ никто не

¹⁾ Стр. 132.

можетъ сомнѣваться, объ этомъ дѣйствительно свидѣлствуютъ и мѣны грековъ объ островахъ блаженныхъ, о подземномъ жилищѣ Аида или царствѣ тѣней, и вѣрованіе грековъ въ переселеніе душъ. Этому не противорѣчитъ даже и неправильное представленіе древнихъ грековъ о душѣ, какъ только тѣни или привидѣнія. Но вѣдь отъ мысли о безсмертіи души до идеи воскресенія еще слишкомъ далеко. Такъ какъ душу и греки представляли безсмертною, которую гарпій и Гермесъ психопомпъ вырывали у умирающаго чело-вѣка, то понятіе о воскресеніи и у грековъ могло бы относиться только къ оживленію, возстановленію истлѣвшаго тѣла (а не души). Но у грековъ мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго. Души, живущія на островахъ блаженныхъ, какъ и въ подземномъ мірѣ Аида не соединяются съ своими прежними тѣлами; вѣрованіе въ переселеніе душъ также не тождественно съ вѣрованіемъ въ воскресеніе умершихъ: души умершихъ, по вѣрованію грековъ, переходятъ въ *другія* тѣла, а не соединяются съ своими прежними тѣлами. Слѣдовательно, здѣсь нѣтъ мысли о воскресеніи мертвыхъ. И у грековъ, не смотря на ихъ вѣрованіе въ безсмертіе души и существованіе загробнаго міра, дѣйствительно, не было никакого предчувствія объ идеѣ воскресенія мертвыхъ, никакого «естественнаго евангелія грядущаго воскресенія», а потому въ греческой языческой религіи не было и «ночвы, подготовившей христіанство» къ догмату о всеобщемъ воскресеніи; таинственное предуказаніе на эту истину можно найти только въ ветхозавѣтномъ Откровеніи.

12. *Ученіе древне-языческой религіи грековъ о сотвореніи міра.* Представленіе древне-языческихъ грековъ о происхожденіи міра князь Трубецкой также стремится сблизить съ представленіемъ библейскимъ. «Изъ первоначальнаго Хаоса, говоритъ Трубецкой ¹⁾, выходитъ Земля (Гея) и Эросъ (любовное влеченіе) первый изъ безсмертныхъ, затѣмъ Ночь и Эребъ (мракъ), которые совокупаются и рождаютъ День и Эфиръ. Земля рождаетъ сначала Небо (Уранъ), потомъ безъ его помощи горы

¹⁾ Стр. 55.

и бесплодную *пучину морскую* (*ἀτρυγέτων πέλαγος*), изъ которой образуется *море* (*πόντος*). Затѣмъ Земля совокупляется съ Небомъ и порождаетъ *Океанъ*—рѣку и Теиду, его женскую половину: Океанъ—источникъ прѣсной, живой воды земной и небесной. Изъ того же союза Неба и Земли, Урана и Геи родилось еще пять паръ боговъ, олицетворяющихъ собою нѣкоторыя космическія силы природы и вмѣстѣ разнообразныя формы звѣзднаго міра, преимущественно солнца—наиболѣе великой творческой міровой силы». «Мы, заключаемъ князь ¹⁾, находимъ здѣсь такимъ образомъ *приблизительно* тѣ же космогоническія начала, что и у другихъ народовъ: начальный хаосъ, изъ котораго выдѣляется пустая и безвидная земля, тьма надъ бездною (?) и первый изъ боговъ Эросъ, духъ (?), носящійся надъ хаосомъ, (?) совокупающій обособившіяся стихіи. День и Эяръ, твердь небесная, горы и воды, астральныя силы *создаются* (?) другъ за другомъ»... Человѣкъ, по ученію грековъ, какъ представляетъ его Трубецкой ²⁾, сталъ живымъ существомъ только потому, что въ него вложено было *дыханіе жизни, spiritus vitalis, особаго рода вѣтеръ, или воздухъ*».

Представленное такимъ образомъ воззрѣніе грековъ на происхожденіе міра, дѣйствительно близко подходило бы къ библейскому повѣствованію о твореніи міра. Но, къ сожалѣнію, князь Трубецкой изложилъ его и фантастично, и не научно. Фантастичнымъ мы называемъ его потому, что сказанное Трубецкимъ въ выводѣ не вытекаетъ изъ его же собственныхъ посылокъ. Въ самомъ дѣлѣ, откуда это въ выводѣ князя вдругъ взялась «тьма надъ бездною?» Какимъ это образомъ, помимо Хаоса и Геи, Эросъ обращается въ перваго изъ боговъ и даже превращается прямо въ *духа, носящагося надъ хаосомъ* и т. д. Ничего подобнаго нѣтъ ни у Гомера, ни у Гезіода, ни даже въ томъ изложеніи греческаго космогоническаго воззрѣнія на происхожденіе міра, которое раньше представлялъ самъ Трубецкой. Все это явилось въ книгѣ нашего молодого

¹⁾ Стр. 56.

²⁾ Стр. 104.

ученаго лишь вслѣдствіе его фантастическаго желанія приблизить космогоническія представленія грековъ къ библейскому ученію, и князь повтому пользуется не Гомеромъ или Гезіодомъ, а прямо библіею, излагая ученіе грековъ о происхожденіи міра словами 2-го стиха 1-й главы книги Бытія: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма надъ бездною; и Духъ Божій носился надъ водою». (У Трубецкого: «выдѣляется пустая и безвидная земля, тьма надъ бездною и первый изъ боговъ, Эрость, духъ, носящійся надъ хаосомъ», стр. 56). Но кто желаетъ быть объективно-научнымъ, тотъ долженъ ученіе библейское о происхожденіи міра излагать словами Библии, а ученіе древне-языческихъ грековъ—словами Гомера, Гезіода и др. Противоположный способъ изложенія можетъ быть названъ только фантастичнымъ. Князь Трубецкой, по всей вѣроятности, знаетъ объ этомъ или, по крайней мѣрѣ, долженъ бы знать.

Далѣе, мы назвали изложеніе князя Трубецкого космогоническихъ воззрѣній древне-языческихъ грековъ не научнымъ, и оно, дѣйствительно таково. Судя по всему, князь Трубецкой составилъ себѣ представленіе о древней космогоніи грековъ только на основаніи сочиненія, приписываемаго обыкновенно Гезіоду и извѣстнаго подъ названіемъ *Θεογονία*, и не обратилъ никакого вниманія на самый древнѣйшій источникъ греческихъ вѣрованій и умопредставленій—на пѣснопѣнія Гомера; а чрезъ это его книга теряетъ слишкомъ много въ своемъ научномъ значеніи, такъ какъ пѣснопѣнія Гомера при изученіи жизни и вѣрованій древнѣйшихъ грековъ гораздо болѣе цѣнны, чѣмъ произведенія Гезіода. По единогласному признанію ученыхъ, Гезіодъ жилъ болѣе, чѣмъ на сто лѣтъ позднѣе Гомера,—это разъ; во-вторыхъ, приписываемое ему сочиненіе—*Θεογονία* уже Павзаній, столь уважаемый Трубецкимъ писатель древности, опираясь на преданіе храмовыхъ путеводителей при Геликонѣ, объявилъ поддѣльнымъ. И многіе повѣйшіе изслѣдователи вполне раздѣляютъ это мнѣніе, относя Теогонію Гезіода къ Пизистратовой эпохѣ поддѣлокъ и видя въ немъ агрегатъ различныхъ составныхъ частей ¹⁾. Слѣдовательно, обѣщая сво-

¹⁾ Ср. Любера, Реальный Словарь классической древности, стр. 481.

имъ читателямъ представить космогоническія воззрѣнія *древнѣйшихъ* грековъ, Трубецкой не сдержалъ своего слова и за древнѣйшія воззрѣнія выдалъ лишь представленія, раздѣляемыя въ V или VI вѣкахъ (Пялистратъ жилъ около 560 г. до Р. X.) нѣкоторыми греками, тогда какъ, пользуясь пѣснопѣніями Гомера, онъ познакомилъ бы насъ съ греческими воззрѣніями IX или даже X вѣха до Р. X. ¹⁾ и притомъ болѣе народными, чѣмъ какія онъ заимствовалъ у Гезіода, такъ какъ пѣснопѣнія Гомера были извѣстны всему греческому народу (ихъ знали даже наизусть), а Теогонія Гезіода была достояніемъ лишь немногихъ. Наконецъ, проходя полнымъ молчаніемъ Гомера и излагая космогоническія воззрѣнія грековъ по одному Гезіоду, Трубецкой легко могъ ввести въ заблужденіе своихъ довѣрчивыхъ читателей, которые могли придти къ заключенію, что греки только и ограничивались тѣми космогоническими воззрѣніями, какія приведены въ книгѣ Трубецкого; тогда какъ въ дѣйствительности эти представленія у грековъ даже не были всеобщими; греки въ своей массѣ раздѣляли воззрѣнія, воспроизведенныя въ пѣснопѣніяхъ Гомера; а эти воззрѣнія не только суть самыя древнія, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершенно иныя, даже противоположныя тѣмъ, которыя изложилъ Трубецкой. Чтобы показать, какой промахъ въ этомъ случаѣ сдѣлалъ нашъ молодой ученый, мы остановимъ на нѣкоторое время вниманіе своихъ читателей на тѣхъ космогоническихъ воззрѣніяхъ, которыя мы встрѣчаемъ въ пѣснопѣніяхъ Гомера.

По изложенію Трубецкого, основанному на Теогоніи Гезіода, какъ мы видѣли, изъ Хаоса произошла Земля (Гея), которая затѣмъ уже произвела Небо, горы, морскую пучину, море и, наконецъ, въ соединеніи съ Небомъ, — *Океанъ*. По Гомеру, происхожденіе міра представляется совершенно противоположнымъ образомъ. У Гомера началомъ всѣхъ вещей

¹⁾ По словамъ Кратеса Пергамскаго Гомеръ жилъ до переселенія Гераллядовъ; по Геродоту—за 400 лѣтъ до него, т. е., около 854 г. до Р. X. Срв. Любкера Реальный Словарь, стр. 491.

является *Океанъ*. Въ XIV пѣсни Иліады, стихъ 245 говоритъ Сонъ усладитель:

...«усыплю я и самыя волны
Древней рѣки *Океана*, отъ коего все родилось».

А въ XXI пѣсни той же Иліады, стихъ 195 это мировое начало характеризуется уже такими чертами:

...«Могуществомъ страшный, сѣдой *Океанъ* безпредѣльный;
Тотъ, изъ котораго вслѣдъ источникъ, и всякое море,
Рѣки, ключи и глубокіе кладязи всѣ истекаютъ»...

Итакъ, сѣдой *Океанъ* безпредѣльный, это вмѣстилище водъ, страшное своимъ могуществомъ для прибрежныхъ обитателей, грековъ, есть начало Понта (моря), рѣкъ, источниковъ и всѣхъ вещей. Вѣрить Гомеру и считать такое представленіе у грековъ, дѣйствительно, самымъ древнѣйшимъ мы имѣемъ основаніе съ одной стороны, въ силу сходства древнѣйшаго греческаго міровоззрѣнія и мифологіи, съ мифологіею восточныхъ народовъ и въ частности—индійцевъ, а съ другой стороны—и въ силу того, что древнѣйшіе греки, какъ справедливо замѣчаетъ и переводчикъ Иліады—Гнѣдичъ¹⁾, дѣйствительно смотрѣли на воду или вообще на влажность, какъ на непосредственное начало міроваго процесса (Фалесъ, Гиппонъ). Что у Гомера мы имѣемъ дѣло именно съ народными воззрѣніями, это доказывается и представленною у него постепенностью развитія космогоническихъ представленій, вполне согласно съ постепенностію развитія народнаго сознанія. У него боги являются на свѣтъ не за одинъ разъ, какъ у Гезіода, а въ три періода или въ «три рожденія». Такъ какъ изъ воды или влаги, очевидно, уже и грекамъ казалось невозможнымъ произвести твердыя тѣла, то рядомъ съ *Океаномъ* ихъ фантазія допустила существованіе еще одного начала—богини *Фетиды* (у Трубецкого—*Теида*). Отъ этихъ боговъ произошли такъ называемые титаны и такія неопредѣленные божества, какъ *Гелиосъ*, *Гиперіонъ*, *Персей*, сторукий *Эгеонъ* и друг. Это—первое рожденіе. Всѣ эти боги суть мрачныя, общія и

¹⁾ Иліада, часть II, стр. 56; примѣч.

смѣшанныя еще стихіи природы. Если можно такъ далеко простереть мысль свою назадъ, то, дѣйствительно, человѣка на первой ступени его развитія и нельзя представлять себѣ иначе, какъ именно съ этими мрачными, общими, неопредѣленными представленіями. Такимъ образомъ, какъ и слѣдовало ождать, космогоническій взглядъ грековъ вышелъ изъ общихъ и неопредѣленныхъ идей.

Произведши самыя общія міровыя стихіи, Океанъ и Тетида перестали рождать дѣтей.

«Долго любезныя сердцу, объятій и брачнаго ложа

«Долго чуждаются боги (Океанъ и Тетида), вражда нѣтъ вселилася въ души»

говорить у Гомера богиня Гера о своихъ предкахъ, Ил. XIV, 206 и 207; тоже самое повторяетъ она и въ ст. 306 и 307 той же пѣсни. Это, очевидно, переходной пунктъ ко второй ступени или ко «второму рожденію» въ длинномъ процессѣ развитія греческой мѣологии. Нерожденіе богами дѣтей указываетъ здѣсь, безъ сомнѣнія, на то, что младенецъ—народъ еще долгое время удовлетворялся общими космогоническими представленіями. Его пока занималъ только одивъ вопросъ: «откуда?» и отвѣтъ: «изъ воды, изъ Океана» долго казался еще ему вполне удовлетворительнымъ. Но вотъ рождается новое поколѣніе грековъ, которое на вопросъ: «откуда?» получивъ отвѣтъ отъ своихъ отцовъ, задается другимъ вопросомъ: «какъ?» Какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ можетъ нѣчто произойти изъ воды? Какъ возможна вообще индивидуальность? Но индивидуальность, очевидно, можетъ быть мыслима только при предположеніи пространства и времени. Слѣдовательно являются необходимыми боги: Ураносъ, Гея (т. е., небо и земля, какъ интуитивныя представленія абстрактной формы пространства) и Хроносъ (*время*, какъ интуитивное представленіе формы послѣдовательности явленія индивидуумовъ—времени). Это вторая ступень въ развитіи греческой космогоніи, «второе рожденіе» боговъ. Сюда же принадлежатъ и такія божества, какъ Гапетосъ и Рея. Наконецъ, развиваясь далѣе, понятіе индивидуальности непременно должно достигнуть *личнаго бытія* или, по крайней мѣрѣ, того состоянія, которое обыкно-

венно философы называютъ «самостью» индивидуума и въ силу котораго одинъ индивидуумъ не только не смѣшивается съ другими индивидуумами, но имѣетъ уже и извѣстную степень самостоятельнаго дѣйствія на другихъ, имѣетъ уже опредѣленную сферу дѣятельности, рядъ феноменовъ, котораго онъ является первымъ членомъ или причиною. Такому состоянію народнаго развитія въ греческой космогоніи Гомера соотвѣтствуетъ третья ступень или «третье рожденіе» боговъ. Хроносъ вступилъ въ связь съ Реєю и отъ нихъ произошелъ Зевсъ, съ двумя своими братьями Посейдономъ и Гадесомъ и сестрою Герою. Эти три послѣдніе боги низринули старыхъ въ тартаръ и господство надъ вселенной раздѣлили между собою. Такимъ образомъ, Зевсъ сталъ владыкою воздуха и неба, Посейдонъ повелителемъ морей, а Аидъ получилъ скипетръ надъ царствомъ тѣней. Зевсъ взялъ себѣ въ супруги сестру свою Геру, а также Лету и Діону, отъ которыхъ родились слѣдующія дѣти: Аеипа, Аполлонъ и Артемида, Аресь и Гефестъ, Афродита, Гермесъ, Геба, и др.

Послѣ сказаннаго, на основаніи пѣснопѣній Гомера, необходимо такимъ образомъ предположить, что развитіе греческой космогоніи и мифологіи пло рука объ руку съ развитіемъ самаго греческаго народа и въ самомъ же народѣ. Конечно, нельзя сказать того, чтобы въ каждый данный моментъ весь греческій народъ держался однихъ и тѣхъ же космогоническихъ воззрѣній. Вѣрнѣе всего, что эти воззрѣнія всегда были смѣшанны въ народѣ, такъ что въ одно и тоже время одни придерживались еще перваго рожденія, другіе—второго, а болѣе развитые—третьяго, потому что въ противномъ случаѣ, т. е., еслибы весь народъ шелъ равномѣрно въ своемъ развитіи космогоническихъ представленій, изъ всѣхъ этихъ рожденій сохранилось бы у народа только послѣднее, такъ какъ при существованіи третьяго, два первыхъ оказываются ненужными и излишними, а потому и до насъ не дошло бы о нихъ никакихъ свѣдѣній. Отсюда же объясняется и то, какимъ образомъ могли существовать только мѣстные культы нѣкоторымъ божествамъ или почему Діону, напр. Гомеръ называетъ только *Дидонскою*.

И такъ, вотъ какое представленіе на основаніи пѣснопѣвнѣ Гомера мы можемъ себѣ составить о космогоническихъ воззрѣніяхъ древнѣйшихъ грековъ. Послѣ этого читатель самъ можетъ судить, насколько мы были въ правѣ назвать ненаучнымъ, предложенное намъ Трубецкимъ представленіе космогоническихъ воззрѣній грековъ, — воззрѣній, совершенно отличныхъ, даже иногда противоположныхъ воззрѣніямъ, воспѣтымъ у Гомера. Почему же ни слова не сказано объ Эростѣ, «этомъ первомъ изъ бессмертныхъ боговъ», этомъ «духѣ, носившемся надъ хаосомъ», какъ представляетъ намъ его Трубецкой въ параллель, безъ сомнѣнія, съ Библіею? Потому, что ни слова нигдѣ не сказано о немъ Гомеръ. Гомеръ еще не знаетъ этого бога. А это новое доказательство, что вмѣсто древнѣйшихъ греческихъ воззрѣній князь Трубецкой представляетъ намъ болѣе позднія.

Что же это за богъ—Эростъ? Такъ какъ Гомеръ еще ни слова не говоритъ намъ объ этомъ богѣ, то, по необходимости, приходится обратиться къ позднѣйшимъ поэтамъ. У позднѣйшихъ же поэтовъ Эростъ или Эроть ("Ερως "Ερος) римскій—Амуръ, Купидонъ—является самымъ юнымъ изъ боговъ. Это прелестный мальчикъ, не то отрокъ, — хитрый и плутоватый, жестокой мучитель людей и боговъ, онъ не даетъ пощады даже Зевсу и собственной матери Афродитѣ. Вооруженный лукомъ и колчаномъ со стрѣлами, онъ порхаетъ на золотыхъ крылышкахъ и ранитъ все живущее на землѣ и на небѣ, въ морѣ и въ подземномъ мірѣ. Его родителями считаются обыкновенно Арестъ и Афродита, иногда Зевсъ и Афродита, Гермесъ и Афродита, Зефиръ и Ирида, иногда поэты замѣчаютъ, что родители его неизвѣстны или — что у него есть только мать, а отца нѣтъ и т. д. Эроть былъ не только богъ любви между двумя полами, но также богъ любви и дружбы между мужчинами, между мужчинами и юношами или мальчиками ¹⁾. Этого-то божка и явилась у Трубецкаго фантазія поставить въ параллель съ «Духомъ Божиимъ, носившимся надъ водою» предъ сотвореніемъ міра! Правда, у Гезіода, на основаніи Теогоніи

¹⁾ Срв. Любкера Реальный Словарь классической древности, стр. 378.

котораго Трубецкой составилъ себѣ представленіе о космогоническихъ воззрѣніяхъ грековъ, Эротъ отнесенъ къ числу древнѣйшихъ, еще стихійныхъ божествъ на ряду съ Хаосомъ и Тартаромъ и дѣйствительно представляется какъ-бы тою объединительною и связующею силою, которая создала и привела въ гармоническій порядокъ всѣ существа міра. Но Трубецкому слѣдовало бы имѣть въ виду, что такое воззрѣніе у грековъ могло явиться только въ болѣе позднія времена путемъ заимствованія его отъ другихъ народовъ или путемъ вліянія даже прямо писаній ветховавѣтнаго іудейства, которыми греки настолько интересовались, что даже вынуждены были добиться перевода ихъ на свой языкъ. Трубецкому не слѣдовало бы оставлять безъ вниманія, съ одной стороны полное отсутствіе этого воззрѣнія у Гомера, а съ другой стороны, — болѣе позднее (сравнительно) происхожденіе Теогоніи, приписываемой Гезіоду.

Читатель можетъ педоумѣвать, какимъ образомъ мы не соглашаемся съ Трубецкимъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ говоритъ, повидимому, въ пользу богооткровенныхъ истинъ. Въ отвѣтъ на это мы должны сказать, что богооткровенныя истины слишкомъ непреложны для того, чтобы «безъ разбора» принимать свидѣтельства, изъ какого бы источника они ни происходили и какъ бы искусственно они ни были составлены. Что касается въ частности воззрѣнія древне-языческихъ грековъ на происхожденіе міра, то, конечно, въ немъ легко можно находить нѣкоторые проблески Богооткровенной истины, хотя съ другой стороны нельзя не сказать и того, что эта Богооткровенная истина настолько омрачена грубыми языческими представленіями, что изъ нея исчезло уже даже самое главное: непосредственный творческій актъ — «рече Богъ: да будетъ! — и было!» Не всемогущій Богъ творитъ міръ, по представленіямъ грековъ, а міръ какъ-то самъ собою происходитъ и творитъ боговъ.

Бросая общій взглядъ на все то, что сказано Трубецкимъ о древне-греческой языческой религіи и ея міеологіи, мы къ сожалѣнію, должны сказать, что нашъ молодой ученый не сдер-

жалъ своего обѣщанія. Если припомнить читатель, князь Трубецкой обѣщалъ намъ показать въ древней религіи грековъ «метафизику до философіи»,—и ничего этого не сдѣлалъ, ибо вельзя же считать метафизикою до философіи тѣ жалкіе отрывки миеовъ, которые онъ сообщаетъ намъ въ своей книгѣ. Самая религія древнихъ грековъ и ихъ миеологія раскрыты княземъ въ такомъ жалкомъ видѣ, что его изложеніе почти не превосходитъ по своему объему и достоинству порядочнаго школьнаго учебника. Но и это изложеніе не имѣетъ никакого научнаго значенія, потому что князь пользовался источниками, которые въ глазахъ истиннаго ученаго не могутъ заслуживать особеннаго вниманія и не имѣютъ никакой цѣны. Писатели 4-го или 5-го вв. по Р. Х. и притомъ писатели явно тенденціозные, не авторитетные даже въ глазахъ своихъ современниковъ, у князя Трубецкого, какъ мы не разъ имѣли случай отмѣтить, занимаютъ нерѣдко самыя видныя мѣста и изъ нихъ то князь черпаетъ свои свѣдѣнія о древнѣйшей *до-христіанской* религіи грековъ!

Непріятное впечатлѣніе производитъ на читателя книга князя Трубецкого своею тенденціозностію и на каждой страницѣ проявляющеюся предвзятостію мысли. Даже читатель, не особенно вникающій въ смыслъ книги, не можетъ не замѣтить, что хотя авторъ ея и говоритъ о религіи грековъ, но ему вовсе не нужна эта религія сама по себѣ, хотя онъ, по видимому, намѣренъ искать въ миеологіи грековъ только «метафизику до философіи», но не къ философіи, собственно, лежитъ его сердце. Въ концѣ своего изслѣдованія авторъ, впрочемъ, какъ мы сказали уже, чистосердечно сознается предъ читателемъ, что послѣдній не обманулся, что, дѣйствительно, ни религія грековъ сама по себѣ, ни миеологія ихъ, какъ «метафизика до философіи» не интересовали автора, что въ греческомъ язычествѣ онъ на самомъ дѣлѣ искалъ только «*христіанства до христіанства*», чтобы чрезъ это уяснить намъ «судьбу и значеніе натурализма *отъ христіанства*», къ чему побудили его современное «всеобщее господство субъективнаго протестантскаго раціонализма и спиритуалистическаго икопоборства». Послѣ сказаннаго нами доселѣ, мы не можемъ

видѣть въ этихъ легкомысленныхъ словахъ князя Трубецкого ничего другого, кромѣ саркастическаго глумленія надъ Православною Церковію. Трубецкой принималъ завѣдомую ложь враговъ христіанскихъ, чтобы доказать намъ, что у грековъ будто бы были идолы явленные, чудотворные, муроточивые и т. д., — и на этомъ основаніи онъ хочетъ оправдывать истинность христіанскаго догмата о иочитаніи св. иконъ! Не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло или съ постыднымъ глумленіемъ надъ Православною Церковію, или съ человѣкомъ, лишеннымъ здраваго разсудка. Далѣе, — въ греческомъ язычествѣ князь Трубецкой ищетъ «христіанства до христіанства» и находитъ будто бы въ немъ «религіозные элементы» *по существу* тождественные съ религіозными элементами христіанства. И что же? Указывалъ въ пьяномъ и безправственномъ Бахусѣ «образъ *рядущаго* Богочеловѣчества», онъ думаетъ этимъ заставить современныхъ раціоналистовъ увѣровать въ богооткровенность христіанской религіи ¹⁾. Ну, есть ли здѣсь какой-либо здравый смыслъ, если не признавать глумленія надъ истинами, составляющими самую основу христіанской религіи?

Наконецъ «исслѣдованія» князя Трубецкого въ области древне-греческой языческой религіи поражаютъ насъ своею крайнею односторонностію. Если нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ, желательныхъ князю, на основаніи дѣйствительно древнихъ, по крайней мѣрѣ, до христіанскихъ писателей, нашъ авторъ, слѣдуя своимъ столь же тенденціознымъ, какъ и онъ, французскимъ руководителямъ, охотно обращается за помощію, какъ мы видѣли, къ писателямъ позднѣйшаго времени, жившимъ уже нѣсколько вѣковъ спустя послѣ Р. Х. и явно враждебнымъ христіанству, каковы писатели царствованія богоотступника Юліана; но нигдѣ, ни одинаго раза не обратился онъ къ древнѣйшимъ писателямъ христіанскимъ или — по крайней мѣрѣ — невраждебнымъ христіанству; а между тѣмъ у этихъ писателей онъ нашелъ бы весьма богатый и полный истиною научнаго значенія матеріалъ для уясненія различныхъ

¹⁾ Стр. 149.

сторонѣ религиозной жизни греко-римскаго міра. Желая выяснитъ своимъ читателямъ «взаимное отношеніе» между древне-греческимъ язычествомъ и христіанствомъ ¹⁾, князь Трубецкой не захотѣлъ даже выслушать свидѣтельства такихъ людей, какъ апостолы, которые лично были непосредственными свидѣтелями того, какъ первоначально выразилось это «взаимное отношеніе» двухъ религій и какую почву для христіанства въ дѣйствительности подготовило греческое язычество,—этотъ «мостъ, посредствомъ котораго», какъ говоритъ князь Трубецкой ²⁾, «культурное образованное язычество перешло къ христіанству». А между тѣмъ выслушать свидѣтельство апостоловъ было бы необходимо для всякаго, желающаго все-сторонне и съ безпристрастіемъ истиннаго ученаго изслѣдовать вопросы, такъ прямо поставленные нашимъ молодымъ философомъ. Апостольскій голосъ въ этомъ отношеніи весьма поучителенъ. Такъ,—князь Трубецкой на основаніи крайне сомнительныхъ данныхъ утверждаетъ, что у древнихъ грековъ идея страждущаго, растерзаннаго божества была весьма распространена, какъ идея «грядущаго Богочеловѣчества», а ап. Павелъ, самъ лично проповѣдывавшій языческимъ грекамъ, утверждаетъ, что эта идея была совершенно чужда греческому язычеству и что поэтому его проповѣдь о распятомъ Богочеловѣкѣ была «для Еллиновъ безуміемъ» (1 Кор. 1, 23),—слѣдовательно, по ап. Павлу, греческое язычество во все не давало никакой «почвы для христіанства» и не было тѣмъ «мостомъ, посредствомъ котораго культурное, образованное язычество перешло къ христіанству». Отчего князь Трубецкой не коснулся этого апостольскаго свидѣтельства, даже только какъ всторического факта? Быть можетъ, по мнѣнію князя, свидѣтельство ап. Павла не согласно съ истиною? Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы показать и доказать, въ чемъ состоитъ его невѣрность исторической правдѣ и что побудило св. проповѣдника истины дать такое свидѣтельство. Второй примѣръ. Князь Трубецкой утверждаетъ, что древне-языческіе греки вѣровали

¹⁾ Стр. 149.

²⁾ Ibid.

въ воскресеніе мертвыхъ, онъ нашель у нихъ даже цѣлое «естественное евангеліе грядущаго воскресенія». А св. писатель Книги апостольскихъ дѣяній, уже не Павелъ, а Лука, самъ грекъ и притомъ обладавшій свѣдѣніями болѣе другихъ, ибо былъ врачъ, а по предацію, — еще и живописецъ, утверждаетъ совершенно противное. Именно, — онъ рассказываетъ (Дѣян. XVII, 31. 32), что когда ап. Павелъ проповѣдывалъ аеинянамъ среди Ареопага о страшномъ судѣ и воскресеніи умершихъ, то «услышавъ о воскресеніи мертвыхъ, одни насмѣхались, а другіе говорили: «объ этомъ послушаемъ тебя въ другое время». На основаніи этого мѣста нужно думать, что язычники — греки не только не вѣровали въ воскресеніе мертвыхъ, какъ мы и доказали это, но что самая мысль о воскресеніи казалась имъ пустою, на обсужденіе которой не слѣдовало даже тратить времени, и неразумною, такъ что надъ нею находили справедливымъ даже насмѣхаться. Князь Трубецкой почему-то нашель нужнымъ пройти молчаніемъ и это свидѣтельство уже другого священнаго писателя. Такое поведеніе должно быть названо, по меньшей мѣрѣ, не научнымъ.

Свящ. Т. Буткевичъ.

(Окончаніе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Февраля № 3. 1891 года.

Содержаніе. Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности Харьковской епархіи за 1889—90 учебный годъ.—Свѣдѣнія о состояніи Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1890 г.—Поступленія суммъ въ высшеозначенный Комитетъ въ теченіе января мѣсяца 1891 года.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ благочиннаго 3-го округа Старобѣльскаго уѣзда.—Извѣстія и записки.—Объявленія.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности Харьковской епархіи за 18⁸⁹/₉₀ учебный годъ.

I.

1) Пространство Харьковской епархіи, по топографической картѣ, составляетъ 46230¹/₁₀ квадр. версты. Въ отчетномъ году всѣхъ жителей въ епархіи православнаго исповѣданія, за исключеніемъ пловѣрцевъ, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ отдѣленіями Харьковскаго Епархіальнаго училищнаго совѣта, состояло: мужскаго пола 1065231, женскаго 1063111, всего 2128342.

2) Дѣтой школьнаго возраста (отъ 7 до 14 лѣтъ), православнаго исповѣданія, числилось: мальчиковъ 180747, дѣвочекъ 177778 всего 358525.

3) Всѣхъ приходо въ епархіи, раздѣленныхъ на 34 благочинническихъ округа, состояло .770, въ томъ числѣ: а) приходо съ населеніемъ отъ 2000 душъ мужскаго пола и выше 118, б) отъ 700 до 2000 душъ—536 и в) до 700 душъ 116.

4) Всѣхъ церковно-приходскихъ школъ въ епархіи числилось 130, въ томъ числѣ: 1) въ городѣ Харьковѣ—8, 2) въ Харьковскомъ уѣздѣ—11, 3) въ Ахтырскомъ—8, 4) въ Богодуховскомъ—11, 5) въ Валковскомъ—5, 6) въ Волчанскомъ—5, 7) въ Зміевскомъ—9, 8) въ Изюмскомъ—13, 9) въ Купянскомъ—15, 10) въ Лобединскомъ—4, 11) въ Старобѣль-

скомъ—30, 12) въ Сумскомъ—12 *); школъ грамотности въ епархіи было 58 (Свѣдѣніи о мѣстонахожденіи школъ грамотности показаны ниже. См. п. X отчета).

5) Начальныхъ народныхъ училищъ, содержимыхъ земствомъ, обществами и частными лицами состояло 589; кромѣ названныхъ училищъ въ предѣлахъ Харьковской губерніи были еще учебныя заведенія другихъ вѣдомствъ, а именно: а) училищъ министерства внутреннихъ дѣлъ 2, б) школъ вѣдомства главнаго управленія государственнаго коннозаводства 4 и в) училища при евангелическо-лютеранской церкви 1.

6) Изъ 770 приходоу, кои состоятъ въ предѣлахъ Харьковской епархіи, не имѣютъ вовсе школъ духовнаго вѣдомства 582 прихода по нижеслѣдующимъ причинамъ: 1) за отсутствіемъ помѣщеній для школьныхъ занятій, 2) по недостатку средствъ мѣстныхъ обывателей и 3) наконецъ, потому, что въ большей части этихъ приходоу уже существуютъ земскія или министерскія школы, поддерживаемыя, между прочимъ, средствами мѣстныхъ населеній.

7) Всѣхъ учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамотности было 5960 человекъ, въ томъ числѣ: а) въ церковно-приходскихъ школахъ: аа) мальчиковъ 3991, бб) дѣвочекъ 458; б) въ школахъ грамотности: аа) мальчиковъ 1351, бб) дѣвочекъ 160. (По сравненіи съ предшествующимъ учебнымъ годомъ болѣе на 1141).

Учащихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ и школахъ, упомянутыхъ вѣдомствъ было 40908, въ томъ числѣ: мальчиковъ 33593 и дѣвочекъ 7315. Всѣ учащиеся въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамотности—вѣроисповѣданія православнаго. Въ числѣ учащихся въ школахъ министерскихъ, земскихъ и другихъ вѣдомствъ 40540 человекъ, православнаго исповѣданія и 368 человекъ, инославныхъ исповѣданій, а именно: римско-католическаго исповѣданія 98, протестантскаго—60, иудейскаго—165 и иныхъ исповѣданій—45 человекъ.

8) Изъ 188 школъ духовнаго вѣдомства, существующихъ въ предѣлахъ Харьковской епархіи: а) школъ смѣшанныхъ (для мальчиковъ и дѣвочекъ вмѣстѣ)—147, б) школъ исключительно для мальчиковъ—41.

9) Въ отчетное время въ школы, вовсе безъ обученія, оставалось 312064 человека школьнаго возраста, въ томъ числѣ мальчиковъ 142212 и дѣвочекъ 169852.

II.

1) Въ Харьковской епархіи за отчетное время раскольниковъ было 5684, а пнозвѣрцевъ—25843 человека.

*) Въ истекшемъ учебномъ году, по разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ были временно прекращены занятія въ трехъ школахъ епархіи: Стрѣлецкой Харьк. у., Алисовской Изюмскаго у. и Мезеновской Ахтырскаго уѣзда.

По уѣздамъ раскольники распредѣляются такъ:

№ по порядку.	Городъ Харьковъ и уѣзды.	Раскольник.		Всего.	Иновѣрцевъ.		Всего.
		мужч.	женщ.		мужч.	женщ.	
1	Въ городѣ Харьковѣ . .	12	15	27	11115	11076	22191
2	„ Харьковскомъ уѣздѣ . .	450	358	808	76	89	165
3	„ Ахтырскомъ „ . .	—	—	—	476	373	849
4	„ Богодуховскомъ „ . .	21	8	29	167	153	320
5	„ Валковскомъ „ . .	91	84	175	138	122	260
6	„ Волчанскомъ „ . .	900	937	1837	54	48	102
7	„ Змиевскомъ „ . .	596	633	1229	127	124	251
8	„ Изюмскомъ „ . .	38	35	73	27	25	52
9	„ Купянскомъ „ . .	259	302	561	201	196	397
10	„ Лебедянскомъ „ . .	—	—	—	168	155	323
11	„ Старобѣльскомъ „ . .	404	409	813	7	5	12
12	„ Сумскомъ „ . .	71	61	132	506	415	921
Итого . .		2842	2842	5684	13062	12781	25843

Раскольники проживаютъ въ нижеслѣдующихъ приходахъ епархіи: въ городѣ Харьковѣ: при Благовѣщенской церкви—мужчинъ 1, женщинъ 1, всего 2; при Архангело-Михайловской церкви—мужчинъ 3, женщинъ 4, всего 7; при Троицкой церкви—мужчинъ 8, женщинъ 10, всего 18; въ Харьковскомъ уѣздѣ: въ заштатномъ городѣ Золочевѣ при Успенской церкви—мужчинъ 6, женщинъ 4, всего 10; въ слоб. Деркачахъ при Рождество-Богородичной церкви—мужчинъ 1; въ слоб. Уды при Рождество-Богородичной церкви—муж. 18, жен. 92, всего 110; въ слоб. Демонтьевкѣ при Успенской церкви—муж. 18, жен. 15, всего 33; въ слоб. Казачьей Лопани при Архангело-Михайловской церкви—муж. 32, жен. 31, всего 63; въ хуторѣ Казачкѣ при Николаевской церкви—муж. 283, жен. 215, всего 498; въ слоб. Русской Лозовой при Николаевской церкви—муж. 2, жен. 1, всего 3; въ Богодуховскомъ уѣздѣ: въ селѣ Рублевкѣ при Успенской церкви—муж. 21, жен. 8, всего 29; въ Валковскомъ уѣздѣ: въ селѣ Ковяги при Рождество-Богородичной церкви—муж. 64, жен. 63, всего 127; въ селѣ Свѣжковомъ Кутѣ при Предтеченской церкви—муж. 5, жен. 5, всего 10; въ городѣ Ваакахъ: при Георгіевской церкви—муж. 13, жен. 10, при Рождество-Богородичной церкви—муж. 9, жен. 6, всего 38; въ Волчанскомъ уѣздѣ: въ селѣ Пятицкомъ при Христо-Рождественской церкви—муж. 11, жен. 6, всего 17; въ слоб. Большой Бабкѣ:—муж. 24, жен. 24, всего 48; въ слоб. Варваровкѣ при Варваровской церкви—муж. 93, жен. 106, всего 199; въ селѣ Рубленомъ при Покровской церкви—муж. 119, жен. 128, всего 247; въ слоб. Козинкѣ при Архангело-Михайловской церкви—муж. 29, жен. 27, всего 56; въ слоб. Ольховаткѣ при Георгіевской церкви—муж. 450, жен. 453, всего 903; въ хут. Гра-

ченкѣ—муж. 121, жен. 137, всего 258; въ селѣ Благодатномъ при Благовѣщенской церкви—муж. 46, жен. 46, всего 92; въ слоб. Новѣ-Въгородѣ при Преображенской церкви—муж. 7, жен. 10, всего 17; въ Змиевскомъ уѣздѣ: въ заштатномъ городѣ Чугуовѣ: при Покровской церкви—муж. 14, жен. 28, при Рождество-Богородичной церкви—муж. 60, жен. 92, при Николаевской церкви—муж. 14, жен. 14, при Скорбященской церкви—муж. 19, жен. 16, всего 257; въ селеніи Кочеткѣ при Владимірской Богородичной церкви—муж. 4, жен. 9, всего 13; въ селѣ Зарожномъ при Васильевской церкви—муж. 81, жен. 79, всего 160; въ селѣ Каменпой Яругѣ при Николаевской церкви—муж. 5, жен. 8, всего 13; въ селѣ Ново-Покровскомъ при Покровской церкви—муж. 21, жен. 16, всего 37; въ селѣ Старо-Покровскомъ при Успенской церкви—муж. 16, жен. 15, всего 31; въ слоб. Терновомъ при Богоявленской церкви—муж. 77, жен. 73, всего 150; въ селѣ Водяномъ при Борнегальбской церкви—муж. 1; въ слоб. Боровой при Христо-Рождественской церкви—муж. 216, жен. 217, всего 433; въ слоб. Охочей при Троицкой церкви—муж. 33, жен. 25, всего 58; въ селѣ Берекѣ при Вознесенской церкви—муж. 8, жен. 4, всего 12; въ слоб. Малиновой при Архангело-Михайловской церкви—муж. 1, жен. 7, всего 8; въ слоб. Граково при Троицкой церкви—жен. 1; въ слоб. Коробочкѣ при Успенской церкви—муж. 26, жен. 29, всего 55; въ Изюмскомъ уѣздѣ: въ селѣ Богородичномъ при Скорбященской церкви—муж. 2, жен. 5, всего 7; въ городѣ Изюмѣ при Преображенской церкви—жен. 1; въ селѣ Изюмцѣ при Ахтырско-Богородичной церкви—муж. 27, жен. 23, всего 50; въ слоб. Добрышевой при Николаевской церкви—муж. 6, жен. 5, всего 11; въ слоб. Маякахъ при Покровской церкви—муж. 3, жен. 1, всего 4; въ Бупянскомъ уѣздѣ: въ селѣ Ново-Георгіевскѣ при Иверско-Богородичной церкви—муж. 29, жен. 42, всего 71; въ слоб. Араповкѣ при Ахтырско-Богородичной церкви—муж. 4, жен. 4, всего 8; въ слоб. Покровской при Покровской церкви—муж. 37, жен. 35, всего 72; въ слоб. Торской при Вознесенской церкви—муж. 1, жен. 5, всего 6; въ слободѣ Краснянкѣ при Архангело-Михайловской церкви—муж. 178, жен. 206, всего 384; въ слоб. Ново-Екатеринославѣ при Состеніевской церкви—муж. 10, жен. 10, всего 20; въ Старобѣльскомъ уѣздѣ: въ слоб. Тимоновой при Покровской церкви—муж. 2, жен. 5, всего 7; въ слоб. Бѣловодскѣ при Троицкой церкви—муж. 31, жен. 23, всего 54; въ слоб. Барапковкѣ при Рождество-Богородичной церкви—муж. 6, жен. 7, всего 13; въ слоб. Великотеской при Петро-Павловской церкви—муж. 1, жен. 2, всего 3; въ слоб. Монсеенкѣ при Троицкой церкви—муж. 3, жен. 1, всего 4; въ слоб. Никольской при Николаевской церкви—муж. 6, жен. 5, всего 11; въ слоб. Старой-Айдарі при Архангело-Михайловской церкви—муж. 6, жен. 8, всего 14; въ слоб. Трехизбянскѣ при Покровской церкви—муж. 30, жен. 23, всего 53; въ слоб. Черняговкѣ при Троицкой церкви—муж. 70, жен. 59, всего 129; въ слоб. Лашкиновкѣ при Покровской церкви—муж. 156, жен. 171, всего 327; въ слоб. Муратовой при Николаевской церкви—муж. 1, жен. 3, всего 4; въ слоб. Смольяниновой при Рождество-Богородичной церкви—муж. 13, жен. 8, всего 21; въ слоб. Чабановкѣ при Вознесенской церкви—муж. 2, жен. 1, всего 3; въ слоб. Райгородкѣ при Николаевской церкви—муж. 74, жен. 93, всего

167; въ слоб. Вахмутовкѣ при Троицкой церкви—муж. 3; въ Сумскомъ уѣздѣ: въ слоб. Бѣловодѣ при Георгіевской церкви—муж. 17, жен. 17, всего 34; въ деревнѣ Водолагѣ Бѣловодскаго прихода—муж. 54, жен. 44, всего 98.

2) Въ нѣкоторыхъ приходахъ Харьковской епархіи, въ коихъ проживаютъ раскольники, существуютъ церковныя школы. Книгъ противураскольническаго и противусектантскаго содержанія при этихъ школахъ, за немногими исключеніями, не имѣется.

Свѣдѣнія о состояніи Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1890 годъ (пятнадцатый годъ его существованія).

Въ 1890 году Харьковскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества составляли слѣдующія лица: 1) Предсѣдатель Комитета—Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, а по выѣздѣ его въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ Преосвященнѣйшій Владиміръ, Епископъ Сумскій, Викарій Харьковской епархіи; товарищъ предсѣдателя—Харьковскій губернаторъ, тайный совѣтникъ, Александръ Ивановичъ Петровъ; Члены Комитета: 1) ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, протоіерей Іоаннъ Кратировъ; 2) протоіерей Семеновъ Иларіоновъ; 3) протоіерей Іоаннъ Чижевскій; 4) протоіерей Тимофей Павловъ; 5) протоіерей Николай Лашенковъ; 6) протоіерей Андрей Дюковъ; 7) протоіерей Андрей Щелкуновъ и 8) надворный совѣтникъ Михаилъ Звѣрлицскій; должность казначея исполнялъ протоіерей Стефанъ Петровскій; дѣлопроизводителемъ состоялъ до ноября мѣсяца коллежскій ассесоръ Григорій Макухинъ, а съ ноября мѣсяца обязанности дѣлопроизводителя исполняетъ коллежскій регистраторъ Иванъ Шокомаревъ.

Дѣйствительныхъ членовъ Православнаго Миссіонерскаго Общества съ вѣчными взносами въ Харьковской епархіи, къ 1 января 1891 года состояло 28 лицъ, а именно: 1) Веніаминъ, епископъ Кляштемскій; 2) Величенко Кириллъ Ивановичъ; 3) Акименко Семенъ Михайловичъ; 4) Геннадій, бывшій епископъ Сумскій, викарій Харьковской епархіи; 5) Галкинъ Федоръ Федоровичъ; 6) Звѣрлицскій Михаилъ Павловичъ; 7) Іустинъ, епископъ Курскій; 8) Иларіоновъ Алексѣй Алексѣевичъ, протоіерей; 9) Кавказидзева Ольга Павловна, княгиня; 10) Куличенко Максимъ Семеновичъ; 11) Кульшинъ Тимофей Степановичъ; 12) Левченко Алексѣй Ивановичъ; 13) Регншевскій Федоръ Ивановичъ, священникъ; 14) Рыжовъ Павелъ Ивановичъ; 15) Рясницскій Свято-Димитріевскій монастырь; 16) Савва, архіепископъ Тверскій и Кашинскій; 17) Сѣрковъ Николай Вяельяновичъ; 18) Чернышевъ Иванъ Федоровичъ; 19) Черкасовъ Николай Канятоновичъ; 20) Черняковъ Никаноръ Ивановичъ; 21) Школяренко Евфимъ Даниловичъ; 22) Щербаковъ Кириллъ Васильевичъ; 23) Соколовскій Сербій Николаевичъ; 24) Лавровъ Михаилъ Алексѣевичъ; 25) Крыжановскій Адрианъ, священникъ; 26) Остахова Евгенія Алексѣевна; 27) Амвросій, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій и 28) Коровитъ Александръ Ивановичъ.

Средства Комитета:

1. Оставалось отъ 1889 года: а) неприкосновеннаго капитала 2180 р., б) запаснаго капитала 4601 р. 37 к. и в) расходнаго капитала 3338 р. 89 к. Итого 10,120 р. 26 к.

2. Въ 1890 году поступило: а) отъ 445 годичныхъ членовъ 1369 р., б) на вѣчное время отъ архіепископа Амвросія 100 руб. и Харьковскаго купца Коровица Александра 60 р., кои обращены въ билетъ Харьковской конторы Государственнаго банка, за № 05926—160 р., в) собранныхъ по листамъ, присланнымъ изъ Совѣта Миссіонерскаго Общества, и по листамъ Комитета 1687 р. 64 к., г) сбора въ подѣлю Православія 1919 р. 10 к., д) кружечнаго сбора 949 р. 52 к. и е) % съ комитетскаго капитала 287 р. 77 к. Итого 6373 р. 3 к., а съ остаточными отъ 1889 года, 16,493 р. 29 к. Изъ вещественныхъ пожертвованій: благочиннымъ 1-го округа Сумскаго уѣзда представленъ: маловѣй сребро-позлащенный крестикъ.

3. Израсходовано въ 1890 году: а) отправлено, по распоряженію Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества, въ Иркутскій Епархіальный Комитетъ 543 р. 12 к., б) за переводъ сихъ денегъ уплочено Харьковской конторѣ Государственнаго банка 68 к., в) по распоряженію того-же Совѣта отослано начальнику миссіи Томской епархіи, Пресвященнѣйшему Макарію, епископу Війскому 2795 р. 77 к., г) за пересылку сихъ денегъ уплочено 7 р. 7 к., д) жалованья дѣлопроизводителю Комитета 200 р., е) на канцелярскія принадлежности 2 р. 75 к. и ж) на гербовыя марки при взосѣ денегъ въ Харьковскую контору Государственнаго банка и на вкладную кляжку 2 р. 85 к. Итого 3552 р. 24 к.

4. Осталось къ 1891 году: а) неприкосновеннаго капитала 2340 руб., б) запаснаго капитала 7773 р. 11 к. и в) расходнаго капитала 2827 р. 94 к. Всего наличными 10,601 р. 5 к. и билетами 2340 р.

Дѣятельность Комитета:

Дѣятельность Комитета въ отчетномъ 1890 году выражалась: а) въ поддержаніи установленныхъ въ прошедшіе годы способовъ къ увеличенію денежныхъ средствъ въ пользу Православныхъ миссіи; б) въ принятіи, храненіи и расходованіи миссіонерскихъ суммъ и в) въ исполненіи порученій Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Комитетъ принималъ все зависящія мѣры къ успленію денежныхъ средствъ Миссіонерскаго Общества. Для этого къ настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей, благочиннымъ и во все церкви епархіи своевременно разосланы были листы отъ Совѣта Общества съ початными воззваніями и въ то-же время предложено всемъ священникамъ епархіи въ подѣлю Православія, согласно распоряженію Совѣта, произнести поученія съ приглашеніемъ всехъ предстоящихъ въ церкви къ носильнымъ пожертвованіямъ на святое дѣло распространенія православія между язычниками Имперіи.

Принятіе, храненіе и расходованіе суммъ производились въ порядкѣ, установленномъ въ прошедшіе годы. Поступившія деньги, по мѣрѣ ихъ накопленія, согласно указу Св. Синода отъ 5 февраля 1883 года за № 3, вкладывались для приращенія процентами въ Харьковскую контору Госу-

дарственнаго банка. Списки пожертвованій были печатаны своевременно въ Харьковскомъ Епархіальномъ Листкѣ.

Порядокъ годичнаго собранія Харьковскаго отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества 10 марта 1891 г. въ недѣлю Православія.

1) Пѣніе стиха «Днесь благодать Св. Духа насъ собра». 2) Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Владиміръ, Епископъ Сумскій, Викарій Харьковской епархіи объявляетъ цѣль собранія и приглашаетъ къ выслушанію отчета Комитета за пятнадцатый (1890 г.) годъ его существованія. 3) Читаніе отчета и извлеченія изъ отчета Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества. 4) Его Преосвященство приглашаетъ собранію къ выборамъ трехъ уполномоченныхъ для повѣрки отчета въ финансовомъ отношеніи. 5) Объявленіе результата выборовъ. 6) Собраніе заканчивается пѣніемъ «Достойно есть» и 7) Уполномоченные отъ собранія производятъ ревизію отчета Комитета.

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Въ Харьковскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества въ теченіе января мѣсяца сего 1891 года поступило: членскіе взносы: протоіерей Іоанна Сапухина 5 р., свящ.: Іоанна Соколовскаго 3 р., Іоанна Кохановскаго 3 р., Іакова Любарскаго 3 р., Георгія Рудинскаго 3 р., Митрофана Еланинскаго 3 р., Ѳеодора Рыбалова 3 р., Іоанна Стефанова 3 р., Ѳеодора Заводовскаго 3 р., Павла Пикунца 3 р., Павла Ступицкаго 3 р., Стефана Толмачева 3 р., Петра Пикунца 3 р., Іакова Хорошкова 3 р., Іоанна Ящопкова 3 р., Семеона Надѣлки 3 р., Дмитрія Донченкова 3 р., Владиміра Чебанова 3 р., Архистарха Ѳенева 3 р., Іоанна Павлова 3 р., Прокофія Попова 3 р., Андрея Любарскаго 3 р., Михаила Павлова 3 р., Іоанна Макаровскаго 3 р., Николая Матвѣева 3 р., Іоанна Буткова 3 р., ц. стар. Головинскаго 3 р., свящ.: Іоанна Попова 3 р., Александра Иванова 3 р., Ѳеодора Грекова 3 р., Поликарпа Пестрякова 3 р., Василія Капустянскаго 3 р., протоіер. Павла Раздольскаго 3 р., свящ.: Стефана Космепко 3 р., Іоанна Жуковскаго 3 р., Василія Макаровскаго 3 р., Павла Филевскаго 3 р., Георгія Грокова 3 р., Дмитрія Нантелеямонова 3 р., Иларіона Жукова 3 р., Андрея Павлова 3 р., Никиты Слюсарова 3 р., Павлина Ставрова 3 р., Іеромонаха Іосифа 3 р., прот.: Николая Ходскаго 3 р., свящ. Кирилла Щалкунова 3 р., А. М. Кондратьева 3 р., Н. В. Ковалевскаго 3 р., свящ.: Михаила Подольскаго 3 р., Павла Мухина 3 р., Петра Подлунскаго 3 р., Александра Щепицкаго 3 р., Семеона Модикорина 3 р., Петра Вахипа 3 р., Павла Браиловскаго 3 р., Николая Житнова 3 р., Александра Вертеловскаго 3 р., Моисея Руссовскаго 3 р., прот. Андрея Дюкова 3 р., свящ. Алексея Сябсаревскаго 3 р., прот. Павла Малиповскаго 3 р., свящ.: Михаила Силь-

ваяскаго 3 р., Семеона Котлярова 3 р., Іоанна Владыкова 3 р., Мартирія Подольскаго 3 р., Николая Карнова 3 р., Гаврііла Попова 3 р., Θεодора Попова 3 р., Іоанна Шишлова 3 р., Θεодора Москалева 3 р., діак. Іоанна Ковалевскаго 3 р., Д. Важенова 3 р., свящ.: Петра Макаровскаго 3 р., Василія Пасѣдкина 3 р., Іоанна Ковалевскаго 3 р., Григорія Соколова 3 р., Владиміія Макухина 3 р., Василіи Пасѣдкина 3 р., Даниіла Ветухова 3 р., Григорія Попова 3 р., Григорія Шебатинскаго 3 р., Василія Капустянскаго 3 р., Антоніи Червоноцкаго 3 р., Андрои Романова 3 р., Алоксѣя Сокольскаго 3 р., Александра Василевскаго 3 р., Никиты Краснопольскаго 3 р., Василія Червоноцкаго 3 р., Михаіла Помировскаго 3 р., прот. Василія Никольскаго 3 р., ц. стар. Николай Суханова 3 р., свящ. Николая Феселкова 3 р., куп. Филиппа Постарнакова 3 р., свящ. Іакова Яценкова 3 р., прот. Θεоктиста Лашонкова 3 р., кр. Іліи Шкурата 3 р., свящ. Николая Черниговскаго 3 р., Θ. Θ. Бублава 3 р., свящ. Константина Новопольскаго 3 р., кр. Павла Скрыпника 3 р., свящ. Григорія Проскурникова 3 р., Тимофеи Θεодорова 3 р., Василія Ковалевскаго 3 р., Василія Васильковскаго 3 р., подп. Дмитрія Воронца 3 р., прот. Іоанна Леваидовскаго 3 р., мѣщ. Хрисаифа Жилина 3 р., смотр. Куп. д. учил. Івана Мирожина 3 р., мѣщ. Максима Мирожина 3 р., Сергѣя Курчанинова 3 р., Клеопатры Курчаниновой 3 р., свящ.: Василія Маслова 3 р., Николай Бѣликова 3 р., кр. Якова Оралскаго 3 р., свящ. Александра Попова 3 р., прот.: Іоанна Рудисекаго 3 р., Алоксѣи Сильванскаго 3 р., свящ.: Антоніи Рудисекаго 3 р., Петра Мухина 3 р., ц. стар. Израильскаго 3 р., свящ.: Іоанна Жадановскаго 3 р., Θεодора Юшкова 3 р., Александра Алисинова 3 р., Александра Василевскаго 3 р., Николая Найдовскаго 3 р., Θεофана Корнильева 3 р., Павла Татарнинова 3 р., Алоксѣя Пономарева 3 р., Григорія Корнильева 3 р., Петра Тимошева 3 р., Алоксѣя Навродскаго 3 р., Григорія Падалкина 3 р., Давида Антопова 3 р., Павла Македонскаго 3 р., прот.: Алоксѣя Иларііона 10 р., свящ. Іліи Эпидова 3 р., Александра Вербицкаго 3 р., Стефана Эвенхова 3 р., Іоанна Ястремскаго 3 р., Θεодосія Мухина 3 р., Николая Чернивецкаго 3 р., Григорія Лобковскаго 3 р., прот. Іоанна Хинякова 3 р., свящ. Евгенія Чекалова 3 р., князи Свидтополжъ-Мирскаго 3 р., свящ.: Михаіла Жуковскаго 3 р., Андрей Любарскаго 3 р., Каллистрата Власовскаго 3 р., Іоанна Рактовскаго 3 р., Д. Т. Сиротенка 3 р., Василія Матакова 3 р., Θεодора Маточки 3 р., свящ.: Гаврііла Буханцева 3 р., Василія Корнильева 3 р., Стефана Виноградскаго 3 р., Михаіла Михайловскаго 3 р., Іоанна Діаконова 3 р., Мануила Цыбулевскаго 3 р., Семеона Краснокутскаго 3 р., Николая Ястремскаго 3 р., Іакова Попова 3 р., Іакова Попова 3 р., Θεодора Якубовича 3 р., Григорія Николаевскаго 3 р., Василія Иванова 3 р., Виктора Власовскаго 3 р., представлено благочинными кружечнаго сбора: 2-го Лобед. окр. собр. отъ разн. лицъ 13 р. 21 к., собр. свящ. 1-го Изюм. окр. 36 р. 80 к., Архіер. домопр. 7 р. 38 к., отъ братіи Архіер. дома 6 р. 50 к., 1-го Лобед. окр. 13 р. 35 к., собр. отъ разн. лицъ 27 р. 38 к., 1-го Харьк. окр. 13 р. 7 к., по листамъ 14 р. 20 к., 2-го Харьк. окр. 9 р. 38 к., по листамъ 25 р. 12 к., 1-го Сумск. окр. 53 р. 20 к., по листамъ 33 р. 48 к., 2-го Изюм. окр. 18 р. 24 к., 2-го Богодух. окр. 24 р. 65 к., по листамъ 37 р., 1-го Староб. окр. 20 р.

30 к., по листамъ 37 р. 92 к., 3-го Ахтыр. окр. 7 р. 70 к., по листамъ 16 р. 10 к., 3-го Зміев. окр. 18 р. 31 к., по листамъ 75 р. 23 к., 2-го Лебед. окр. 20 р. 90 к., 1-го Купян. окр. 3 р. 82 к., по листамъ 24 р. 48 к., 3-го Староб. окр. 14 р. 89 к., 1-го Изюм. окр. 21 р. 70 к., 1-го Зміев. окр. 13 р. 49 к., по листамъ 40 р. 72 к., 2-го Валков. окр. 12 р. 22 к., по листамъ 27 р. 33 к., 2-го Вознач. окр. 16 р. 37 к., по листамъ 18 р. 24 к., всего въ январѣ поступило 1264 р. 83 к.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Съ 25 января по февраль сего 1891 года на устройство зданія для общагожитія Харьковской Семинаріи поступили слѣдующія пожертвованія:

1) Доставленныя благочиннымъ 1-го Купянскаго округа священникомъ о. Василіемъ Поповымъ: отъ свѣщ.: Василя Попова 5 р., Михаила Сильванскаго 5 р., Михаила Сикирскаго 3 р., Дмитрія Бородаева 1 р., церк. стар.: Стофана Ивашуры 5 р., подноак. Дмитрія Воропоць 5 р., прот. Северіала Сулемы 5 р., свѣщ.: Іоанна Нечаева 3 р., Василя Соколовскаго 5 р., Павла Оранскаго 3 р., Георгія Өмнина 3 р., церковн. стар. Өдора Чалаго 5 р., свѣщ. Іоанна Флоринскаго 3 р., церк. стар. Андрея Градескуль 3 р., свѣщ.: Іоанна Сапухина 3 р., Александра Подольскаго 3 руб., церковн. стар., Купянск. предвод. дворянства Сергія Турчанинова 8 руб., свѣщен.: Іоанна Макаровскаго 3 р., Николая Бѣзикова 3 р., Өодора Приходькова 5 р., Николая Чугаева 3 р., Іосифа Самойлова 5 р., Митрофана Лазаревскаго 4 руб., Сѣмеона Капустина 3 р., Іоанна Базелевича 5 руб., Өоодосія Навродскаго 3 р., Михаила Сикирскаго 3 руб., Василя Маслова 3 р., Василя Макухина 3 р., Георгія Сулимы 3 руб., Петра Любарскаго 3 р., Якова Любарскаго 3 р., итого—120 руб.

2) Доставленныя благочиннымъ 3-го Старобѣльскаго округа священник. Дмитріемъ Данченковымъ отъ духовенства сего округа—100 руб.

3) Отъ свѣщ., пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ—50 руб.

4) Доставленныя благочиннымъ 4-го Изюмскаго округа протоіереемъ Михаиломъ Куницынымъ: отъ прот. Михаила Куницына 3 р., свѣщен.: Дмитрія Твердохлѣбова 1 р., Никиты Шебатинскаго 2 р., Дмитрія Кириллова 1 р., Николая Твердохлѣбова 1 р., Петра Попова 1 руб., Якова Арсѣева 1 р., Александра Кириллова 1 р., Николая Антонова 1 р., церк. стар. села Некремоннаго Павла Хоролько 1 р., итого—13 руб.

5) Доставленныя благочиннымъ 1-го Возначскаго округа свѣщен. Алексѣемъ Евенковымъ отъ духовенства сего округа: отъ причта слоб. Старо-Салтова 6 р 50 к., свѣщен.: Өодора Дзюбанова 3 р., Александра Рубинскаго 3 р., Василя Евецкаго 5 руб., итого—17 руб. 50 к.

6) Отъ благочиннаго 2-го Валковскаго округа, протоіеря Павла Лобковскаго—10 руб.

Увѣдомляя о семъ, Правленіе семинаріи считаетъ долгомъ выразить глубокую благодарность какъ жертвователямъ, такъ и оо. благочиннымъ за ихъ сочувствіе къ пущдамъ семинаріи.

Отъ совѣта Харьковскаго епархіального женскаго училища.

При Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ учреждена стипендія имени Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, на проценты съ казначея въ 1760 р., пожертвованнаго на этотъ предметъ духовенствомъ Харьковской епархіи; утвержденная опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 10/19 октября 1890 года за № 2324, на которую со изволенія Его Высокопреосвященства, принята воспитанница 1-го параллел. класса—сирота Попова Любовь.

Епархіальныя извѣщенія.

Указомъ Правительствующаго Сената отъ 11 января 1891 г. за № 4, произведенъ за выслугу лѣтъ въ чинъ *Статскаго Советника* преподаватель Харьковской духовной семинаріи коллежскій совѣтникъ *Семенъ Хоменко* со старшинствомъ съ 17 февраля 1890 года.

— Согласно ходатайству Харьковской духовной консисторіи слѣдующіе священники, за отличію усердную службу ихъ, награждены Его Высокопреосвященствомъ 21 января 1891 года, скуфьею: Петро-Павловской ц. гор. Ахтырки Василій *Кіиновскій*; Троицкой ц. гор. Славянска Іоаннъ *Дмитріевъ*; Покровской ц. сл. Пархомовки, Богодуховскаго уѣзда, Феодоръ *Малиженосскій*; Покровской ц., сл. Ямной, того же уѣзда, Андрей *Сапухинъ* Покровской ц. слоб. Калишикона, Валковскаго уѣзда, Феодоръ *Леонтовичъ*; Рождество-Богородичной ц. сл. Ново-Борисоглѣбска, Зміевского уѣзда, Георгій *Рудинскій*; Казанской ц. сл. Нижней Орели, того же уѣзда, Александръ *Стаховскій* и Николаевской ц. села Буймера, Лебединскаго уѣзда, Іоаннъ *Проскурниковъ*.

— Священникъ села Верхней Писаровки, Волчанскаго уѣзда, Косма *Огулковъ* утвержденъ въ должности законоучителя народнаго училища въ хуторѣ Марьевкѣ, того же уѣзда.

— Псаломщикъ Георгіевской цер., с. Физленкова, Богодуховскаго уѣзда, Владиміръ *Колядинъ* перемѣщенъ на псаломщицкую же должность къ Іоанно-Предтеченской цер. села Штеповки, Лебединскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковн. старост. къ церкв.: Успенской цер. сл. Лимана Старобѣльскаго у., крест. Николай *Бурьянъ*; Петро-Павловской ц. сл. Петро Павловки того же уѣзда, крест. Данилъ *Приходько* и Покровской ц. сл. Гнилицы, Волчанскаго уѣзда, крест. Василій *Волковъ*; Пророко-Нильнской цер., г. Сумъ, сумск. куп. Григорій *Кулишевъ*; Іоанно-Богословской сл. Большой Чернетчины, Сумскаго уѣзда, крест. Сумонъ *Колбаса*.

Отъ благочиннаго 8-го округа Старобѣльскаго уѣзда.

Сего 1891 года января 7-го въ ночь подъ 8-е число діаконъ Старобѣльскаго уѣзда, слоб. Мирковки, Успенской церкви, Николай *Жуковскій* отъ пожара зпнился дома и всего движимаго въ домѣ имущества, погорѣли даже платье и бѣлье. Обращая вниманіе на бѣдственное положеніе діакона Жуковскаго, имѣющаго шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ два сына

учатся въ Купянскомъ духовномъ училищѣ, о. благочинный, священникъ Димитрій Дьячковъ усерднѣйше просить духовенство Харьковской епархіи оказать посильное пособіе пострадавшему отъ пожара о. діакону. Пожертвованія могутъ быть присылаемы чрезъ мѣстныхъ благочинныхъ на имя благочиннаго 3-го округа Старобѣльскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Представленіе Государю Императору Высокопреосвященнаго Амвросія. Чудесное исцѣленіе больнаго ребенка.—Посѣщеніе Тамбовской тюрьмы преосвященнымъ Геропиямомъ.—Нивольское братство.

Въ Понедѣльникъ, 4-го февраля, имѣлъ счастье представляться Его Величеству Государю Императору преосвященнѣйшій Амвросій, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій.

— Въ г. С.-Петербургѣ, на такъ называемой Петербургской сторонѣ, въ приходѣ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, у супруговъ Грачевыхъ 3-го декабря 1876 года родился сынъ Николай, наименованный такъ въ честь святителя и чудотворца Николая, ближайше къ сему числу празднуемаго Церковію 6-го декабря. Отецъ его и родился и пребылъ православнымъ, мать-же была по происхожденію нѣмка, по исповѣданію прежде лютеранка, но за два мѣсяца до рожденія Николая, по собственному желанію и убѣжденію, приняла православіе. Отъ самаго рожденія Николай былъ слабый и больной ребенокъ, до 7-лѣтняго возраста не ходилъ и вообще перенесъ въ дѣтствѣ много болѣзней. Эту болѣзненность дѣтяти нѣкоторые приписывали тому, что мать во время беременности измѣнила исповѣданіе вѣры, и мать потерпѣла не мало скорбей и упрековъ за это. Въ 1886 году одновременно скончались родители Николая, и онъ остался на попеченіи сестры своей, благочестивой молодой дѣвицы. Въ день похороны матери сдѣлался съ нимъ первый припадокъ падучей болѣзни, и онъ сталъ подвергаться припадкамъ, въ началѣ рѣдко, затѣмъ все чаще и чаще. Во время сихъ припадковъ онъ постоянно подергивался и надувался, истерически рыдалъ, его ломало, изгибало, подбрасывало иногда на полъ-аршина, сбрасывало со стула, съ кровати. Тѣло его принимало, говорятъ сестра, такое неестественное положеніе, что можно было усумниться, есть-ли у него кости. Благочестивая, любящая сестра его употребила всѣ возможные средства къ его излеченію, и всѣ они были напрасны. Длинная, тяжелая исторія его леченія подробно сообщается въ собственноручномъ

свидѣтельствѣ сестры. Восемь разныхъ врачей и разными способами лечили его, и алопатіей, и гомеопатіей, и терапевты, и психіатры, употребляли морскія ванны, и дома лечили, и клали въ лечебницы. Въ числѣ врачей указываются первыи знаменитости медицинской науки въ С.-Петербургѣ. Но не только не было исцѣленія, даже облегченія болѣзни; напротивъ—положеніе больного дѣлалось все хуже и хуже. Въ ноябрѣ 1890 года у больного отпились руки и ноги, онъ былъ не въ состояніи уже принимать лекарства, припадки повторялись по 6, по 7, по 8 разъ въ сутки; единственнымъ избавленіемъ отъ страданій представлялась смерть. Истощивъ все средства, видя брата лежащаго безъ рукъ и ногъ, сестра подумала, что ему уже не долго жить, и пригласила своего духовнаго отца исповѣдать брата и причастить Святыхъ Таинъ въ напутіе жизни вѣчной. Въ это время полного сознанія помощи человѣческой и безнадежности болящаго, Господу, дивному въ дѣлахъ Своихъ, и благоугодно было подать больному Свою Божественную помощь. Послѣдовало дивное явленіе ему Царицы Небесной, святителя Николая и еще святаго, въ бѣломъ клобукѣ съ крестомъ. Царица Небесная, обращаясь къ болящему, сказала: «Николай, поѣзжай въ часовню, гдѣ унаши монеты, 6 декабря ты получишь исцѣленіе, но ранѣе никому не говори». И здѣсь сколько испытано было недоумѣній и страховъ, прежде чѣмъ повелѣніе Царицы Небесной было исполнено. Вотъ накопецъ, 6 декабря, въ день Ангела, больного съ большимъ трудомъ одѣли, снесли съ лѣстницы и повезли въ часовню¹⁾. Разстояніе отъ дома

¹⁾ Часовня съ иконою Божіей Матери «Всѣхъ скорбящихъ Радости» находится за Александровско-Невской лаврой, по Шлиссельбургскому тракту, близъ стекляннаго завода. 23 июля 1888 года, во время страшной грозы, молнія ударила въ сію часовню, расщепила досчатый куполь и произвела внутри часовни страшное разрушеніе, причемъ пострадалъ и кіотъ со святою иконою, по ливъ Богоматери уцѣлѣвъ, и къ самой иконѣ пристаю нѣсколько мѣдннхъ монетъ, разбросанныхъ молніей съ ящка кіота. Часовня была возобновлена, и вѣрующіе стали прибѣгать съ особеннымъ усердіемъ къ Владыницѣ и почитаютъ икону сію чудотворною. О самой иконѣ Богоматери передаютъ, что она была принесена по водѣ къ сему мѣсту, близъ котораго былъ перевозъ чрезъ Неву, и для нея построена часовня. По другому преданію, икона сія была пожертвована въ часовню нѣкимъ купцомъ изъ Новой Ладоги по случаю чудеснаго спасенія его отъ потопленія. Монеты разбросаны молніею и посажены на икону (привисавъ къ ней) какъ бы въ нѣкоторомъ порядкѣ, одна надъ правымъ спиткомъ, другая между спиткомъ и сіяніемъ лѣва Богоматери, двѣ у сіянія съ лѣвой стороны, девять на одѣвннхъ. Часовня сія приписана къ Борисоглѣбской, у Калашниковской пристани, церкви, причтомъ которой и совершаются въ ней молебствія.

жительства до часовни около семи верствъ. На дорогѣ былъ съ нимъ припадокъ. Лишь только внесли его въ часовню, припадокъ возобновился, положили его на полъ предъ святой иконой. Во время чтенія Евангелія большой пришелъ въ сознаніе. При пѣніи «Не имамы инья помощи, не имамы инья надежды, развѣ Тебе, Владычице», приподняли его и приложили къ иконѣ. Въ ту же минуту онъ перекрестился и всталъ на ноги, какъ здоровый, и еще разъ со всѣмъ усердіемъ благодарной любви приложился къ святой иконѣ. Съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе шести недѣль, и отрокъ совершенно здоровъ.

Сколько утѣшеній вѣрѣ, какое обильное назиданіе сердцу даетъ это мгновенное и полное исцѣленіе болящаго!

Прежде всего сердце объемлетъ чувствомъ благоговѣйной радости о Богѣ, Спасителѣ нашемъ. Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ. Ты еси Богъ творяй чудеса! Въ нашъ вѣвъ невѣрія и отрицанія еще отрадиѣе, еще радостиѣе эти знаменія Его всемогущей силы, Его неизреченной милости. Нѣтъ, значить, такого безысходнаго горя, гдѣ бы Онъ не могъ утѣшить и ободрить вѣрующихъ, нѣтъ такой бездны зла, изъ котораго бы не могла извлечь насъ Его всемогущая и вседержительная десница!

— На канунѣ великаго праздника Рождества Христова—24-го декабря, посѣтили Тамбовскій тюремный замокъ преосвященный Іеронимъ. По прибытіи въ замокъ, преосвященный владыка былъ встрѣченъ исправляющимъ должность начальника губерніи, начальникомъ тюрьмы и чинами полиціи и сопровождаемый ими и ключаремъ прослѣдовалъ прямо въ церковь, снабженную всѣмъ необходимымъ и весьма хорошо содержимую, благодаря энергіи и примѣрной заботливости церковнаго старосты вупца С. Г. Ряшенцева. По выслушаніи чина обычныхъ молитвословій и многолѣтій, послѣ отпуста, владыка подошелъ къ находящимся за рѣшеткою въ церкви арестантамъ-женщинамъ. Связанными имъ нѣсколько словъ утѣшенія узницамъ произвели на нихъ необычайное впечатлѣніе,—всѣ женщины стали на колѣна и плакали. Затѣмъ владыка обошелъ всѣ камеры заключенныхъ, начиная съ уголовныхъ преступниковъ и кончая временно заключенными, посѣтилъ также больницу и школу. Вездѣ владыка преподавалъ, сообразно положенію заключеннымъ, свои архипастырскія утѣшенія и разумленія. Такъ, въ первой камерѣ уголовныхъ преступниковъ-каторжниковъ преосвященнѣйшій обратяся къ узникамъ съ слѣдующимъ, приблизительно, назиданіемъ.

«Въ короткій періодъ управленія моего Тамбовскою паствою я имѣлъ возможность посѣтить нѣсколько общественныхъ учрежденій, видѣлъ лица всякаго возраста, состоянія и пола. Видѣлъ я дѣтей, юношей и дѣвиць, которыя, подчиняясь дисциплинѣ, съ вниманіемъ продолжительное время слѣдили за ученіемъ, и естественно не были свободны, какъ бы то хотѣли, не могли бѣгать и шалить, какъ вольныя птицы. Видѣлъ я въ Елизаветинскомъ ирїютѣ, повидимому, здоровыхъ людей, но лишенныхъ рукъ и ногъ, а потому совершенно неспособныхъ къ труду, и вслѣдствіе того лишенныхъ всякой свободы, такъ какъ внутренняя жизнь ихъ ограничивается одною комнатою. Видѣлъ я больныхъ—въ хирургическомъ отдѣленіи больницы, тоже на время лишенныхъ свободы, видѣлъ больныхъ, которые головы поднять не могли, лишенныхъ не только *свободы*, но и сознанія и всякой надежды на выздоровленіе... Но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что я вижу здѣсь. Здѣсь мѣсто заключенія, тюрьма, т. е. полное и почти безусловное лишеніе свободы, а тамъ у большинства лучъ надежды на свободу и просторъ, на выздоровленіе.

Да, ваше положеніе, меньшая братія о Христѣ, самое тяжелое, дѣйствующее угнетающимъ образомъ на душу и напоминающее всѣ горькія послѣдствія паденія человѣка, нарушившаго заповѣдь Божию. Вы, изытые изъ общества, какъ зловредные члены его, лишены лучшаго блага человѣческаго—свободы. Но не унывайте духомъ, не ропщите на Бога и людей, не смущайтесь и не приходите въ отчаяніе. Не ропщите, потому что до того состоянія, въ какомъ находитесь теперь, дошли вы въ большинствѣ случаевъ по своей винѣ, по влеченію испорченнаго, злаго сердца, по дѣйствию порочной воли, при потерѣ сознанія и совѣсти. *Не смущайтесь* потому, что настоящее заключеніе для многихъ изъ васъ можетъ послужить средствомъ къ вразумленію и исправленію, а временныя лишенія и страданія, какъ должна казнь за преступное дѣяніе, зачтутся вамъ на страшномъ и нелицепріятномъ судѣ, какъ должное возмездіе за всю земную жизнь, и облегчатъ отвѣтъ вамъ предъ Небеснымъ Судіею. Не приходите въ отчаяніе, такъ какъ оторванные отъ общества, отъ семьи, отъ родныхъ и друзей, повидимому, забытые и отверженные всѣми, взысканные только вниманіемъ и заботливостію правительства, вы сверхъ того не отринуты любвеобильною и снисходительною матерію—св. церковію православною, которая съ тугою сердечною и со слезами многими—смотритъ на васъ, какъ на заблудшихъ, несчастныхъ, достой-

ныхъ сожалѣнія, дѣтей своихъ. По ея материнской любви, вы не лишены благодатнаго утѣшенія, какое доступно нашему сердцу: вы можете слышать глубоко назидательныя и умилительныя службы церковныя, слышать слово Божіе, не лишены участія въ святыхъ таинствахъ церкви—покаянія и причащенія тѣла и крови Христовой. Что можетъ быть отраднѣе этого духовнаго права здѣсь на землѣ, этого духовнаго утѣшенія, въ сравненіи съ которымъ ваше временное тягостное заключеніе — ничто. Ваша связь съ обществомъ въ смыслѣ гражданскомъ порвана, вы неспособны и недостойны члены его; но то же общество, по заповѣди Христовой, по христіанскому братскому чувству, по чувству состраданія къ несчастію и горю вашему, не отталкиваетъ, не чуждается васъ, а только скорбитъ объ участи вашей и приходитъ къ вамъ на помощь; кто чѣмъ можетъ—какъ *меньшей Христовой братіи*. Христосъ заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ полную любовь и милость къ страждущимъ и немощнымъ и въ своей бесѣдѣ о послѣднемъ страшномъ судѣ ясно выразилъ то, что всякое доброе дѣло въ отношеніи немощныхъ и скорбящихъ — Онъ принимаетъ какъ сдѣланное лично для Него — *понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ*, скажетъ Онъ, праведный Судія, *мнѣ сотвористе* (Матѣ. 25, 40).

Подъ вліяніемъ этого христіанскаго чувства пришелъ я къ вамъ, меньшая братія о Христѣ, нынѣ наканунѣ великаго и радостнаго праздника—дня Христова Рождества. Архипастырски привѣтствую васъ съ преддверіемъ праздника и отъ души желаю, чтобы миръ, возвѣщенный ангелами при рожденіи Христа, вселился въ души вашей, чтобы вы постарались, насколько кто можетъ, очистить душу вашу отъ грѣховныхъ мыслей и чувствованій и достойно встрѣтить Христа, грядущаго съ небесъ, какъ дражайшаго гостя и посѣтителя вашихъ душъ. Вы, быть можетъ, понимаете праздникъ въ веселомъ настроеніи духа, происходящемъ отъ полного удовлетворенія тѣлесныхъ потребностей, отъ разгула при обиліи яствъ и питій; но такое понятіе не вѣрно; праздникъ, по ученію церкви, заключается въ радости душевной, отъ сознанія того, что сдѣлано для насъ грѣшныхъ, для искупленія всего рода человѣческаго. Такой душевный праздникъ, т. е. покойное, благодушное настроеніе возможно и доступно и въ вашемъ положеніи, несмотря на тягостную обстановку его. Этого и желаю всѣмъ вамъ отъ чистаго сердца, глубоко соболѣзнующаго вамъ и ничего не могущаго сдѣлать для васъ, какъ только предложить это назиданіе и утѣ-

благожеланійхъ—въ духовное утѣшеніе, кто можетъ читать, Евангелія и молитвословы, а въ вещественное, праздничное улаженіе малую денежную лепту ради великаго Христова дѣла.

Въ концѣ своего посѣщенія владыка просилъ начальника тюрьмы раздать заключеннымъ, на память о немъ, привезенныя имъ 200 экземпляровъ книжекъ — 100 Евангелій и 100 молитвенниковъ, при чемъ вручилъ 50 руб., съ просьбою употребить ихъ на какое-либо прибавленіе для заключенныхъ въ столѣ ради великаго праздника.

Надолго будетъ памятенъ этотъ день для несчастныхъ обитателей этого пріюта—преступниковъ, порвавшихъ нравственную связь съ семействами и обществомъ.

— Радостное чувство въ каждомъ русскомъ должно несомнѣнно вызывать то обстоятельство, что въ прошломъ году въ значительной мѣрѣ оживилась дѣятельность православныхъ братствъ въ Балтійскомъ краѣ. Роль такихъ братствъ на окраинѣ совсѣмъ иная, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ, такъ какъ тамъ имъ не приходится встрѣчать такіа препятствія для своей дѣятельности, какія приходится преодолевать братствамъ въ мѣстностяхъ, населенныхъ не-русскимъ и неправославнымъ населеніемъ. Дѣятельность ихъ расширяется здѣсь сообразно съ условіями. Православные приходы, состоящіе главнымъ образомъ изъ массы небогатыхъ матушекъ, не въ состояніи заботиться о возстановленіи своихъ храмовъ, о поддержаніи церковной школы, о призрѣніи своихъ бѣдныхъ. Не можетъ сдѣлать этого вполнѣ и епархіальное управленіе, средства котораго невелики и дѣйствія котораго распространяются на три губерніи. Вотъ тутъ на помощь православію и бѣднымъ прихожанамъ и приходятъ братства, содѣйствуя воздвиганію и украшенію храмовъ, учрежденію и поддержанію школъ и призрѣнію сиротъ и бѣдныхъ.

Еще болѣе, чѣмъ оживленію дѣятельности существующихъ братствъ, можно порадоваться возникновенію новыхъ, кругъ дѣятельности будетъ болѣе мѣстный, ограниченный, но за то и болѣе непосредственный и можно ожидать, что со временемъ каждый городъ въ Балтійскомъ краѣ будетъ имѣть духовное братство, которое будетъ приходить на помощь всѣмъ одновѣрцамъ. Такія братства существовали во многихъ городахъ Балтійскаго края въ прежнія времена, но подъ иноромъ неблагопріятныхъ политическихъ условій служивали и прекращали свою благотворную дѣятельность. Такъ уже въ семнадцатомъ столѣтіи на берегахъ Западной Двины въ районѣ городовъ Якобштадта и Крефшбургъ

существовало братство Св. Николая Чудотворца, которое ставило себя цѣлью поддержаніе и распространеніе православія. Братству приходилось выдерживать борьбу съ католическою и лютеранскою пропагандой и пока борьба происходила исключительно на религіозной почвѣ и духовными средствами, оно съ честью выдерживало натискъ. Но когда въ религіозную борьбу стала влиять свѣтская власть, поддерживавшая лютеранское духовенство, то братство поневолѣ вынуждено было суживать свою дѣятельность, и въ концѣ настоящаго столѣтія прекратило свое существованіе.

Но память объ исчезнувшемъ братствѣ свято хранилась въ многихъ семьяхъ, остававшихся вѣрными православію, не смотря на всѣ гоненія и, передаваемая изъ поколѣнія въ поколѣніе, дошла до насъ. Въ настоящее время, когда въ краѣ значительно усилился русскій элементъ и главнымъ образомъ явилась увѣренность, что православные люди не будутъ болѣе подвергаться религіознымъ гоненіямъ въ Русской землѣ, среди русскихъ возникла мысль возстановить безвременно погибшее братство и привести его къ новому торжеству.

Задуманное нынѣ исполнено. Въ октябрѣ общимъ собраніемъ Валтійскаго православнаго братства утверждень уставъ Якобштадтскаго Николаевскаго братства и ему даю разрешеніе открыть свои дѣйствія. Братство при Свято-Духовскомъ храмѣ, въ Якобштадтѣ, сохраняетъ свое древнее наименованіе и возстановляется на правахъ отдѣленія Валтійскаго братства. Оно постановило себя цѣлью (§ 2) «служить нуждамъ и пользамъ православной церкви и усилѣхамъ народнаго, въ духѣ православія, образованія, а также по мѣрѣ средствъ своихъ содѣйствовать улучшенію положенія мѣстнаго православнаго населенія». Братство составляютъ братчики (§ 3): почетные благотворители, дѣйствительные и соревнователи. Братчики почетные и благотворители, которыми могутъ быть лица пожертвовавшія единовременно не менѣе трехъ тысячъ рублей (§ 5) или оказавшія братству пользу личною дѣятельностью, утверждаются въ этомъ званіи Ея Величествомъ Государыней Императрицей. Званіе дѣйствительнаго братчика Николаевскаго Братства получаютъ лица, вносящія ежегодно не менѣе трехъ рублей или внесшія единовременно 60 рублей. Вносящія ежегодно менѣе трехъ рублей именуется братчиками соревнователями. Прашеніе Братства, состоящее изъ шести членовъ, имѣетъ мѣстопробываніе въ городѣ Якобштадтѣ и въ члены правленія могутъ быть избираемы лица обоого пола. Дѣлопроизводитель и казначей братства избираются изъ лицъ, живущихъ въ городѣ Якобштадтѣ или мѣстечкѣ

Крейцбургѣ. Засѣданія правленія происходятъ не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, а общія собранія братчиковъ два раза въ годъ: 9 мая и 6 декабря. Отчетъ о дѣятельности братства публикуется во всеобщее свѣдѣнiе.

Первое общее собранiе для избранiя членовъ правленiя и выработки программы дѣятельности Братства, должно состояться въ Якобштадтѣ 4 марта 1891 года. Въ виду того, что для усиленной дѣятельности возстановленнаго Братства какъ разъ въ первое время понадобятся большiя суммы и было бы желательно, чтобы въ члены Братства пожелали поступить многiя лица, русскимъ людямъ, которые желаютъ принести посильный вкладъ въ дѣло объединенiя Балтiйской окраины съ внутренними губернiями,—дѣло, главнымъ связующимъ звеномъ коего является неуклонное поддержанiе и распространенiе православной вѣры и православной школы, получаютъ возможность послужить этому дѣлу вступленiемъ въ число братчиковъ Николаевского Братства. Многiе, быть можетъ, найдутъ возможность лично прибыть къ общему собранiю въ Якобштадтѣ 4 марта и оказать личное содѣйствiе. Но и вступленiемъ въ члены Общества братству будетъ уже оказана значительная поддержка въ его добрыхъ начинанiяхъ. Заявленiя о согласiи поступить въ число братчиковъ можно посылать выѣстѣ съ членскимъ взносомъ въ городъ Митаву (Курляндской губ.), въ канцелярiю прокурора окружнаго суда, Николаю Николаевичу Перелыгину.

Нѣтъ сомнѣнiя, что всякiй кому дорого дѣло православiя на окраинѣ и кто желаетъ скорѣйшаго слиянiя окраины съ коренною Русью охотно принесетъ свой посильный вкладъ въ это дѣло.

ОБЪЯВЛЕНIЯ.

Годъ VII-й Подписка 1891 годъ. Годъ VII-й.

„ДѢТСКАЯ ПОМОЩЬ“

журналъ посвященный вопросамъ общественной благотворительности.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 15 и 30 числа. Объемъ номера 2 печатныхъ листа, въ большую 8 долю, въ 2 столбца.

Подписная цѣна: На годъ 2 руб. безъ доставки, 2 руб. 50 коп., съ дост., 3 рубъ съ пересылкой въ города.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакцiи, Остоженка, д. № 18, и въ конторѣ типографiи Сногиревыхъ, Овчоловскiй пер., собств. дѣль.

Новые подписчики получатъ „Приложенiе“:

„Практическое руководство къ устройству и водонiю Яелей, Фирмена Марбо, Т. А. Цемшъ, съ чертежами.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ ДИМИТРІЙ,

АРХІЕПИСКОПЪ ХЕРСОНСКОЙ.

Полное собраніе проповѣдей его въ 5-ти томахъ. Т. I: Слова и бесѣды на праздники Господскіе (70 пропов.); т. II: на праздники Богородичныя и въ честь святыхъ (72 проп.); т. III: на дни воскресныя отъ недѣли Фоминой до нед. Мытаря и Фарисея (72 пр.); т. IV: на дни воскресныя отъ нед. Мытаря и Фарисея до Пасхи и на Великій постъ (81 проп.); т. V: на дни высокопразднственныя, на освященіе храмовъ, на тексты, на разные случаи и погребенія (78 пропов.).

Содержаніе IV т. 6—проповѣдей на нед. о Мыт. и Фарисеѣ; 7—проп. на нед. о Блаудномъ сылѣ; 6—на масопустную; 3—сыропустную; 6—въ первую седмицу Великаго поста; 7—предъ исповѣдію и послѣ оной; 8—предъ причащеніемъ и послѣ онаго; 1—въ нед. православія; 4—во 2-ю седмицу Великаго поста; 9—въ 3-ю; 7—въ 4-ю, 5-ю, 6-ю; 10—въ Страстную седмицу; 7—на первые 4 стѣха 140 пс. („Господи воззвахъ“).

Высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ Киевскимъ и Епархіальнымъ начальствомъ—Тульскимъ и Ярославскимъ, проповѣди святителя Димитрія рекомендованы подчиненному имъ духовенству для выписки въ церковныя бібліотеки какъ такія, которыя, при глубинѣ мыслей и замѣчательной павидательности, откичуются рѣдкою общедоступностію изложенія.

Изъ отзыва преев. Лустина, бывшаго епископа Миргородскаго, нынѣ Тобольскаго, о проповѣдяхъ архіеп. Димитрія: Возсмертныя творенія великаго святителя дадутъ благочестивымъ христіанамъ весьма назидательное чтеніе почти на каждый день года, а пастырямъ церкви неоцѣнимый матеріалъ для церковныхъ и въ церковныхъ собесѣдованій. Пожелаетъ ли кто войти въ духъ правдниковъ Господскихъ, Богородичныхъ и въ честь Святыхъ, пусть читаетъ слова и бесѣды въ I и II томахъ;—дней воскресныхъ, пусть читаетъ III т.; приходитъ ли Великій постъ и вы желаете какъ слѣдуетъ поговѣть, берите и не выпускайте изъ рукъ IV т.; хочеть ли кто со смысломъ праздновать царскій день или понять смыслъ и значеніе храмовъ и богослуженій нашихъ или имѣть вѣрный взглядъ на разные случаи христіанской жизни и умереть по христіански, пусть читаетъ V т.

На душу внимательнаго читателя сочиненія владыки Димитрія производятъ неотразимое дѣйствіе: уму даютъ свѣтъ истинный, сердце согрѣваютъ любовью святою и волю возбуждаютъ къ добру вѣчному...“.

Цѣна каждому тому 1 р. 75 к., съ пер. 2 руб. При выпискѣ за-разъ всѣхъ 5 томовъ ц. 8 руб. съ перес.

Складъ: Москва, въ книжн. магаз. А. Карцева. Книжн. магаз. А. Карцева покупаетъ цѣлыми нѣтаціями отпечатанныя книги духовнаго содержанія и отдаетъ вновь подобныя книги.

Отдѣльныя книжки.

Изъ твореній Димитрія, архіепископа Херсонскаго, подъ общимъ заглавіемъ: „Религіозно-правственное чтеніе для церкви, школы и семьи“. Каждая книжка отъ 10 до 30 страницъ и стоитъ отъ 2 до 5 копѣекъ. Въ настоящее время вошли слѣдующія: 1) Слово Божіе есть истинный духовный свѣтъ и какъ имъ душеспасительно пользоваться. 2) Страшный судъ. 3) Прощальное Воскресеніе. 4) День воскресный—день священный. 5) Чему поучаютъ кладбища посѣщающихъ оныя. 6) Что такое грѣхъ. 7) Что такое постъ; 8) Благоразумный разбойникъ. 9) Предъ исповѣдію и на исповѣди. 10) Предъ причащеніемъ и послѣ онаго. 11) Крестъ—Христовъ—наше утѣшеніе. 12) Предъ плащаницею. Имѣютъ выходить времени отъ времени и другія книжки. Обращаться: Москва, въ книжный магазинъ А. А. Карцева. При выпискѣ болѣе чѣмъ на 1 рубль уступка до 30%.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ

на ежемѣсячный литературно-научный и политическій журналъ

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Условія Подписки: Годовая цѣна безъ перес. и дост. 12 р., съ достав. въ Петербургъ 12 р. 50 к., съ пересылк. въ предѣлахъ Имперіи 13 р. 50 к., на полгода 7 р. 50 к., на четверть года 4 р., за-границу 15 руб.

Для иногородныхъ, подписывающихся чрезъ Главную Контору, разорочка допущается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ—4 р., къ 1-му апрѣля 4 р., къ 1-му іюля—3 р. и къ 1 октября 2 р. 50 к. Учащимся, духовенству, учителямъ и учительницамъ журналъ по прежнему высылается на льготныхъ условіяхъ, т. е. со скидкою 2 р. съ годовой цѣны и съ разорочкою: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му іюля—3 руб. и къ 1-му октября 2 р. 50 к. Цѣны 12 книгамъ 1889, 1888, 1887, 1886 г.—8 р. и 1885—5 р.

Съ октября мѣсяца прошлаго года веденіе „Сѣвернаго Вѣстника“ перешло въ руки новой редакціи.

Слѣдующія лица общали „Сѣверному Вѣстнику“ свое участіе: М. П. Альбовъ, А. А. Андреева, пр. Д. Н. Анучинъ, П. М. Астирѣвъ, К. С. Баранцевичъ, Ю. И. Безродная, П. Д. Боборыкинъ, К. М. Волдаковъ, В. И. Вородаювская, В. В., пр. Ал-др. П. Веселовскій, пр. Ал-сѣй П. Веселовскій, А. А. Воселовская, П. Н. Вейцбергъ, А. А. Вишицкая, А. Л. Волинскій, О. Ф. Воропоновъ, З. П. Гиппиусъ, Б. В. Глинскій, А. А. Головачевъ, В. А. Гольцевъ, пр. И. Я. Гротъ, Л. Я. Гуревичъ, Г. А. Джалишевъ, А. М. Есенинова, А. В. Елишевъ, П. В. Засодимскій, П. П. Златовратскій, И. К. Ивиловъ, пр. И. И. Ивапковъ, пр. А. А. Исавъ, И. А. Кабуковъ, М. К. Горбунова, М. С. Корединъ, пр. И. И. Карѣвъ, пр. С. В. Ковалевская, М. В. Крестовская, С. И. Ламапскій, пр. П. Ф. Лесафтъ, пр. В. А. Лебедевъ, пр. И. Л. Липинченко, Е. І. Лихачева, К. И. Львовъ, М. А. Лозинскій, М. В. Лучинская, Е. П. Лѣткова, В. И. Макъ-Гаханъ, пр. Д. П. Менделѣвъ, Д. С. Мережковскій, Н. М. Минскій, А. К. Михайловъ (Шемлеръ), В. П. Михайловъ (Мартовъ), Д. Л. Мордонецъ, пр. С. А. Муромцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, А. П. Шаевская, А. Н. Плещеевъ, Я. П. Полонскій, П. П. Потапенко, Н. А. Рубакинъ, М. И. Свѣшняковъ, А. М. Скабичевскій, В. Ю. Скалонъ, В. С. Соловьевъ, П. А. Соколовскій, В. Д. Спасовичъ, В. В. Стасовъ, пр. И. А. Стебуть, пр. И. П. Стороженко, пр. К. А. Тимирязевъ, В. Т., В. А. Фаусекъ, пр. И. Я. Фойницкій, пр. А. Ф. Фортупатовъ, С. Г. Фругъ, пр. Л. В. Ходскій, И. Л. Холодковскій, А. П. Чеховъ, Ф. А. Червинскій, пр. В. М. Шимковичъ, И. Л. Щегловъ (Леонтьевъ), пр. И. И. Янжулъ, Е. П. Япжулъ, пр. Ю. Э. Яисовъ, пр. В. Г. Яроцкій и др.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ журнала, Троицкая ул., д. № 9 и въ отдѣл. Конторы—въ книжн. маг. П. Н. Карбасникова въ С.-Петербургѣ—Литейная, д. 46, Москва—Моховая, д. Кохъ; Варшава—Новый Свѣтъ, д. 67; а также въ книжн. магаз. И. А. Розова; въ Кіевѣ—Крещатикъ, д. Марръ; въ Одессѣ—Дерибасовская ул.; въ Кавани въ книжн. маг. А. Л. Дубровинъ—Гостинный дворъ, № 1. Книгопродавцамъ уступка 50 к. съ годовой цѣны въземляра. Иногороднымъ проситъ обращаться исключительно въ Главную Контору журнала. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

Главная Контора открыта ежедневно отъ 11-ти до 4-хъ час., исключая праздниковъ. Личныя объясненія по вторникамъ и четвергамъ отъ 2—4 час.

Редакторъ-издатель В. Глинскій.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакцією литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.